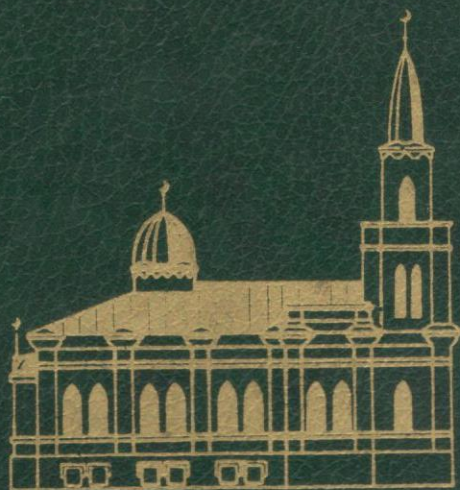

В. Черновская

Мусульмане
Ярославя

Личная библиотека
Раиса Раекатовича
Сулейманова

В. Черновская

МуСулмане Ярославя

Ярославль
2000

ББК 86.38

Ч 49

Черновская В.

449 Мусульмане Ярославля: Монография. Ярославль: ДИА-пресс, 2000. С. 224.

Работа выполнена при финансовой поддержке, предоставленной в рамках конкурса Индивидуальных исследовательских проектов Программы по Глобальной Безопасности и Устойчивому Развитию Фонда Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров, проект 99-57329.

Монография является первой в отечественной историографии работой, посвященной истории формирования современной мусульманской общины в провинциальном городе Центральной России.

Книга рассчитана на востоковедов, а также на широкий круг читателей, интересующихся религией и культурой ислама.

Ответственный редактор: Л. А. Фридман, доктор экономических наук, профессор

Рецензенты: М. Ф. Муртазин, ректор Московского исламского университета;

В. И. Дятлов, доктор исторических наук, профессор

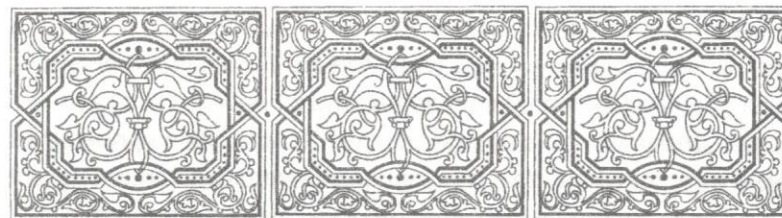
В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Макартуров.

ISBN 5-7886-0040-5

ББК 86.38

Ч 49

© В. В. Черновская, 2000

ВВЕДЕНИЕ

советской науке города и области Центральной России выпадали из списка регионов, народы которых ассоциировались с понятием мусульманской традиции. Соответственно проблемы, связанные с религией и культурой ислама, изучались главным образом применительно к народам, населявшим Среднюю Азию и Закавказье. И, наоборот, исследования, посвященные ареалу Центральной России, не затрагивали проблематики этнических мусульман. Вопросы, охватывающие важнейший срез данной проблематики, в частности – межэтнические и этноконфессиональные отношения в этом регионе, казались ученым заведомо бесперспективными.

Востоковеды считали, что численность мусульман здесь невелика и, следовательно, влияние «исламского фактора» для региона малозначимо. Краеведы воспринимали если не Россию, то свою малую родину – город, область или район – как моноконфессиональную территорию, а иноверцев, если они проживали на ней, – как «нацменов», но не носителей иной конфессии и социокультурной системы. Ярославль и административно подчиненная ему территория (область) в этом отношении не представляли исключения. Между тем присутствие «магометанской компоненты» в населении губернии в дореволюционное время и области в советское – всегда было ощутимо.

Двести лет, с 1563 года, когда городок Романов, расположен-

ный в тридцати верстах от Ярославля, был пожалован во владение ногайским мурзам царем Иваном Грозным, мусульманская община (махалля) соседствовала с православной конфессией. Добавим, что с превращением Ярославля в промышленный и торговый центр в городе и около него селились и множились представители народов, давно и глубоко исламизированных. В этой этнически дисперсной среде нерусского населения доминировали татары, приток которых в губернию не иссякал со времен крушения Казанского ханства, включая и советскую эпоху. В 20–30-е годы XX века, в связи с крупным индустриальным строительством, местные власти поощряли сезонные миграции рабочих из Татарии. Часть из них оседала на постоянное жительство в городе и области, пополняя ряды приверженцев мусульманской религии.

Итак, город менялся. Он становился многонациональным и поликонфессиональным. Активным иноверческим “вкраплением” в составе его коренного населения оставались татары, готовые, по выражению ярославского краеведа дореволюционного времени, “притягивать всех и каждого из близких им инородцев в среду магометанского просвещения”. Центром такого просвещения стала мечеть, выстроенная на средства городской махалля (общины) в 1914 году. При ней функционировали мектеб (начальная школа), библиотека и типография.

На протяжении веков, предшествовавших революции 1917 года, численность татарского населения была подвержена колебаниям, менялись статус татар в сословной иерархии местного общества, формы и способы включения в системы хозяйственной жизни губернии. Неизменным оставалось одно. Крепкие в вере татары плохо поддавались ассимиляции. Путь к этому пролегал тогда через христианизацию, обещавшую нерусским подданным империи многие льготы. Случалось, что по экономическим или иным причинам (например, чтобы избежать воинской повинности или получить личное дворянство) они крестились. Но при каждой благоприятной возможности оставляли

православие и вновь, охотно и массово, обращались в ислам.

В советский период переплетающиеся миграционные потоки и передвижения людей происходили в условиях массовой интернационализации и атеизации населения. Ярославль, как и другие города, в которых сохранялось и пополнялось татарское население благодаря таким миграциям, не мог стать исключением из общего процесса становления “советской исторической общности”, у которой нет и не может быть иной, кроме пролетарской, идеологии. В контексте поставленной цели борьба с религиозными предрассудками провозглашалась в качестве едва ли не первоочередной задачи. Политика была одинакова для всех вероисповедных групп. Эффективность же советского государственного курса на насильственную атеизацию мусульманского населения невольно вызывает ассоциации с ситуацией дореволюционного времени.

И в первом, и во втором случае, похоже, не принимались в расчет особенности ислама – религии энергичной, гибкой, способной сопротивляться давлению извне. Гонимый и униженный при советской власти, он сумел сохраниться в своей этнокультурной среде. С конца 80-х годов, когда атеистические и идеологические барьеры были разрушены, стремление к возврату в лоно своей конфессии в этой среде стало императивом. Лидерами движения за восстановление “естественной среды обитания” в очертаниях, которые в той или иной степени соответствовали бы ситуации дореволюционного времени, выступили татары, принадлежавшие к старшему и среднему поколению советского “образованного класса”, то есть той категории городского населения, которая подверглась жесткой ассимиляции в “новую историческую общность”, в целом была весьма далекой от религии, а тем более от соблюдения ее повседневных норм и предписаний. Тем не менее, именно в рядах этой инициативной группы горожан решительно ставился вопрос о возрождении национальной культуры, в которой велика роль ислама и многих его традиций. И уже в контексте этой идеи выдвигалась конкретная

задача – восстановление мечети как центра религиозной и культурной жизни татарского городского населения (по аналогии с привилегией, которую оно имело до революции). Ее открытие в 1991 году стало своего рода точкой отсчета в возрождении традиций ислама в городе на берегах Волги. Так сама жизнь подсказала автору сюжет настоящей книги.

Она посвящена истории возникновения, состояния и развития ярославской мусульманской общины. Угол зрения автора на эту проблему сформировали современные процессы в российском обществе, в первую очередь – этноконфессиональные. Достаточно взглянуть на этноконфессиональный ландшафт постсоветского пространства, чтобы убедиться, что в 90-е годы на нем отчетливо обозначились контуры реконструкции цивилизационных ареалов: мусульманского и христианского (православного). Таким образом, применительно к территориям, на которых проживают носители обеих конфессий, речь, в сущности, идет о частных проявлениях глобальной проблемы, которую условно можно назвать "встречей цивилизаций". Отнюдь не однозначной по своим последствиям представляется она современникам в долгосрочной перспективе.

Сегодня можно прочесть или услышать разные суждения относительно того, является ли "исламский ренессанс" благом для России или представляет для нее некую угрозу. Ответ на этот вопрос во многом зависит от вклада провинции в анализ проблем, связанных или пересекающихся с данным феноменом. Иными словами, в круг вопросов, составляющих предмет микроистории, включаются сюжеты, исследование которых может служить своего рода индикатором уровня стабильности или конфликтности в российском обществе в целом.

Таковы соображения, которыми руководствовался автор, "встраивая" сюжет провинциальной махаллы в контекст сложных и противоречивых реалий постсоветского времени. С этой точки зрения настоящая работа вписывается в направление исторических исследований, появление которого обусловлено

разворотом отечественного востоковедения к проблеме возрождения ислама в современной России, включая ее провинцию, отдельные области и города. Чисто внешне это видно по возросшему к концу 90-х годов количеству целиком или частично посвященных данному феномену публикаций. Характеристика и анализ таких работ, научных и публицистических, могли бы стать темой самостоятельного исследования. Автор не ставил перед собой такую задачу, но счел необходимым обозначить подходы, в русле которых разрабатывалась эта проблематика в истекшее десятилетие.

Важнейший ее срез представлен исследованиями, которые, при всей их разнородности, объединила общая черта. В них ставились вопросы о роли ислама и мусульман на различных этапах российской истории и взаимодействия России и мусульманского мира в прошлом и настоящем. Уместно в этой связи упомянуть труды А. А. Игнатенко¹, Р. Г. Ланды², А. В. Малашенко³, Г. В. Милославского⁴, В. В. Наумкина⁵, А. А. Нуруллаева⁶, Л. Р. Сюкияйнена⁷. Разумеется, это далеко не полный перечень авторов, обратившихся к исламской тематике в рассматриваемый период. Перечень только монографических изданий, посвященных истории ислама и мусульман в России, насчитывает сегодня десятки наименований (см. Библиографию). Совершенно очевидно, что в последующие годы их число будет пополняться. Это обусловлено как общероссийской значимостью мусульманской проблематики, так и геополитической ситуацией, воз-

¹ Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1998.

² Ланда Р.Г. Ислам в современной России. М., 1995.

³ Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

⁴ Милославский Г.В. Интеграционные процессы в мусульманском мире (Очерки исламской цивилизации). М., 1991.

⁵ Наумкин В.В. Россия и ислам // Современный ислам: культура и политика. М., 1994.

⁶ Нуруллаев А.А. Мусульманская умма (сообщество) России – составная часть российской цивилизации // Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). М., 1998.

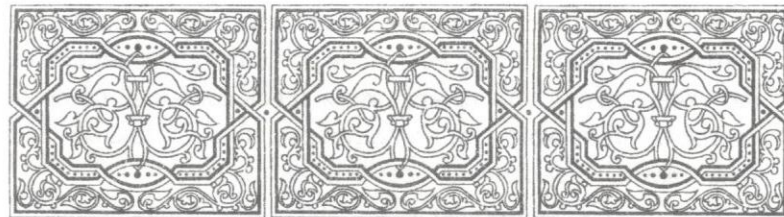
⁷ Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманство – правовая культура. М., 1997.

никшей после распада СССР. Соответственно анализ и оценка исследований, базирующихся на этом подходе, еще впереди.

Логике другого подхода направлял интерес к истокам и возрождению мусульманских общин в российской глубинке. Среди пока еще немногих изданий этого ряда уникальным по своей информативности является коллективный труд авторов, посвященный возникновению, распространению и укреплению исламской религии на территории современной Нижегородской области в период с XV по XX век⁸. В том же ключе, но иными приемами автор попытался воссоздать историю ярославской мусульманской общины, опираясь на источники, широкий спектр которых представляют материалы Государственного архива Ярославской области (ГАЯО), Центра документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИ), а также статистические сборники, справочные и иные информационные издания досоветского, советского и постсоветского периодов. В работе над книгой был задействован и личный архив автора, собранный в ходе проведенного автором интервьюирования прихожан городской соборной мечети, религиозных лидеров, руководителей национально-культурных автономий, обществ (всего 50 человек).

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто согласился ответить на поставленные вопросы, оставил воспоминания, восстанавливающие связь времен в жизни мусульманской конфессии. Особую благодарность автор приносит имамхатыбу соборной мечети Рустаму-хазрату Батрову за помощь в организации и проведении этой работы.

⁸ Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История исламских общин Нижегородской области. Нижний Новгород, 1998.

Глава первая

“ИСТОРИЧЕСКИЙ КАПРИЗ” ИВАНА ГРОЗНОГО

ассовое переселение татар на ярославскую землю относится к 1563 году, периоду царствования Ивана Грозного. Особенно не повезло городку Романову, расположенному на Волге в тридцати верстах выше Ярославля (ныне Тутаев, индустриальный спутник Ярославля). Он был полностью отдан во владение татарским мурзам. Ровно

двести лет продолжалось это “новое иго”, задержавшее, по мнению некоторых исследователей, “естественное развитие края, как в смысле экономического, так и еще более в отношении роста народного правосознания и упрочения идеи единой государственной власти”¹.

По утверждению профессора Ярославского Демидовского лицея И. Я. Гурлянда, “заселение исконной русской местности татарскими выходцами — это своеобразный исторический каприз, поведший к господству татар не только в Романовском, но и в соседнем Ярославском уездах...”²

¹ Теляковский Н.Н. Старина и святыни города Романова. Ярославль, 1913. С. 22.

² Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. Тверь, 1904. С. 3.

Все попытки исследователей найти хоть какие-то корни оседлого пребывания татар в Романове до 1563 года успеха не имели. Утверждения, что татары жили здесь колонией со времен татаро-монгольского ига, не подтверждались никакими свидетельствами. Переселенцы "сели на чистое место".

Известно, что исторические события нередко происходят не в силу естественного хода событий, а именно по капризу влиятельного лица. Единственная зацепка, хоть как-то объясняющая это странное решение царя, — его недолгое пребывание в Романове.

После взятия Казани Иван Грозный заболел и дал обет, что в случае благополучного выздоровления посетит излюбленное, после Александровской слободы, место — Кирилло-Белозерский монастырь. А, сплавляясь по Шексне и Волге, остановился в Романове и, видимо, крепко обиделся на романовских бояр, князей и купцов. При непредсказуемом нраве царя обида могла быть на что угодно. Не то питье, не та еда, не те покои. За то, что не потрафили, царь обычно расправлялся тут же. Но мстительный ум его оставлял заметку и на будущее: он ничего не забывал и никому ничего не прощал. Возможно, злопамятность его усугубила смерть в дороге малолетнего сына Дмитрия.

Но посещению Романова и его решению подарить городок татарским мурзам предшествовало известное историческое событие — взятие Казани в 1552 году, что в череде собирания разрозненных городов и княжеств в единое Московское государство стало первым завоеванием чужой земли. Как писал русский историк С.М. Соловьев, "завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека: подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских"³.

Жители Казани и всех улусов согласились быть в подчинении

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. VI. С.

у русского царя и платить ясак. Отслужив молебен по случаю победы в построенной за три дня церкви Благовещения и назначив наместника, царь с войском отбыл в Москву. Но очень скоро начались мятежи, царские дружины вынуждены были вернуться на казанскую землю и вновь вести боевые действия против непокорных. Одновременно в среду шести народов, населявших Казанское ханство, удалось внести раскол, в результате чего часть населения не только перешла на сторону русских, но и участвовала в боях против мятежников, за что были выданы щедрые подарки и даже золото. "Таким образом, после взятия Казани нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтобы усмирить все народы, от нее прежде зависевшие. В борьбе этих народов против Москвы, так же как и в последней борьбе самой Казани, принимают деятельное участие ногаи, с которыми до тех пор не было у Москвы явно враждебных отношений"⁴.

Ногайские татары, осколок Золотой Орды, были в основном кочевниками. Кочевали не только по прикаспийским степям, но и от одного ханства к другому. Был сильным крымский хан — примыкали к нему, укреплялось Казанское ханство — стояли за него. Если бы в 1552 году они были уверены, что победа будет за Иваном Грозным, то, возможно, выступили бы на его стороне.

Но эти народы объединяла вера. Царю и Думе виделось, что стоит перекрестить мусульман в православную веру, как все проблемы и конфликты будут решены. Однако оказалось, что требуется еще двести лет борьбы на религиозном фронте, чтобы уже другие, более просвещенные правители признали равенство религий. Ни о победах, ни о поражениях в этой борьбе говорить не принято. Все как бы остались при своих интересах. Видимо, не было на Руси более фанатичного и преданного Богу царя, чем Иван Грозный, сделавшего своим девизом: "Истина и свет для народа в познании бога и от бога данного ему государя".

Этот далекий и неудачный опыт христианизации мусульман

⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 446.

не будет толком исследован и объяснен. А потому все последующие цари, правители и даже генеральные секретари ЦК КПСС будут по очереди наступать на одни и те же грабли, пытаясь подчинить мусульманские республики Закавказья и Средней Азии методами военными, политическими, экономическими, но ставка на религию всерьез не делалась никогда.

Православные миссионеры в Казани, в сопровождении царских воинов, действовали не столько убеждением, сколько принуждением. Новокрещеным обещали многие блага: деньги, освобождение от преступлений и от подчинения хозяевам. Мурз и помещиков, отказавшихся креститься, лишали земель, отбирали подданных. Скотоводов и кочевников заставляли заниматься хлебопашеством. Неразбериха, отсутствие четкой и твердой политики привели к тому, что отношения новокрещеных татар с мусульманами, крепкими в вере, приводили к постоянным внутриконфессиональным конфликтам. Дошло до того, что новые христиане уже не требовали обещанных льгот, а просили только защитить их от произвола бывших единоверцев. Те отбирали у них земли, избивали, отдавали за себя на службу.

Одной из мер улаживания конфликтов было решение отвести мусульман от новокрещеных, причем на первых порах отселяли только христиан, что было для них дополнительным ударом. Другой мерой, сохранившейся на долгие годы, было переселение мусульман в православные места России, где процесс христианизации произошел бы естественным образом. Но переселение татар в Романов не укладывается и в эту схему. Сюда "укоренили" ногайцев по капризу государя.

Отношение Ивана Грозного к ногайским татарам было неоднозначным. Владетельный князь из ногаев Юсуф долгое время был преданным другом русского царя, принимал участие в его военных делах. Но впоследствии превратился в ненавистного врага. После смерти Юсуфа и в результате долгой борьбы между его наследниками во главе ногайской орды стал его брат Измаил. Опасаясь за свою судьбу, он доступными и недозволенными ме-

тодами вытеснил ближайших законных наследников. Двадцатилетние распри с загадочными смертями закончились тем, что в 1563 году ногайские мурзы: Иль-мурза, Алей-мурза и Айдар-мурза — со своими служилыми татарами пожаловали в Москву. И, помня, что ногайцы одними из первых встали когда-то на его сторону, Иван Грозный принял их с большими почестями. Их жалобы на притеснения со стороны Измаила, на утрату земель царь удовлетворил тем, что пожаловал им городок Романов с большей частью уезда. Ногайцы получили особые жалованные грамоты с красными печатями. Это давало им право распоряжаться всеми видами доходов в Романове. Так городок и часть уезда были отданы в полное владение бывшим побежденным, что, естественно, не вызвало восторга у романовцев.

"На службе московского царя, таким образом, появились три знатных ногайца: Иль-мурза Юсуфов и два брата Кутумовы Алей-мурза и Айдар-мурза, а также некоторое число сопровождавших их ногайских татар. Царь пожаловал трех мурз городом Романовым со всеми доходами и рядом дворцовых сел в Романовском уезде, за что они должны были выставлять на службу 225 человек"⁵. Если предположить, что это число составляло как минимум одну седьмую часть татар, то переселенцев было не менее 1500 человек. Забегая вперед, скажем, что количество татар, выставляемых на царскую службу, сыграет в их судьбе едва ли не роковую роль...

Романов не был первым городом, отданным во власть татарам. Известно, что Золотая Орда была не столь единым и крепким государством, как принято считать. В XV веке на российских землях появились татарские вассальные княжества. Так, еще в 1446 году на службу к Василию Темному перешли сыновья казанского хана Улу-Мухамеда Касим и Якуб. Они со своими отрядами сражались на стороне Москвы против казанских, ногайских и астраханских татар. За это Великий князь отдал в 1452

⁵ Гурлянд И.Я. Указ. соч. С. 4.

году им во владение мещерский городок, названный впоследствии Касимовым. Но этот дар был сделан за службу. Романов же перешел к побежденным по милости, которую ногайцам предстояло оправдать. Служилые татары в Романове находились в полном подчинении мурз, которые по своему усмотрению выделяли кому землю, кому поместье, кому денежное жалованье.

За время правления мурз православный Романов принял мусульманский вид. Если в Казани и улусах повсеместно разрушались мечети, то романовские татары притеснений в вере не испытывали и даже построили на окраинах города несколько мечетей. Все мурзы имели дома в городе, но предпочитали жить в поместьях, ближе к природе, и ежегодно устраивали непродолжительные кочевки по уезду. В местах охоты разбивали палатки и шатры и стояли табором по несколько недель.

Все денежные сборы в городе контролировали исключительно татары. Для разрешения конфликтов и тяжб был учрежден суд, причем споры между татарами разрешали только мурзы. А если тяжба возникала между городскими людьми и татарами, то в ее разрешении участвовали два татарина и двое из лучших горожан, но по выбору татар.

В сложном положении оказались представители романовских княжеских родов – Охлебинены, Бельские, Шехонские, Деевы, Львовы, Морткины, Щетины. Они имели свои дома, поместья, подданных. С приходом татар их безмятежной жизни пришел конец. Формально их поместья и люди должны были отойти к татарам. Немалые заслуги романовских княжат перед Москвой нельзя было сбросить со счетов. Однако вопрос об исправлении жалованных грамот, где бы особо оговаривались права княжеских родов, даже не возникал, так как царь никогда не отказался бы от своего даже заведомо неправого решения. Поскольку татары подчинялись Посольскому приказу в Москве, а князья местным властям, то хрупкое равновесие удавалось удерживать на год-два, а в остальное время мурзы всячески стремились быть выше, ущемить права местной знати, у которой

хотя и имелись жалованные грамоты, но их действие как бы перекрывалось своевольным решением царя. В результате князья вынуждены были платить мурзам налог – нечто вроде отступного.

Не менее сложными оказались и взаимоотношения с православной церковью. Конечно, храмы татары не рушили, но священники находились под сильным давлением мурз. Если по всей Руси в годовщину взятия Казани церковь славila русское воинство, то в Романове священникам даже запрещалось упоминать об этом.

Приведем отрывок из доклада И.Я. Гурлянда на Тверском археологическом съезде в 1903 году. Его выводы сделаны на основе детального исследования жизни татарской колонии в Романове, а также в Романовском и Ярославском уездах.

“Во-первых, татары, как группа населения, пользовавшаяся особыми правами, угнетала коренное население экономически. Производило русское население, татары были только потребителями. При этом потребителями, по всем данным, необузданными и часто – жестокими. Во-вторых, большое значение должен был иметь и вопрос религиозный. Еще царь Федор Иванович убеждал мурз смотреть за своими татарами, чтобы они никакого поругания христианской вере не делали, русских людей не бусурманили, храмов не сквернили. Едва ли татары проявляли серьезное стремление пропагандировать в Романовском уезде магометанство. Но верно и то, что они проявляли большую бесцеремонность в отношении религиозных верований подвластного им православного населения. Если прислушаться к жалобам местного населения, картина получается крайне тяжелая. У храмов татары строили свои дворы, на папертях татарчата играют во время службы, камни бросают, из луков в кресты стреляют, попов лаят и позорят. “Которые попы в мурзинских поместьях, и теми мурзы и татаровья владеют, как прочими своими людьми” – сообщают архивные документы. В посты татары заставляют своих православных слуг есть кобылятину, а

кто жаловался, тех нещадно били. Но припишем половину этих обвинений естественному желанию населения освободиться от экономического гнета татар — все-таки остается немало серьезных оснований для Московского правительства задуматься над вопросом и попытаться разрешить его”⁶.

Была у романовских жителей немалая надежда, что с кончиной Ивана Грозного изменится и отношение Москвы к татарам, их права урежут и православные вздохнут свободно. И действительно, после кончины царя немало челобитных ушло в Москву. Но мстительность царя отразилась и в его духовном завещании на имя сына, в котором он особо отметил, что Романов должен оставаться во владении татарских мурз до тех пор, пока они не “отъедут или изведутся”. И только тогда город перейдет наследнику трона.

Именно в это конфликтное время возникло предание, которое более трехсот лет на слуху у православных. За эти годы оно обросло массой домыслов и загадок о таинственном появлении и исчезновении святыни. Относится оно к 1588 году, началу правления Федора Иоанновича, когда некоему Герасиму, выходцу из Романова, по неизвестной причине проживавшему под Казанью, было повеление Богородицы: пойти в воскресный день в Казань и на базаре купить у юноши икону, размерами и обликом похожую на ту, что была в городе и именовалась Казанская. Герасим должен был возвратиться в Романов, убедить жителей, что икона чудотворная и для нее надлежит построить храм на месте старой церкви, обозначенном двумя подземными и одним явным крестом.

Романовцы, уже успевшие настрадаться от казанских мурз и их людей, не вняли пророчествам Герасима, церковь строить не стали, а икону поместили в деревянную Никольскую церковь.

В смутное время, когда польско-литовские отряды не смогли взять Ярославль, отряд поляка Гальбовича в марте 1609 года

взял Романов и сжег не только город, но и окрестные слободы и села. Романовцы покинули город, оставив на разграбление даже церкви, забыв о главной святыне и защитнице — чудотворной иконе Казанской Божьей матери. Один из литовцев, христианин Яков Любский, опять-таки повинувшись голосу свыше, взял икону и впоследствии передал святыню ярославскому выборному Якову Лыткину. Икону поместили в церкви Дмитрия Солунского. Впоследствии, в целях безопасности, перенесли ее в деревянную церковь Рождества Христова, находившуюся за городскими стенами. Ярославцы выдержали почти месячную осаду малого города, и враги отступили. Часть из них отошла к Ростову, другие — к Костроме. Спасение города приписали чудотворной иконе, и горожане решили построить для нее храм. В 1644 году на месте бывшей деревянной церкви Рождества Христова возвели каменную, к которой вскоре был пристроен так называемый Казанский придел в форме четырехугольной башни, увенчанной лучшим в Ярославле крестом. В результате получился не имеющий аналогов в России памятник архитектуры, в котором даже непосвященные улавливают некий оттенок магометанских влияний. Икона находилась здесь до возведения в 1845 году Казанского собора в одноименном монастыре.

Романовцы еще в царствование Василия Шуйского подали челобитную с просьбой вернуть икону в Романов, так как в наставлении Богородицы, со слов Герасима, она должна находиться именно в их городе. Царь повелел вернуть икону романовцам. Однако ярославцы, в свою очередь, пожаловались царю, что жители Романова не сберегли икону, не исполнили повеление Богородицы и не построили для нее храм. К тому же спорная святыня является собственностью не частного лица, а всего Ярославля. И царь пересмотрел свое решение. Оставил икону ярославцам, а жителям Романова было предложено сделать с иконы список, обложить его похожей ризой, но раз в год доставлять в Романов чудотворную икону.

При оценке этой притчи, густо перемешанной с реальны-

⁶ Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 7.

ми историческими фактами и лицами, возникает немало вопросов. Почему именно жителю города Романова Герасиму, невесть как оказавшемуся под Казанью, было видение Богородицы? Почему икону нужно было покупать именно в магометанском городе Казани? И почему ее непременно надлежало доставить в Романов?

Служители церкви всегда неодобрительно относятся даже к попыткам объяснить чудеса. Но тем не менее, одна из разгадок лежит на поверхности. Чтобы установить добрососедские отношения переселенцев-мусульман с православными жителями города, романовские мурзы вполне могли снарядить "миссию Герасима", чтобы впоследствии, приписывая все добрые дела чудотворной иконе, внедрить в сознание христиан, что чудеса-то идут с мусульманской земли, из Казани. Так что не надо воевать с магометанами. Они не только не воюют с православными, но и защищают их образом Казанской Божьей матери. Более того, мурзы понуждали новокрещеных татар и жителей подчиненных им сел ходить в Никольскую церковь, хотя и находилась она в самом отдаленном и неудобном месте — под высоким берегом, почти у самой воды. По преданию, церковь была построена на мысу из камней. Место это особо почиталось у волгарей. Они считали своим долгом побывать здесь хотя бы раз в году и оставить камень. За много лет из камней образовалась небольшая гавань, в которой пережидали непогоду и даже зимовали суда.

В Москве понимали ненормальность положения в Романове. А исправить его можно было, только изменив некоторые положения жалованных грамот. Но завещание Ивана Грозного не позволяло сделать это новому государю Федору Иоанновичу. Немало толкователей законов многократно штудировали грамоты, пытаясь отыскать хоть небольшую лазейку, позволившую бы урезать права татар в Романове. Но уже в первый год своего правления, соблюдая традиции предков — отмечать восхождение на престол добрыми делами, Федор Иоаннович даже упрочил положение

мурз, передав им ряд дворцовых сел Романовского уезда.

Чиновники Посольского приказа все же нашли кое-какие зацепки. Предложили ограничить если не права, то доходы мурз. Они задумали перевести их на твердое жалованье. В ответ мурзы слали в Москву протесты, требуя строгого соблюдения воли и грамот Ивана Грозного. Особо подчеркивали, что значительную часть своих доходов передают в казну и на свои деньги содержат отряд в 225 человек.

Созданная согласительная комиссия все же нашла компромиссное решение: мурзам отдавались уездные села со всеми доходами, которые крестьяне могли платить в виде оброка. Государственные подати с этих сел не взимались. Из доходов города мурзам выплачивалось по 300 рублей в год, а в случае участия в военных походах жалованье увеличивалось до 764 рублей, но уже из государственной казны.

Если крестьяне принадлежали мурзам, то служилые татары имели усадьбы и земли, выделяемые мурзами, и платили за это не фиксируемый нигде налог. Все работы у них выполняли латыши — переселенные пленники Ливонской войны и крепостные крестьяне, которых мурзы раздавали татарам. Если умирал татарин, то мурза мог возратить себе и землю, и крепостных, отдать ее наследникам умершего или другим служилым татарам.

Таким образом, подчиняясь мурзам, они, в свою очередь, имели в подчинении подневольных людей и представляли своеобразную категорию "крепостных помещиков".

В начале XVII века Романовым правили двое мурз — Сеюш Юсупов и Барай Кутумов. В это же время сибирский царевич Макеткул Актанулов породнился с Юсуповыми, перебрался со своим родом в Романов и даже попытался стать во главе романовских мурз, не имея при этом ни жалованных грамот, ни других видимых привилегий. Тяжбы шли до 1613 года. В результате род Актануловых не смог занять господствующее место и остался на положении служилых татар.

С приходом на царство Михаила Федоровича, первого из династии Романовых, круто, причем в худшую сторону, изменилась жизнь романовских мурз и служилых татар. Жалованные грамоты были подтверждены – это считалось обязательным ритуалом, обеспечивающим преемственность власти. Но все мурзы Юсуповы и Кутумовы лишались доплат из городских доходов и переводились на твердое жалованье.

В Посольском приказе продолжали искать возможности облегчения жизни жителей Романова и уезда. Жалованные грамоты не столько изучали на соответствие закону, сколько пытались “делать выводы из духа и общего смысла”. Царь Михаил Федорович был согласен, что надо ограничить власть мурз. Но никуда не денешься и от фактов. В смутное время “дворяне и дети боярские в Романове” присягнули Тушинскому вору, а простые люди, татары и мурзы не только поддержали Василия Шуйского, но выставили в ополчение К. Минина и Д. Пожарского более 300 человек. Вопрос состоял в одном: что в данный момент нужнее государству – городские и уездные жители Романова или татарский военный отряд, храбрый и хорошо организованный? Путем толкования грамот и учета сложившихся к этому времени правил решили: доходы будет собирать воевода, и, следовательно, он является единственным и полновластным хозяином. По логике татарин на жалованьи имеет одинаковые права со всеми служилыми горожанами.

Было еще одно веское обстоятельство, говорившее не в пользу татар. Передавая им Романов в полное владение, Иван Грозный особо отметил, что не собирается “нудить их в веру”. Но указал, чтобы к православным они относились уважительно, без насилия и принуждения христиан к “бусурманской вере”. Бесцеремонность татар в отношении к православным привела к тому, что влияние православной церкви в Романове практически было сведено к нулю. И если в смутное время с этим как-то мирились, то с воцарением Михаила Романова идея централизации как основы крепкого государства стала одной из важ-

нейших сторон в отношениях с провинциями.

В 1616 году уже не царь, а московское правительство, чтобы “оградить интересы русского населения посада и уезда от до-вольно тяжелых последствий владычества татар”, издает особый указ, которым все служилые татары были выведены из-под власти мурз и становились самостоятельными людьми. Земли, пленные латыши и крепостные крестьяне передавались свободным татарам, а мурзы, потеряв принадлежавших им татар и пожалованные им ранее земли, превращались в обыкновенных служилых татар. Вся власть переходила к воеводе, а мурз даже лишили права посылать своих представителей в воеводский суд.

Мурзы пожаловались царю и даже предсказали значительное ухудшение дел в городе, если не будет возвращен прежний порядок. Они знали то, чего не предполагали в Москве: татары, получив свободу и землю, займутся только своими делами, начнут враждовать между собой. Мурзы по-прежнему старались управлять татарами, те сопротивлялись, поток жалоб и обвинений с обеих сторон шел в Москву непрерывно. В Москве поняли свою ошибку, когда потребовалось войско. Вместо положенных 225 человек воевода смог собрать только 120. Причем далеко не все годились к военной службе. Пока правили мурзы, вопрос о формировании отряда не возникал. Теперь все убедились, что к самостоятельной жизни татары оказались не готовы. В 1621 году пришлось отменить указ пятилетней давности. И все татары с их землями, пленными латышами и крепостными вновь были отданы под власть мурз. Но при этом льготы, которыми они пользовались до 1613 года, им уже не вернули.

Средняя норма выделения в служилые люди шла от земли. Со 100 четвертей пахотной земли – один человек с доспехами и конем. В случае дальних походов полагалось иметь двух коней. Неявка на службу влекла за собой изъятие поместья, и только в случае отсутствия подходящего воина полагался значительный откуп.

Сложность положения в Романове усугублялась явным не-

желанием татар идти на службу. А брать с них откуп при наличии числящихся в ведомостях ратных людей не полагалось. Раньше приказ мурзы для них был выше закона. Теперь хозяином положения захотел стать сам служилый человек. К тому же и землю у него нельзя было изъять в казну, так как она была из дачи мурзы. Были даже попытки со стороны татар отправить за себя на службу пленных латышей и литовцев, якобы достаточно обрусевших и готовых служить России добровольно. Но мурзы быстро пресекли эти попытки, так как все пленные в свое время покупались ими в Москве и принадлежали им на правах личной собственности во всех поколениях.

Татары, почувствовав вкус к свободной жизни, свое возвращение в подчиненное положение восприняли враждебно. "Начинается ряд попыток во что бы то ни стало уйти из-под власти мурз. Бесконечный ряд жалоб в Москву, доносы на мурз – Москва охотно высказывалась против мурз, но, наученная опытом, не отводила татар от тех, кто брался отвечать за их службу. Москва уже поняла, что спешить некуда: отношения успели сложиться так, что плоды должны были созреть сами собой и скоро"⁷.

Распри и раздоры привели к тому, что романовским татарам было предложено то же, что и казанским. Хотите быть самостоятельными людьми, владеть землей мурз – переходите в православную веру, креститесь.

Поскольку желающих принять православие оказалось неожиданно много, земля от мурз уходила вторично и теперь уже навсегда. Тогда они поставили перед Москвой условие: или землю оставляйте за нами, или управляйтесь с татарами сами.

Неудачный опыт управления был еще памятен, и потому в 1629 году указом было принято компромиссное решение. Кто крестился до указа, тот владеет землей из дачи мурз, кто после указа – те будут получать землю от царя. Выигрывали новокре-

щенные татары не только в том, что за ними сохранялись земельные наделы. Их нельзя было продавать как крепостных. А позднее уже царь Федор Алексеевич разрешил наиболее знаменитым новокрещеным татарам именоваться князьями и считаться стольниками государя.

Жесткая политика христианизации, проводившаяся в Казанском ханстве, зеркально накладывалась на жизнь романовских татар. При Петре Первом у половины мурз, отказавшихся принять православие, были отобраны поместья. Мурзам Джедигеру и Нодыру Кутумовым поместья были возвращены, как только они согласились креститься. Оба сразу же получили княжеские титулы и звание стольников. А владения более стойких в вере Касой-мурзы и Ешь-мурзы были не только отобраны, но и, в назидание другим, отданы новоявленным князьям, получившим русские имена, – Федору и Дмитрию Кутумовым.

Христианизация татар – черная страница в истории русской православной церкви. Даже в царствие Елизаветы Петровны, по словам историка С.М. Соловьева, "немало внимания уделялось зверскому обращению магометан в христианство". И продолжалось это на протяжении почти двухсот лет. Лишь в конце правления Елизаветы Петровны процесс насильственной христианизации стал ослабевать. При Екатерине II в 1773 году был провозглашен принцип религиозного равенства, знатым мусульманам разрешили поступать на государственную службу. Максимум, что они могли выслужить при ней, – чин обер-офицера. И только в 1797 году особым указом наиболее преданные мусульмане из знатных родов были уравнены в правах с русским дворянством.

Дошла очередь и до романовских мурз. Им поставили последнее условие – принять христианскую веру или проститься с насиженными местами. Стойкие магометане думали, что это очередное запугивание. Однако вопрос уже был предрешен, и оставалось только определиться окончательно с местом переселения: Углич или Кострома. Ярославские и угличские духов-

⁷ Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 11, 12.

ные отцы срочно обратились к императрице, мол, хватит, настрадались от иноверцев. И указом от 13 декабря 1760 года упорные в вере романовские мурзы и их служилые люди были переселены в Кострому, где и поселились в отведенной слободе, так называемой Черной деревне.

Потеряв за время христианизации наиболее плодородные земли, татары все больше уходили в коммерцию. Исключительным правом торговли в России пользовались только русские купцы. Но для казанских и романовских татар было сделано исключение. Средняя Азия наотрез отказывалась вести дела с купцами немусульманской веры. Так Казань стала вторым, после Москвы, крупным торговым центром России. Способствовала этому мусульманская солидарность азиатских купцов. В этом участвовали и романовские татары. Так, наряду с известными в России выходцами из Романова княжескими фамилиями Юсуповых, Урусовых, дворян Сабанеевых стоят фамилии купцов Бакаевых, Апаховых и других.

Еще одна страница в истории Романова, хотя и косвенно, связана с татарами. Нигде не была так ослаблена православная церковь, как во время пребывания здесь иноверцев. Имея немало новокрещеных татар, в искренность их церковь мало верила. Принятие христианства шло почти исключительно по экономическим причинам, а не в силу убеждений. Уже тогда были пересуды, что Аллах позволяет подданным совершать дела несообразные с верой, если это выгодно мусульманину или нет иного выхода. Православные, находясь в подчинении у мусульман, вынуждены были жить по их правилам. Из всех церквей только Никольская, в которой находился список с иконы Казанской Божьей матери, имела заступничество со стороны татар.

Все это привело к тому, что во времена церковного раскола Романов стал прибежищем старообрядцев, чему во многом способствовало и двоевластие в городе. Такой разлад в делах веры сначала даже был выгоден мурзам. Но с крепкими в вере старообрядцами даже влиятельным мурзам справиться было не под

силу. И они свидетельствовали в Москву, что во главе раскольников стоит поп Лазарь, человек, в свое время лишенный сана за пьянство, постоянно поносит и проклинает Никона.

Лазарь был арестован, но даже увещевания патриарха не изменили его убеждений. По приговору суда ему отрезали язык и сослали в Пустозерск.

Печально прославился Романовский уезд своими самосожженцами. Проповедники огненного очищения от ереси довели романовцев, по словам раскольников бытописателя Ефросина, до того, что весь город был готов идти в огонь или на дно Волги. Число самосожженцев в Романове и уезде, по разным подсчетам, составляло от 3 до 5 тыс. человек.

Татары были в растерянности. Их звали в православную веру как самую надежную. А на деле они уже не знают, каким попам верить, какие книги читать – старые или новые. И не выйдет ли так, что если победит Аввакум, то сжигать, причем насильно, начнут уже тех, кто крестится тремя перстами. Они когда-то верили и попу Лазарю, а теперь его сожгли вместе с Аввакумом.

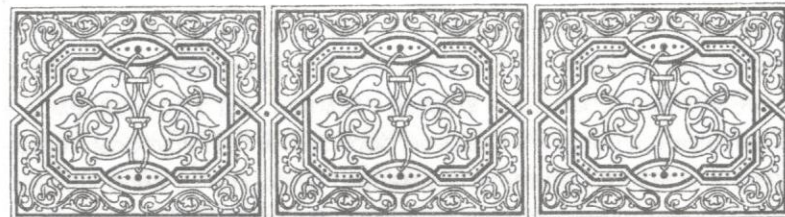
Тем не менее, «татары продолжали креститься в православную веру. Одни – добровольно, другие приводились к христианству насильно. Постепенно, но неуклонно они ассимилировались с коренным населением, переселялись, вымирали – уже в середине 80-х годов XVIII века Москва не знала вопроса о татарах Романовского уезда»⁸.

Оценивая последствия правления романовских мурз, стоит отметить, что все их попытки «власть употребить» на государевых землях жестко пресекались. Расположенная напротив городка, на правом берегу, Борисоглебская слобода находилась под непосредственным управлением царского двора. Она имела статус государевой ловецкой артели и обеспечивала двор свежей рыбой. Кроме ловецкой артели, ни один человек не имел права ловить «заповедную красную рыбу». Татары в первые годы

⁸ Гурлянд И. Я. Указ. соч. С. 12.

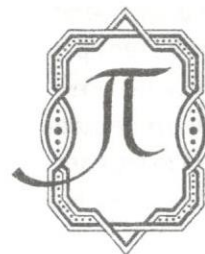
пытались нарушить этот запрет и отстоять право ловли у своего берега, но чиновники Посольского приказа резко пресекли все посягательства на царский стол.

Другое дело владения мурз. Здесь они были хозяевами, к которым местное население относилось настороженно, если не враждебно. Москву в принципе устраивала такая ситуация. Положение каждой из сторон было достаточно уязвимым, чтобы она оказалась заинтересованной в ее роли арбитра при разрешении конфликтных ситуаций. В свою очередь, диктуя собственную волю, Москва определяла пределы возможного развития и направления конфликтных ситуаций в сфере межконфессиональных отношений. Действия мусульман в окружении православного большинства, равно как и поступки православных, находившихся под их властью, всегда принимали форму челобитных, протестов, просьб или жалоб, обращенных к власти.

Глава вторая

ОБЩИНА

После отселения отказавшихся принять православие татар в Кострому романовцы в первую очередь разобрали все мечети, несмотря на то, что встретили немалое сопротивление со стороны крещеных татар. Одни говорили, что в Казани соседствуют мечети и православные храмы, другие доказывали, что такие необычные для России здания украшают город, третьи стращали карой Аллаха за осквернение магометанских святынь. Упоминали и икону Казанской Божьей матери, привезенную из Казани. Отвечали им, как правило, одинаково. Вы теперь христиане, а если приняли веру по совести и убеждению, так вы сами должны покончить не только с прежней верой, но и с ее святынями.

Не все оказалось так просто, как виделось вначале. Остались татарские семьи, в которых взрослые считались православными, а детям делали обрезание. Не торопились их крестить, воспитывали чаще всего в мусульманской вере и нарекали татарскими именами.

Переход в православие оказался особенно выгодным для богатых татар. С годами они начали переселяться в Ярославль и его окрестности. Некоторым, наиболее знаменитым к этому

времени княжеским и дворянским родам: Сабанеевым, Урусовым, Юсуповым — были сделаны государственные пожалования земли. Сабанеевы владели землей под Ярославлем — в Полушкиной роще и в Красном бору за Волгой. Урусовы к выделенным землям прикупили имение “Спасское” и село Ильинское, известное ныне как Ильинское-Урусово. В обоих селах сохранились остатки строений и парков того времени. Все три фамилии стали широко известны в России.

Те же, кто кормился с земли своим трудом, впоследствии воспользовались указом о равенстве религий, вновь перешли в прежнюю веру. Священники этому на первых порах не особенно противились, так как не верили в искренность принятия ими христианства. Но вскоре переход из христианства в другую религию был ограничен таким количеством условий, что стал практически невозможен. Татары, как могли, противились неизбежной утрате ими особенностей национальной жизни. В церковь ходили, как правило, один–два раза в год. Во время вынужденного крещения детей до последнего отстаивали данные им при рождении татарские имена.

Служилые татары, не имевшие земли и опасавшиеся немотивированной мести коренного населения, активно переходили в услужение к новоявленным князьям и дворянам из бывших татар, жили в их поместьях. Другие шли в торговлю, третьи примыкали к бурлакам или нанимались сторожами к богатым русским дворянам.

В середине XIX века в Ярославской губернии проживало 1130 мусульман, причем постоянных было всего 64 человека. Остальные считались временно проживающими. Из них 931 человек числился за Рыбинским уездом. Объяснялось это сезонностью работ, связанных с навигацией на Волге.

Купцы, владевшие хлебным промыслом, нуждались в большом числе сезонных рабочих. Профессия крючника была основной на погрузо-разгрузочных работах. На хлебной бирже в Рыбинске, одном из главных пунктов перевалки зерна с водных

путей на железнодорожные, был свой особый клан, состоявший из артелей крючников. Подбирались в них только крепкие, выносливые мужчины, способные играючи носить по шатким сходням семи- и девятипудовые кули с зерном и мукой. Основными работниками были татары. Их охотно брали в артели, но они старались объединяться с единоверцами. Не во всех артелях соглашались готовить на два котла, так как не всякую еду дозволяла религия магометан. Русские, как правило, не ели конину. К тому же татары не пили водку, без которой у русских крючников не обходилась ни одна трапеза.

Все артели подчинялись кому-то из хозяев, которые и выступали посредниками между заказчиками и рабочими, имея при этом едва ли не половину от стоимости работ. По словам В. Гиляровского, крючник-батыр (привилось татарское слово — богатырь) мог заработать в день 10 — 12 рублей. Для сравнения: квалифицированный ткач в те времена получал в месяц 22–27 рублей.

Если же бригада нанималась без посредника, то немедленно появлялась полиция, начинались проверки, временные аресты с целью выявления личности, и, в конце концов, бригаду оставляли с мизерной оплатой и штрафами со стороны купцов за несвоевременное исполнение условий найма. Все понимали, что усердие полиции щедро оплачивалось посредниками и в результате позволяло держать рабочих на предлагаемых условиях.

Купцы всегда охотнее нанимали татарские артели, которые за ту же цену выполняли работы скорее, не требовали ведро-другое водки “за усердие и скорость”, не были замечены в воровстве. А какой веры они придерживались, купцов это не интересовало.

С окончанием навигации большая часть русских крючников оставалась зимогорить (горевать зиму) в Рыбинске, проедая, а чаще пропивая заработанное тяжелым трудом; татары в основном последними судами возвращались на родину, в семьи, для которых заработок отходников был основой безбедной жизни. Те же, у кого не было семьи, уходили на предприятия Рыбинска и Ярославля — в основном на табачные фабрики Дунаева и Вах-

рамеева, на фабрику Карзинкиных или нанимались сторожами в поместья и усадьбы, хозяева которых на зимние месяцы уезжали на юг России или за границу.

Часть татар примыкала к оседлым единоверцам, снимала у них жилье. А если татарин находил невесту, то женился, покупал или строил дом и оставался в городе насовсем. При этом в Ярославле татарской слободы не было. Но татары старались все же селиться кучно, вблизи единоверцев, так как на первых порах это обеспечивало помощь и защиту. Жили открыто, с русскими не враждовали, поводов для недовольства собой тоже не давали.

Из произведений многих русских писателей известно, что среди помещиков было самым обыкновенным делом покупать детей "азиятцев" у их родителей, купленные становились крепостными помещика. Из них получались преданные слуги, приказчики, управляющие. После отмены крепостного права они получили вольную, как правило, уходили от бывших хозяев, перебирались в город. Это была наиболее образованная, по местным понятиям, группа татар, калмыков, киргизов. Немало из них впоследствии завели свое дело: магазин, мастерскую, извозную артель.

Так постепенно увеличивалась численность мусульманского населения. Наряду с осевшими в Ярославле татарами здесь жили и татары, приезжавшие на заработки. Число сезонников практически не сокращалось, так как большинство артелей крючников организовывались в самой Татарии и весной прибывали в город, к своим хозяевам-посредникам.

Особую городскую "касту" составляли лошадиники. Татары известны своей привязанностью к лошадям. Поэтому каждый состоятельный дом, имевший не один выезд, считал особым шиком нанять в услужение именно татар. Было известно, что мусульмане заботятся о лошадях, никогда не бьют их. Извозчики-татары, например, редко пользовались кнутом. Беспрекословного повиновения лошади добивались терпеливой тренировкой. Верхушка города и губернии состояла из людей богатых или крепкого достатка, ее представители имели свои конюшни и, естественно, ко-

нухов-татар. Поэтому во многих делах именитые горожане благоволили к ним. Тем не менее, когда в 1877 году татары захотели создать магометанское общество в Ярославле, сопротивление церкви не смогли преодолеть даже влиятельные в городе люди. Единственное, чего удалось добиться в том году, это выделения на территории Леонтьевского кладбища участка земли под мусульманское кладбище площадью 875 квадратных сажен. Желание зарегистрировать магометанскую общину, иметь во главе ее наставника муллу, а впоследствии построить мечеть не покидало мусульман все последующие годы. Однако до 1905 года главным аргументом властей против создания мусульманской общины было недостаточное число постоянно проживающих в городе приверженцев магометанской веры.

"Чтобы наглядно представить себе весь ужас гнета, который испытала страна от владычества бюрократии, того бесправия, на которое обречено было 130-миллионное население, достаточно напомнить, что у нас при старом режиме (до 1905 года) народ не мог учиться тому, чему он хотел, и там, где он желал; народ не мог читать по собственному выбору и желанию; наконец, народ не мог молиться так, как подсказывало ему его внутреннее чувство и убеждение". Так характеризовал обстановку в России перед событиями 1905 года прогрессивный по тому времени журнал "Вестник Европы"¹.

17 апреля 1905 года был издан указ царя, названный в народе "манифестом о веротерпимости". Для мусульман и евреев он был судьбоносным, так как и те, и другие были вовлечены в христианскую веру чаще всего не в силу убеждений, а в силу обстоятельств. И вот теперь признавалось, что "лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую религию, к которой принадлежали до присоединения к православию они или их предки, подлежат по желанию исключению из православия".

¹ Вестник Европы. СПб., 1905. Т. 5, кн. 10. С. 665.

Ранее говорилось, что желающих перейти в православие добровольно среди мусульман практически не было. Были нажим, экономические притеснения и ограничения гражданских прав.

Крестились, как правило, взрослые. Дети оставались в прежней вере, а их дети и внуки все меньше зависели от русской православной церкви. Священники замечали, что новокрещенные "не истовы в вере". Более того, они нередко тайно исповедовали мусульманство. Благо для этого не требовалось ни священников, ни храмов. Умерших продолжали хоронить на мусульманском кладбище, объясняя священникам, что такова была воля покойного.

Наконец, появилась возможность покончить с двойственностью в духовной жизни. Правда, для перехода в прежнюю веру требовались разрешение губернских властей и согласие духовной консистории. И если евреев старались удержать в лоне православной церкви, то от бывших мусульман-новокрещенных, как правило, освобождались без уговоров. За несколько месяцев, прошедших со дня издания манифеста, число мусульман, постоянно проживающих в Ярославле, увеличилось в двадцать раз.

Сложнее было с князьями и дворянами — выходцами из татарских родов. Хотя в указе не говорилось, что с отказом от православия их могут лишить званий и жалованных поместий, но опасение такое было. К тому же они слишком сильно выросли в российское общество, ассимилировались, породнились со знатными российскими фамилиями. О возврате новокрещенных дворян в мусульманскую веру данных по Ярославской губернии нет.

К осени 1905 года только в городе проживало 2,6 тыс. мусульман, из них 1,2 тыс. — постоянно. Теперь имелось необходимое число мусульман для регистрации общины. Документы готовили долго и тщательно. Как подарок судьбы приняли городские мусульмане распоряжение властей. Манифестом от 17 октября 1905 года о незыблемых основах гражданской свободы и временными правилами от 4 марта 1906 года был установлен явочный порядок образования обществ и союзов. При этом пра-

вославная вера признавалась господствующей в империи. "Прежде, до "Конституции" и до "Гражданской свободы", на все требовалось разрешение, то есть власть могла отказать в утверждении устава общества и в его изменении без всяких мотивов"². Магометанскую общину, состоявшую исключительно из татар, действительно зарегистрировали без канители и проволочек, к обоюдному удовольствию как верующих, так и городских властей, которым отныне стало легче решать любые вопросы, возникавшие в среде мусульман. А у совета общины теперь главной заботой стали поиски главы общины, духовного наставника — муллы.

Хлопоты оказались не такими легкими, как предполагалось вначале. Во-первых, никто из местных мусульман на роль муллы не подходил: не было духовного образования, глубокого знания основ религии и арабского языка. Во-вторых, никто не предполагал, что увеличение числа мусульман всего на одного муллу вызовет скрытое противодействие, выразившееся в долгой волоките со стороны властей. На первых порах они обещали полную поддержку. Но как только в местной епархии православной церкви узнали о хлопотах мусульман, то всеми доступными им методами стали уговаривать местные власти не допустить приезда муллы. Главный аргумент: даже самый лояльный к властям мулла даст возможность мусульманской общине обрести такую духовную и общественную силу, что она полностью выйдет из-под контроля. К тому же, раз будет мулла, непременно возникнет вопрос и о строительстве мечети.

На возражение губернатора Роговича, мол, в соседней Костроме большая община, есть мечеть и никаких особых проблем с мусульманами не существует, архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон отвечал: для властей, возможно, так и будет, а для духовенства возникновение еще одной конфессии — это дополнительные заботы. Католики, лютеране, старообрядцы, сек-

² Вестник Европы. СПб., 1905. Т. 5, кн. 9. С. 429.

танты создают немало проблем для епархии, а мусульманство – наиболее сплоченная и фанатичная религия, в чем в свое время убедились православные города Романова за долгие годы противоборства с иноверцами.

Мусульмане удивлялись, почему очевидные с точки зрения закона и здравого смысла вопросы встречают такое противодействие. Ответ из канцелярии губернатора был проникнут заботой о мусульманах. Мы хотим, чтобы все было по закону, чтобы мулла был не только ученым, но и достойным человеком. А мусульмане не могут даже фамилии будущего муталлы назвать.

Совет общины обратился к имаму костромской мечети, и тот дал адрес муллы Махмуда Юсупова, с которым они учились в медресе и который проживал тогда в Нижегородской губернии.

В начале 1907 года М. Юсупов приехал в Ярославль и остановился в снятом для него доме у купца Измайлова на Рождественской улице. 26 января он подал прошение о получении постоянного вида на жительство. Однако даже на такое рутинное прошение был получен отказ. В ответном письме была ссылка на доклад ярославского губернского правления, что М. Юсупов в своем прошении указывает на избрание его имам-хатыбом, но при этом не предъявил никакого документа о религиозном образовании, а потому не может быть утвержден в должности имама.

Диплома у М. Юсупова действительно не было. В то время в некоторых медресе существовало правило: обучение бесплатное, но за диплом необходимо было заплатить немалую сумму. Денег у М. Юсупова не было. Он считался образованным муллой, но без диплома. Для мусульманской общины это не имело значения, но власти использовали формальный повод и отказали ему в виде на жительство.

Более сотни мусульман подписали письмо в губернское правление, в котором ручались за М. Юсупова, свидетельствовали, что он настоящий имам, и просили утвердить его в должности. Губернское правление сделало только одну ус-

тупку. Раз у М. Юсупова нет диплома, то пусть пройдет испытания в Оренбургском магометанском духовном собрании, как того требует закон 1896 года.

О строгой официальности во взаимоотношениях властей с мусульманами говорит тот факт, что вся переписка шла только через полицейское управление и нарочных посыльных с обязательной распиской в получении.

М. Юсупов и община поняли, что идти на обострение бесполезно. С официальной точки зрения губернское правление, возможно, и право. Любая неосторожность может привести к высылке М. Юсупова за пределы губернии. Понятно стало, что противодействие больше идет от руководства епархии, чем от губернского правления и полицмейстера.

В марте М. Юсупов выехал в Оренбург, где успешно прошел испытания на должность имама. Документ был выдан на татарском языке, что для Оренбургского магометанского духовного собрания было делом обычным. Для ярославского губернского правления пришлось переводить его на русский язык, заверить перевод у нотариуса, и 10 мая 1907 года правление дает знать полицейскому управлению, что М. Юсупов в должности "имам-хатыба муталлима" утвержден³.

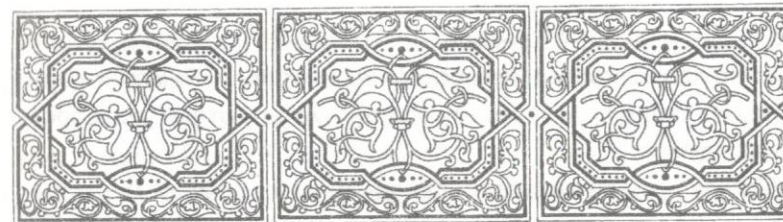
Архиепископ Тихон выразил свое неудовольствие ярославскому губернскому правлению и полицмейстеру, что они оказались не в силах противодействовать объединению мусульман и "это не может не осложнить положение православной церкви".

Необходимо отметить, что если до регистрации общины мусульман практически не замечали, то отныне их стали задевать по любому поводу, а чаще всего и без повода. Татары знали об изменившемся отношении к ним и старались не участвовать ни в каких конфликтах. Тем более в революционных сходах и митингах, популярных в то время. За это большевики считали их пассивной массой и даже в забастовках, которые организовы-

³ ГАЯО. Ф. 79. Оп. 13. Д. 1158. Л. 1, 2, 5, 10, 11.

вали в губернии, на них не рассчитывали. Однако "революционная пассивность" не уберегла мусульман от нападков со стороны тех, кто был противником их объединения в общину.

Серьезный конфликт произошел летом 1907 года на мусульманском кладбище. Во время молитвы на татар набросились активисты из Союза русского народа, прозванные в народе черносотенцами, избили посетителей кладбища, поломали и повредили несколько надгробий. Тогда татары подали жалобу в городскую управу на хулиганские действия черносотенцев и одновременно попросили дать разрешение на устройство вокруг магометанского кладбища надежной ограды с запирающимися воротами. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять, что волокита будет идти не один год. Татарам объясняли, что ни русское воинское, ни еврейское, между которыми находится мусульманское кладбище, не огорожены. Поэтому управа не может согласиться на проект забора. Разрешили возвести его только в 1914 году, когда мусульмане уже построили мечеть, а городские власти еще раз убедились, что мусульмане все равно добьются своего, если не упорством, так терпением.

Глава третья

ДОЛГИЕ ХЛОПОТЫ О МЕЧЕТИ

В конце община была официально зарегистрирована. Приглашен имам Махмуд Юсупов. И, как предсказывало духовенство Ярославской епархии, мусульмане тотчас же стали добиваться разрешения на постройку мечети. Они понимали, что действовать надо осмотрительно, строго в рамках закона. Малейшая оплошность могла отодвинуть

строительство на долгие годы.

Позаимствовать опыт у ближайших соседей не пришлось. Костромская и Нижегородская общины уже имели мечети, выстроенные в другое время, при других законах. Оренбург был слишком далеко, чтобы рассчитывать на поддержку татарского муфтия. Не удалось заручиться хотя бы консультативной поддержкой в городской управе или городской Думе. Поэтому каждую просьбу составляли тщательно под руководством опытного писаря. Он же и посоветовал начать ходатайство "с верхов". В случае отказа – потеря невелика, а если выйдет благосклонное решение, "то этот козырь" откроет все двери.

Первое прошение о разрешении сбора средств на строительство мечети в Ярославле было отправлено в Санкт-Петербург на имя министра внутренних дел в начале января 1907 года.

Через две недели, 15 января, ярославский губернатор, шталмейстер двора его императорского величества А. Римский-Корсаков направил ярославскому полицмейстеру ответ "для сообщения адресату".

"Государь император по всеподданнейшему докладу министра внутренних дел в 4 день сего февраля высочайше соизволил на удовлетворение ходатайства уполномоченного Зиятдина Сафарова проживающих в г. Ярославле магометан о разрешении производить между магометанским населением империи в течение одного года сбор пожертвований в сумме 20 тысяч рублей на постройку магометанской мечети в названном городе"¹.

Неизвестно, почему министр внутренних дел решил подстраховаться и доложить императору о деле, которое было в его компетенции, но ответ со ссылкой на царя наделал много шума. С немалым трудом М. Юсупов получил на руки заверенную копию письма из министерства, указывая на то, что оно предназначено именно общине, а губернатор и полицмейстер – всего только посредники. В конце концов выдал полицмейстер требуемую муллой копию, но предупредил, "что письмо не является разрешением на постройку мечети и нельзя пользоваться им как отмычкой".

Все долгие семь лет, пока шли хлопоты с отводом участка и строительством мечети, даже в самых трудных ситуациях М. Юсупов никогда не ссыался на "Высочайшее соизволение", полагая, что те, от кого зависит разрешение ситуации, не забыли о "главном козыре" мусульман.

27 марта 1907 года он делает следующий шаг.

"Я, проситель имам Махмуд Юсупов, имею честь объяснить городской управе, что числом около 1000 человек магометан, проживающих в городе Ярославле, желают для обряда моления и для обряда совершения треб, как-то: похорон и прочего, построить магометанскую мечеть в городе Ярославле, но на таковую постройку названной мечети места отведенного нет.

Ввиду этого, я, имам Махмуд Юсупов, как уполномоченный

от проживающих в городе Ярославле магометан, всепокорнейше прошу городскую управу, не найдет ли таковая со своей стороны возможным отвести на постройку мечети в городе Ярославле места земли"².

По стилю, словам и оборотам понятно, что наемный писать был из православных. Но не в этом суть. В прошении городской управе предлагалось несколько облюбованных мусульманами мест для возведения мечети. Одно на Любимской улице за народной читальней, другое – на Сенной площади (ныне площадь Труда) по другую сторону пруда от депо городской пожарной дружины, третье – в конце Дворянской улицы или возле казенного винного склада на Малой Петропавловской улице (ныне улица Победы).

Городская управа могла довольно быстро решить вопрос об отводе участка. Но православная епархия не скрывала своего отрицательного отношения к строительству мечети. Она обратилась к губернатору, городскому голове и полицмейстеру с довольно резкой угрозой о недопущении строительства бусурманской святыни в истинно православном городе, так как укрепление веры магометан будет вносить смуту и соблазн в ряды прихожан христианской церкви. Были ссылки и на то, что в свое время мусульман из Романова и Ярославля выселили в Кострому.

Дело пошло кружным путем. Не желая ссориться с православной епархией, высшие чины переложили принятие окончательного решения на городскую Думу, объяснив М. Юсупову, что без ее решения отвод земли невозможен.

10 мая 1907 года на очередном заседании Дума рассмотрела прошение М. Юсупова. Депутаты не знали ни о резолюции императора, ни о ходатайстве архиепископа Тихона, но слова "о безвозмездном, по примеру других городов, отводе участков под мечети" возымели сильное действие. Никому не хотелось отставать от "других городов," и потому строительной комиссии

¹ ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1225. Л. 2.

² ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1225. Л. 1.

было поручено осмотреть не только указанные в прошении участки, но и предложить другие, наиболее пригодные для строительства мечети места.

Заключение авторитетной комиссии, состоявшей из членов городской управы, было неожиданным как для мусульман, так и для городской Думы: "отклонить ходатайство имама и проживающих в Ярославле магометан об отводе им участка для постройки мечети, ввиду отсутствия у города свободной земли"³.

Для думцев это был просто удар, когда подконтрольная им комиссия осмелилась отменить ее решение. Случилось то, что в народе называют: нашла коса на камень. Хотя и в Думе, узнав, откуда дует ветер, голоса разделились.

На заседании Думы 2 августа 1907 года "председатель, находя неудобным для городского управления такой категорический отказ, как ввиду благой цели, для которой требуется участок, так и ввиду многочисленности лиц магометанского вероисповедания, преимущественно рабочих фабрик и заводов в городе Ярославле, отличающихся, как известно, трезвостью и трудолюбием, высказался за необходимость изыскания средств к удовлетворению просьбы имама пока хотя бы в принципе"⁴. Депутат Я.И. Каюков призвал высокое собрание не вступать на тропу двуличия, тем более что просьба магометан законна, размер участка разумен, тем более что кроме мечети на нем будет построено и училище, и предложил отвести землю между казенным винным складом и ипподромом. Депутат А.Ф. Грязнов, наоборот, заявил, что у него есть сведения, что кроме мечети и школы магометане намерены возвести здания для жительства духовных лиц и даже доходного дома. В результате собрание приняло компромиссный вариант: вопрос оставить открытым, но, чтобы исключить кривотолки, потребовало приложить к прошению чертежи, чтобы тогда принять решение об удовлетворении или отклонении просьбы.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 7.

Новое требование не застало мусульман врасплох. Проект мечети был заказан одновременно с первым прошением, причем лучшему специалисту Ярославля губернскому архитектору Г. В. Саренко. Поэтому уже через две недели М. Юсупов представил необходимые чертежи и план постройки мечети. При этом он отметил, что строительство зданий училища и жилого дома для имама будет осуществлено только при наличии средств. Участок у винного склада правоверных устраивает. Но если будет отведена земля на Любимской улице, то магометане вполне ограничатся участком в 100 квадратных сажен. "При мечети, на отведенном участке никаких доходных зданий и вообще помещений устроено не будет, вследствие чего правоверные и ходатайствуют об отводе участка на время действительной в нем надобности, не за плату, а бесплатно, как это уже сделано городскими управлениями Архангельска, Вологды, Твери, Нижнего Новгорода и других городов"⁵.

Ознакомившись с чертежами, городская Дума на заседании 23 августа признала подлежащим удовлетворению ходатайство местного магометанского общества об отводе участка для устройства мечети, но выбор из предложенных вариантов поручила строительной и арендной комиссии, которая и отвела участок на Малой Петропавловской улице, уменьшив его вдвое. "Комиссия полагает, что на таком участке с полным удобством возможна будет постройка мечети с квартирой под ней для священнослужителей. Что же касается отвода участка под устройство школы, то просьбу об этом означенного общества комиссия признала не подлежащей удовлетворению, как по значительности стоимости — до 1500 рублей, так и ввиду того, что церковно-приходские школы при православных храмах устраиваются на приобретенных для этого прихожанами землях без всякого участия со стороны городского управления"⁶.

⁵ Там же. Л. 9 об.

⁶ Там же. Л. 11.

Итак, 18 сентября 1907 года городская Дума постановила:

“В разрешение просьбы проживающих в Ярославле магометан, отвести им под устройство мечети 150 кв. сажен из пустопорожного участка, находящегося на углу Малой Петропавловской улицы и переулка у табачной фабрики наследников И.Н. Дунаева, длиною по означенной улице 15 сажен и вглубь по переулку – 10 сажен, но с тем неперменным условием, чтобы уступаемый участок, оставаясь в собственности города, находился в распоряжении просителей лишь на время действительного существования мечети, в случае закрытия которой участок немедленно должен поступить по-прежнему в распоряжение городского управления”⁷. При этом особо подчеркивалось, что по оценке строительной комиссии стоимость участка составляет 1500 рублей и “означенная сумма является пожертвованием от города мусульманскому обществу, между тем как православные церкви в последнее время устраиваются на своих или приобретенных землях”.

9 октября городская управа уведомила М. Юсупова об отводе участка. И в том, и в другом решениях почему-то не было обязательного в подобных случаях условия о сроках строительства, несоблюдение которого, как правило, приводило к изъятию участка. Именно это упущение спасло мусульман от повторного прохождения всех инстанций, так как к строительству мечети они приступят только четыре года спустя.

Казалось бы, все сложилось в пользу мусульманской общины. Но еще более года М. Юсупов добивался межевания участка землемером и получения свидетельства на отведенную землю. На все просьбы ускорить отвод участка ответы были стандартными. Землемер чрезвычайно загружен работой, “тем более, вы еще не готовы к началу работ”. И только в ноябре 1908 года необходимые документы на владение участком были получены.

⁷ Там же. Л. 12.

Мечеть и минарет по первоначальному плану предполагалось построить деревянными, из соображений дешевизны. К тому же к отведенному участку примыкал лесной склад, и доставка материалов не требовала дополнительных расходов. Однако целых три года мусульманская община не могла начать строительство, так как не удавалось собрать необходимые средства даже на закладку фундамента. Сборы среди прихожан были невелики. Поэтому около тысячи рублей внесли владельцы табачной фабрики. Значительную часть рабочих на ней, как уже говорилось выше, составляли татары. Впоследствии в городе усиленно распространялся слух, что Дунаевы выделили участок из своих земель. (Нередко упоминают об этом и в наши дни.) Помогли единоверцам и мусульмане из других городов. Но большую часть средств выделило Оренбургское магометанское духовное собрание.

В середине мая 1911 года М. Юсупов уведомил городскую управу, что “в текущем сезоне община приступит к работам по возведению мечети”. Надзор за строительством городской голова поручил архитектору В.Н. Вахрамееву.

Православная епархия – главный противник возведения мечети – тоже не сидела сложа руки. Стоило мусульманам подрядить артель строителей, как появились “неустановленные лица” и грозили отлучением от церкви тем православным, которые помогут возводить бусурманский храм. В результате артели одна за другой отказывались от выгодного подряда. Так прошло лето, а в следующем, 1912 году епархия предприняла еще одну атаку. Уступая ее натиску, городская управа обратилась в Думу с новым ходатайством. В нем была изложена вся история прошений мусульман с особым упором даже на мелкие неточности, на которые вначале просто не обращали внимания. В частности, были поставлены под сомнение права имама Юсупова в первом ходатайстве, как “уполномоченного ярославских магометан, но полномочия при этом не представил”, а только сослался на Высочайшее соизволение и ходатайство уполномо-

ченного ярославских магометан имама Зиятдина Сафарова о разрешении сбора средств на постройку мечети. З. Сафаров был человеком преклонных лет, состоял вторым имамом и занимался в основном финансовыми вопросами. Когда же полномочия М. Юсупова были легко подтверждены, нашлась следующая причина, по которой строительство мечети казалось городской управе нецелесообразным.

“Отведенный участок огорожен забором, но к постройке мечети, несмотря на то, что истекло со времени отвода уже более трех лет, еще не приступлено и до сих пор. По сим соображениям и принимая во внимание, что городским управлением ощущается крайний недостаток свободных от построек земель в городской черте, а между тем в таких участках оно крайне нуждается, городская управа полагала бы со своей стороны обратиться участок городской земли, отведенный под постройку мечети, в распоряжение городского управления, предварительно запросив имама Юсупова о положении дела по постройке мусульманской мечети”⁸.

Дума ответила категорическим отказом в передаче участка городской управе, справедливо заметив в своем решении, что подчиненные городскому голове служащие озабочены не поиском новых участков для строительства, например, Народного дома, а изъятием подготовленного мусульманами участка для возведения мечети.

Понимая, что городская управа ничего не может решить без согласия Думы, а договориться с депутатами невозможно, руководство православной епархии решило действовать через губернское правление и лично губернатора графа Д.Н. Татищева. Губернатор не был на стороне мусульман. Еще год назад, через ярославского полицмейстера, он передал М. Юсупову резолюцию, в которой предупредил, что строительство в Ярославле мечети может быть разрешено не иначе как по представлению

Магометанского духовного собрания из Оренбурга. Кроме этого, особо уведомил, что “при постройке мечети должны быть соблюдены общие о публичных зданиях правила и наставления. Ввиду того, что постройка предполагается деревянной, а значит, должно быть соблюдено условие, при котором здание мечети должно отстоять от деревянных обывательских строений не менее, как на 10 сажен, каковое обстоятельство недостижимо при размерах этого участка”⁹. Ходатайство из Оренбурга было получено, а после письменного заверения губернского инженера, что строительство каменной мечети на отведенном участке отвечает всем правилам, община решила не вступать в бесполезный спор с губернатором, а строить мечеть из кирпича, что по стоимости выходило немного дороже.

В марте 1912 года губернское правление озадачило мусульман новыми ограничениями. Община должна была удостоверить, “что при мечети имеется не менее двухсот наличных мужского пола душ и чтобы общество, долженствующее составить новый приход, изъявило надлежащим образом в общественном приговоре свое согласие на доставление средств для содержания мечети и нужного при ней духовенства”¹⁰. Самым сложным оказалось получить от Ярославской духовной консистории заключение о соответствии предполагаемого стоительства статье 156 строительного устава.

14 марта 1912 года приговором общего собрания магометан было решено “обеспечить существование мечети и духовенства нашими частными приходскими доходами”. Приговор, а именно так называли тогда окончательное и юридически правомочное решение, подписали 256 магометан ярославского прихода. Лишь 45 человек могли расписаться сами – на арабском и русском языках. “За неграмотностью остальных, по их личной просьбе, расписался крестьянин Нижегородской губернии Кутдусь Аксянов”.

⁹ ГАЯО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2498. Л. 2-3.

¹⁰ Там же. Л. 12, 12 об.

⁸ Там же. Л. 22-24.

Что же касается заключения духовной консистории, то "со стороны ярославского епархиального начальства не встречается указанных в 156 статье строительного устава препятствий к устройству магометанской мечети по выработанному проекту за городом, а не в черте его". Сообщая об этом решении под расписку, губернский инженер В.П. Новиков уведомил, что "если магометанское общество желает выстроить означенную мечеть за городом, то необходимо представить в губернское правление новый план местности в двух экземплярах"¹¹. И предложил участок за Романовской тюрьмой.

Вторично, после 1907 года, журнал Ярославской духовной консистории (№ 541) резко выступил против строительства магометанской мечети в Ярославле и даже призвал прихожан всячески противиться укоренению на православной земле нехристианских верований. Полагая, что печатное слово крепче устного, архиепископ Ростовский и Ярославский Тихон препроводил оба журнала (№381 и 541) губернатору Д.Н. Татищеву, полагая, что это будет последним аргументом для губернатора в его решении не допустить строительства мечети, хотя бы в черте православного города.

Около трех месяцев мусульманская община не подавала признаков активной деятельности, и всем противникам возведения мечети казалось, что татары отказались от своих планов. Но община и не думала сдаваться. Просто кончилось знаменитое татарское терпение, и начало проявляться не менее знаменитое татарское упрямство. Из всех прошений это было единственным, которое напечатали на машинке, по всей видимости, оно было составлено опытным адвокатом и походило скорее не на прошение, а на ультиматум, в котором чувствуется плохо скрываемое возмущение незаконными требованиями и явным предубеждением со стороны властей и духовенства.

"Имея в виду: 1, что принципиальное согласие ярославского

епархиального начальства о постройке мечети в деле строительного отделения уже имеется; 2, что постройка мечети вне черты города хотя и возможна, но затруднительна для общества как потому, что городской думой уже отведена земля в пределах города Ярославля и о новом участке придется возбуждать новое ходатайство, так и потому, что это противоречило бы интересам прихожан в смысле отдаления мечети; 3, что отведенный думой участок настолько отдален от центра города и церковью православных и глух, что может считаться менее центральным, чем тот, который могла бы, по наведенным нами справкам, отвести городская дума из земли за Романовской заставой; 4, что никаких законных оснований к устройству мечети вне города Ярославля, а не на отведенном участке, епархиальным духовным начальством не указано в заключении; 5, что мы по сему заявляем о желании общества устроить мечеть на отведенном городской думой участке — покорнейше просим утвердить представленный нами проект мечети и выдать план с установленной подписью"¹².

Более месяца готовилось окончательное решение. Даже губернские чиновники, делопроизводители встали на сторону татар, признавая последовательность и законность их требований. В подготовленных ими для губернатора документах все разночтения были обращены в пользу мусульман. А когда при докладе устно присовокупили, что еще в 1907 году государь разрешил сбор средств на строительство мечети, полагая, что местные власти тоже не против, губернатор Д.Н. Татищев дал указание — "препятствий не чинить". И в последнем протоколе строительного отделения губернского правления даже самый веский аргумент православного духовенства был отклонен. "Что же касается до требуемого статьей 156 устава условия, что построение мечетей допускается только в таком случае, если от этого не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещеных татар, то строительное отделение считает

¹¹ Там же. Л. 20, 22 об.

¹² Там же. Л. 22.

необходимым доложить, что в существующих относительно постройки мечетей законоположениях не имеется указаний, чтобы мечети не могли быть возведены в черте города, и требование статьи 156, по мнению отделения, не относится к определенным местностям в отношении к расположению в городе или вне его"¹³.

В постановлении было отмечено, что "заседание технических чинов строительного отделения, рассмотрев означенный проект, находит его составленным правильно и подлежит утверждению". И даже спорный вопрос о том, каким должен быть минарет — каменным или деревянным, был оставлен на усмотрение общины.

Приступили к строительству в 1913 году, а в следующем уже начались регулярные молитвы. В июне 1914 года городская Дума удовлетворила просьбу общины в прирезке к существующему участку еще 75 квадратных сажен земли. В 1915 году возвели минарет, по совету строительного отделения — "из несгораемых материалов", то есть из кирпича.

Отношение Ярославской епархии к мусульманам оставалось настороженным. Даже в 1913 году, в 300-летний юбилей царствования династии Романовых, когда царь во время поездки по Волге встречался в Ярославле не только с представителями русской православной церкви, но и с руководителями католической, лютеранской и еврейской общин, архиепископ Тихон пригрозил, что не явится на встречу, если там будут представители магометан. И хотя мусульмане тоже готовились к встрече, они уступили настойчивым просьбам чиновников губернского правления не омрачать встречу императора очередным скандалом, который может быть спровоцирован капризом архиепископа. Махмуд Юсупов уговорил прихожан мечети не настаивать на присутствии в официальной делегации представителей городских конфессий, встречавших царя на ярославской земле.

О степени влияния церкви на жизнь общества и семьи, осо-

бенно если в эпизоде были замешаны раскольники, сектанты или мусульмане, весьма часто и подробно писала пресса. При этом авторы статей чаще всего были не на стороне православной церкви. Можно считать показательным "Дело по прошению потомственной гражданки Екатерины Григорьевской о разрешении вопросов, связанных с переходом ее мужа в магометанство". Дело это получило публичный резонанс. Чтобы поддержать православную гражданку, местные газеты комментировали ситуацию, в которой она оказалась, в духе "ничего особенного не произошло". Перешел муж в другую веру, ну и Бог с ним. Тем более, что к тому времени не было официальных препон в выборе вероисповедания. На практике же свободный выход из православия был чреват серьезными ущемлениями в правах на вертикальную мобильность в российском обществе. Циркуляры полицейского департамента и Синода, направленные на то, чтобы не допускать на государственные должности сектантов, раскольников, магометан, сводили ее практически к нулю. Казалось бы, со смертью обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева все должно было в корне измениться. Если судить по Высочайшим указам, изменения были, если по жизни — почти нет.

Особенно преследовались "отпадение" от православия и переход в другую религию, хотя по указу от 17 апреля 1905 года не только был положен конец более чем двухсотлетнему преследованию раскола, но и открыт свободный выход из православной церкви. Но если такое случалось в жизни, то православные миссионеры тут же втирались в доверие к тем, кого подозревали в ереси, сектантстве, подводили вопросами к оговору самих себя, охулению властей. Поскольку такие разговоры чаще всего происходили в присутствии "свидетелей", то дело нередко заканчивалось судом и тюрьмой. Очевидно, смутное беспокойство терзало Е. Григорьевскую, когда в январе 1911 года она обратилась в Ярославскую духовную консисторию с прошением, суть которого состояла в следующем. Двенадцать лет она фактически не жила с мужем, но брак не был расторгнут. Все эти годы муж считался

¹³ Там же. Л. 23.

католиком. В связи с его переходом в магометанство (она и дети оставались православными) женщина просила ответить на четыре вопроса: Расторгается ли ее брак в связи с переходом мужа в магометанство, и если да, то как это нужно оформить? Может ли она снова вступить в брак с лицом христианского вероисповедания? В какой религии остаются дети? Может ли ее муж-магометанин жениться на ней вторично, если поймет свою ошибку и вновь перейдет в лоно православной церкви?

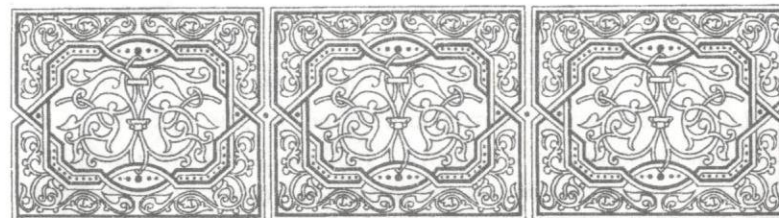
Ярославская духовная консистория обратилась за разъяснением в Святейший Синод, откуда вскоре поступил ответ. Окончательное решение по ее делу должен вынести епископ Ярославский и Ростовский Тихон.

Перечислив все возможные основания для расторжения брака, Тихон заключил, что "перемена вероисповедания одним из супругов, как видно из закона, не может служить основанием для расторжения брака". И после подписи рукой Тихона дополнено: "Можно бы о сем подать прошение на Высочайшее имя". Как бы давая понять, что дело не вполне решенное, он полагал, что окончательную точку на нем может поставить только император¹⁴.

Все хлопоты Е. Григорьевской были связаны не только с выяснением возможности расторжения брака, но и с заботой о дальнейшей судьбе детей. Она опасалась, что в дальнейшем они не смогут сделать карьеры, так как будут отлучены от церкви как рожденные в браке между православной христианкой и мусульманином. Что же касается ее мужа-магометанина, то можно с большой долей вероятности сказать, что повторный путь в православие для него был закрыт. Отщепенцев не любили ни в той, ни в другой конфессии.

Другим мотивом для Е. Григорьевской стали слова священника, который не единожды в своих проповедях касался "магометанской темы", интерпретируя ее как попытку иноверцев "свить гнездо" на исконно православной земле.

¹⁴ ГАЯО. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3195. Л. 5, 6.

Глава четвертая

АНТИХРИСТЫ ИЗ СВБ

1906 по 1926 год численность городской мусульманской общины оставалась практически неизменной и составляла 2,3 тыс. человек. В это число, разумеется, не вошли приверженцы ислама, временно проживающие в Ярославле и его пригородах. Согласно сведениям, почерпнутым из пояснительной записки губернатора о состоянии дел в губернии на 1906 год, количество магометан, получивших вид на жительство в городе, насчитывало 1269 человек. Через восемь лет, в 1914 году, соответствующая графа в губернском ежегоднике оказалась пустой. Правда, за пересыльной тюрьмой "Кресты" в это время числились 552 узника-мусульманина. Но к местной общине они никакого отношения не имели.

В 1920 году мусульманское население в 130-тысячном Ярославле составляло 2347 человек. С большей или меньшей степенью равномерности оно распределялось по всем районам города. Но было бы логично предположить, что большинство предпочитало селиться вблизи мечети. Иными словами, внутри городского пространства сформировалась компактная в смысле территории проживания община (махалля). Ведомая имам-хатыбом Махмудом Юсуповым, она стоически переносила тяготы

революционной эпохи, когда новая, советская власть приступила к мелочному контролю над ней. Ярославль тому не более чем один, но яркий пример. Местные власти соглашались не стеснять религиозно-бытовую сторону жизни мусульман при условии их полной лояльности к любым своим начинаниям. В том числе и мероприятиям, проводимым в рамках государственной политики по выкорчевыванию религиозных предрассудков из сознания "отсталых" национальных меньшинств. При этом главной задачей становилось распространение в среде нацменьшинств идей большевизма.

Как только наметился перелом в гражданской войне, новая власть занялась устройством внутренней жизни. Главные усилия были направлены не только на ликвидацию разрухи, но и на укрепление идеологии. Создание в 1920 году особых органов при Совнарком и ЦК партии большевиков по антирелигиозной пропаганде оправдывалось соображениями пролетарской идеологии. В губерниях, наряду с активно работающими агитпропами, создавались ликвидационные отделы, бравшие на учет все материальные ценности церквей, монастырей и мечетей. Дальновидность такой политики подтвердится во время голода 1921 года, когда придет время изъятия церковных ценностей. Следующим шагом в серии мероприятий, осуществленных с прицелом на будущее, был перевод всех общин верующих на договорную аренду культовых зданий. Как ни пытались мусульмане доказать, что мечеть построена на собранные прихожанами средства, договор аренды все же пришлось заключить. Право собственности за общиной на здание и имущество сохранялось, но земля принадлежала теперь государству. Таким образом, кабальный договор аренды не только разорял и без того небогатую казну мусульманской общины, но и фактически оставлял ее "на птичьих правах". Договор аренды советские органы могли расторгнуть в одностороннем порядке. Соответственно ликвидировать и мечеть. Это и было конечной целью власти. Ее действия, в основе своей практические, определялись желанием наложить руку на собственность, которая виделась доступной, практически незащищенной, наконец, нужной

для решения более высоких задач. Конечно, мечеть не располагала столь значительными богатствами, которые обычно концентрировались в православных храмах. Но речь шла о провинции с ее иными показателями развития и другими, нежели в столицах, представлениями о благосостоянии, способах его приобретения и методах его использования. Кирпичное здание дореволюционной застройки в центре Ярославля – мечеть – рассматривалось в качестве "лакомого кусочка", хотя бы потому, что в городском бюджете никогда не находилось средств, достаточных для строительства или ремонта гражданских учреждений.

Реквизиции культовых зданий и изъятия ценностей из православных храмов вызвали протест наиболее решительно настроенных священников. Некоторые из них публично проклинали власть, которая, руководствуясь "какими-то революционными законами", разрушала и разоряла христианские святыни. Мусульмане пристально следили за реакцией православной церкви на произвол и насилие губернских органов партийно-государственной администрации и за развитием ее взаимоотношений с советской властью. Но не торопились определяться в своем отношении к происходящим событиям. До закрытия мечети в 1931 году они пребывали в относительном спокойствии. В известной степени это объясняется тем, что жизнь мусульманской общины до этого времени оказывалась за пределами грубого вмешательства в нее губернских властей. Во главу угла своей политики, обращенной на включение "угнетенных и отсталых" народов в государственный контекст советского времени, они ставили национальный вопрос. Сообразно требованиям момента работа с мусульманским населением организовывалась по двум направлениям. "Во-первых, приобщить нацменьшинства к новой жизни путем широкой пропаганды решений съездов через сеть кружков по изучению марксизма-ленинизма, создания библиотек, издания литературы на национальных языках (в частности, по вопросам кооперативной пропаганды, общеполитической и культурной), содействовать изучению национальных языков. И во-вторых, вести углубленную ан-

тирелигиозную пропаганду, учитывая культурный уровень и национальные особенности населения"¹.

Национальными вопросами в Ярославской губернии занимался подотдел национальных меньшинств агитационно-пропагандистского отдела губкома РКП(б). Подотдел нацменьшинств имел несколько секций: польскую, эстонскую, латышскую, татарскую, еврейскую. Но так как поляки, эстонцы, латыши и евреи хорошо владели русским языком, то соответствующие секции просуществовали недолго.

Сложнее оказалось с татарами. Большинство из них хотя и понимали по-русски, но между собой общались исключительно на своем языке. Сюда-то агитпроп и перенес свою работу, искренне желая "поднять идейный и культурный уровень татар на высоту тех задач, которые были поставлены партией большевиков". А заодно и освободить их от "пагубного влияния ислама". Какими методами? Это видно из "плана работы среди татарского населения Ярославля на 1925 год". Первоочередные мероприятия сводились к следующим. "Открыть школу для подростков, чтобы готовить их в духе современной жизни; открыть клуб, где проводить беседы, чтение лекций, докладов, газет, ставить революционные и антирелигиозные пьесы; выписывать газеты, главным образом татарские, и читать их с разъяснениями; доклады и лекции должны быть политического, экономического-хозяйственного и антирелигиозного характера; широко освещать роль и значение пролетарской революции в России для борющихся за национальную независимость народов Востока, национальную политику советской власти (положение угнетенных народов в царское время и теперь (Татарская Советская Социалистическая Республика); критиковать догмы ислама и доказывать их абсурдность; организовать школу для взрослых по ликбезу не только с просветительской, но и пропагандистской целью. Для этого найти человека, который, кроме знания

татарского языка, должен быть политически подготовленным, чтобы ответить на все вопросы верующих мусульман, развеять их сомнения политического, экономического и религиозного характера, человека, способного отвоевать учеников от муллы"².

Оправдан ли был ввод в действие столь мощной "артиллерии" для перевоспитания в атеистическом духе татарского меньшинства, доля которого в городском населении тогда не превышала двух процентов?

Вопрос, разумеется, риторический. С точки зрения официальной доктрины советского государства у его подданных не могло быть иного, кроме лишенного конфессиональной основы, мировоззрения. Соответственно органы исполнительной власти на местах вносили в реализацию данного проекта, включая и ту его часть, которая касалась мусульман, пыл собственной инициативы. Атеизм и вытекающее из него наступление на позиции мечети были одной из линий антирелигиозной кампании, на которую в Ярославле не жалели средств и сил. Напомним, что над городом висел "дамоклов меч" контрреволюционного, мятежного имиджа. Руководству области напоминали об этом даже в 70-е годы. Как рассказывал автору бывший председатель Ярославского горисполкома М.К. Хренов, при защите в столичных министерствах фондов на продовольствие город никогда не получал требуемого. То ли в шутку, то ли всерьез московские чиновники отбивались одним и тем же аргументом: "Вас, мол, нельзя кормить досыта. А то снова устроите мятеж, как в 1918 году". Логично предположить, что вне зависимости от того, казалась ли эта угроза Москве мнимой или реальной, напоминание о ней подстегивало инициативы партийного руководства губернии в борьбе с вероисповедными группами. Как само собой разумеющееся, предполагалось, что именно в рядах пребывающих во тьме религиозных предрассудков горожан кристаллизовались или могли развиваться очаги антисоветских настро-

¹ ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1641. Л. 48-50.

² ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1649. Л. 9.

ений. Менялись лишь модулированные временем слова, акценты, интонации в исходящих партийных инструкциях, предназначенных для исполнителей.

В начале 20-х годов изъятие ценностей из православных храмов сопровождалось массовыми судебными процессами над священниками, которых обвиняли в "исконной контрреволюционности". В перечне пунктов обвинений, выдвигавшихся против них, протест против реквизиций церковного имущества обязательно вписывался в контекст трагических событий 1918 года. В качестве отягчающего обстоятельства их вины обычно использовался расхожий тезис "активной помощи православной церкви белогвардейцам". И даже в том, что исторический центр губернского города оказался наполовину разрушенным артиллерией большевиков, тоже винили служителей церкви. Впоследствии, выделив средства на его восстановление, Совет Народных Комиссаров (СНК) особо оговорил, чтобы ни один из восстановленных храмов не был возвращен верующим. Так оно и было до начала "эпохи гласности и перестройки".

Подозрение в пассивной или активной причастности к мятежу падало и на приверженцев ислама. Неизвестно, скольким верующим из православной конфессии пришлось доказывать в следственных комиссиях, учрежденных в городе сразу же после его подавления, свою лояльность к советской власти. Татарам же, приверженцам мусульманской религии, предстояло пройти почти поголовную проверку в таких комиссиях, чтобы доказать свое прямое или косвенное неучастие в "белогвардейском мятеже".

Однако даже в то время цифры и отчеты о мероприятиях государственных карательных органов не могли быть исчерпывающим показателем решительного наступления на позиции ревнителей веры из разных конфессий. Требовалась массовая работа по перевоспитанию трудящихся в социалистическом духе. Такая задача возлагалась на местный филиал Союза воинствующих безбожников (СВБ), активистов которого в народе за глаза называли просто "антихристами".

У истоков СВБ, дочерние организации которого в скором времени "разбежались" по всем азимутам республик, краев и областей победившего государства, стоял Емельян Ярославский. Городу, в котором он начинал свою революционную деятельность и которому был обязан своей фамилией, главный атеист страны уделял особое внимание. В свою очередь местное отделение СВБ стремилось оправдать такое доверие. "Антихристы" старались вовсю. Диспуты с верующими, агитбригады, антирелигиозные спектакли, печатные материалы с сюжетами издевательско-примитивной насмешки над служителями культа, внедрение в быт гражданских праздников – таков далеко не полный перечень шумных, но бесполезных мероприятий. Диспуты, например, пришлось вообще прекратить. В диспутах на религиозные темы верующие, как правило, одерживали верх над безбожниками, неискушенными в "предмете" спора. Беспардонность и сквернословие в адрес религий тоже скорее вредили самим "антихристам", нежели поднимали их авторитет в глазах населения. Поэтому борьбу за души людей перенесли на предприятия, в организации, на село, на уровень индивидуальной работы среди населения. Трудились в тесном контакте с уполномоченными по делам национальных меньшинств. Протоколы совместных мероприятий по атеистическому воспитанию всегда сопровождались списками участников, фиксировали их выступления или пассивность, отношение к конкретным фактам, порочившим религиозников, осмелившихся тайно или явно следовать предписаниям своей веры. Таких брали на заметку, усиленно перевоспитывали, а если кто-то не поддавался, навешивали ярлык "неблагонадежного". Немало горожан на собственном опыте ощутили, что означает жить в условиях господства враждебной и агрессивной к религии власти.

Два раза в год союзники по перевоспитанию трудящихся отчитывались о работе среди национальных меньшинств перед коллегией агитпропа губкома партии. Из доклада за вторую половину 1926 года становится очевидным, что разработанная план-про-

грамма была ориентирована преимущественно на татар. Выдержки из этого документа свидетельствуют, насколько важное значение придавалось работе с мусульманским населением – пусть и не столь многочисленным, но консолидированным, сплоченным вокруг мечети. «Выявлены и взяты на учет 2347 татар. Большая часть их работает на крупных предприятиях: Красном Перекопе, на водном транспорте, махорочной фабрике и др. Из взятых на учет три четверти малограмотны на родном языке, а на русском совершенно безграмотны. Членов профсоюза в Ярославле 347 человек, из них членов ВКП(б) – 7 и ВЛКСМ – 4.

Проведена реорганизация библиотеки в татарский клуб. При нем организованы ячейки, секция СВБ, ячейки добровольных обществ МОПР и ОДН, кружки: рабкоровский и драматический. Проводятся громкие читки газет и журналов. Издаются ежемесячно две стенгазеты на русском и татарском языках. Функционируют три пункта ликвидации неграмотности: в Тверицах, на фабрике «Красный Перекоп», в третьем городском районе. В клубе 3-го Интернационала функционирует татарский драмкружок.

В Ярославле на средства ГубОНО открыт татарский детдом, в котором воспитываются беспризорные дети татар»³.

Координировал пропагандистскую работу с мусульманским населением внутренней России Центральный татаро-башкирский комиссариат, созданный в апреле 1918 года. Впоследствии он был переименован в бюро при ЦК ВКП(б). Именно туда обращался агитпроп Ярославского губкома партии за руководящими указаниями и просьбами «выслать необходимую литературу на татарском языке, а также учитывать при составлении разверстки в университеты и курсы нацмен губернию, так как на нее не спущены квоты на подготовку татарских работников»⁴.

В ответных посланиях татарская секция комиссариата/бюро сообщала, что в списки на снабжение необходимой литерату-

рой Ярославская губерния включена, но она бесплатно не высылается. Поэтому агитпропу следует «озаботиться изысканием финансовых средств». На учебу в Татарский коммунистический университет предлагалось направить «двух наиболее подготовленных агитаторов». Характеристики будущим студентам, приведенные ниже, дают картину своего времени.

Инструктор губкома партии Ибрагимов писал об этом «активе нацмен»: «Товарищ Акчурин политически и теоретически развит слабо. Как политпросветработник далеко не удовлетворяет требованию масс и может быть использован на работе лишь в случае отсутствия более лучшего работника. Товарищ Шамов политически и теоретически развит, как организатор работник хороший, может быть использован на работе среди татарского населения как ликвидатор неграмотности, но не как педагог»⁵.

В соответствии с инструкциями комиссариата/бюро Ярославская секция СВБ активизировала работу в канун и по окончании Рамадана, завершающегося праздником курбан-байрам. Чтобы отвлечь мусульман от участия в нем, они устраивали свои антирелигиозные мероприятия. Иллюстрацией проведения такого мероприятия может быть антирелигиозный вечер, организованный в клубе водников в апреле 1926 года. Отнюдь не абстрактная возможность подвергнуться репрессиям заставила сотни татар (более двухсот человек) собраться в нем, чтобы выслушать доклад инструктора губкома партии тов. Ибрагимова. Вторым отделением мероприятия был спектакль антирелигиозной направленности. Тов. Ибрагимов доложил, «что празднование татарского праздника курбан-байрам, сопровождаемого изнурением себя в течение месяца и молебствиями, наносит вред рабочей массе, так как вера в религию ислама не дала татарам ничего, кроме болезней – туберкулеза и изнурения».

Доклад выслушали молча, выступающих не было. Незамысловатые мизансцены и игра самодеятельных актеров понрави-

³ ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2487. Л. 151.

⁴ ЦДНИ ЯО. Ф. 1. Оп. 27. Д. 2489. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 16, 17.

лись. Все их хорошо знали, а пропагандистская цель спектакля была ясна заранее. В положенной по такому случаю резолюции, зачитанной и принятой после мероприятия, записали, "что постановок, лекций и докладов на антирелигиозные темы должно быть больше. Это поможет скорее ликвидировать предрассудки среди татар. Просить политпросвет выделить больше литературы, направленной против религиозного дурмана". Иной итог таких мероприятий был, конечно, и невозможен.

Первоначально пропагандистскую работу в Ярославле вела Центральная татарская библиотека, располагавшаяся на Голубятной улице (ныне ул. им. В.Терешковой). При ее непосредственном участии на многих предприятиях и в общежитиях при них были созданы добровольные общества МОПР, ячейки безбожников, рабкоровские кружки. Библиотека обеспечивала литературой все пункты по ликвидации неграмотности и курсы по изучению русского языка. Один раз в месяц устраивала общее собрание татар города, приуроченное к очередной антирелигиозной кампании. Не реже одного раза в неделю проводились обязательные политбеседы. Взяли на себя работники библиотеки и организацию детского воспитания, курировали детплощадки и пионерский отряд. Так, постепенно в программу по ликвидации религиозной жизни мусульман включались все возрастные группы городского татарского населения.

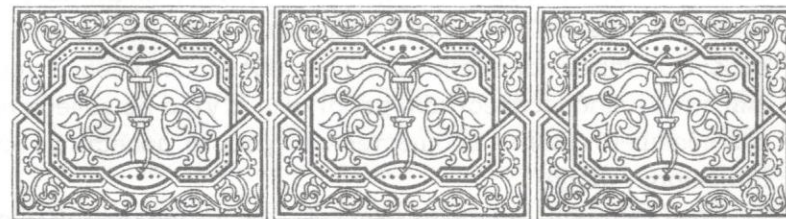
В обиходе библиотеку называли "изба-читальня". В автобиографиях, анкетах и прочих документах на вопрос об образовании многие татары так и писали "изба-читальня". Такой "университет" мало что менял в их жизни. Непрестижный в средних специальных и высших учебных заведениях татарский язык ограничивал их возможности в выборе профессий. Единственной сферой деятельности, в которой они могли конкурировать с русскими, имея "диплом" избы-читальни, оставалось производство. Самым крупным было строительство в рамках плана ГОЭЛРО Ляпинской ГРЭС. При прочих равных условиях местная биржа труда, удовлетворявшая заявки "Ляпинки" на рабочих, отдавала

предпочтение татарам. "Выпускников" избы-читальни устраивали любые условия найма, сезонность работ и связанная с нею "ротация", трудности быта. Прекращались работы на стройке, их перебрасывали на заготовку торфа. Через месяц-другой возвращали на строительство. Разницы в зарплате никогда не возвращали. Случалось, что при очередном вынужденном простое им не платили вообще. Но безотказные татары не увольнялись. И, как правило, их терпение вознаграждалось. Они возвращались на свои рабочие места. С этим обстоятельством и связан был конфликт, вспыхнувший летом 1924 года между двумя этническими группами рабочих-строителей. Русские обвинили татар в сбивании расценок. И пригрозили, что с ближайшим пароходом отправят их на историческую родину, т.е. в Татарию, "если руководство стройки не будет их увольнять при каждом вынужденном простое". Впрочем, конфликт не имел продолжения. Администрация "Ляпинки" взяла татар под свою защиту. Что же касается зачинщиков, то одних "проработали" на партийном собрании, других уволили, с третьими разобрались компетентные органы... Обычная практика пресечения любых проявлений бытового национализма в пролетарской среде.

Высокая производственная концентрация татар на этом и других крупных промышленных объектах города, естественно, ставила в повестку дня вопрос об отрыве их от мечети. Так появился еще один, альтернативный ей центр национальной жизни, лишенный конфессиональной окраски, — Татарский рабочий клуб имени известного большевика Х. Ямашева. Оригинальностью мероприятий, ориентированных на трудовые массы, клуб не отличался. Поражает их количество. Из отчета "актива нацмен" о проделанной работе за первые три месяца со времени торжественного открытия Татарского клуба: "Проведено девять общих собраний; поставлено 19 спектаклей на татарском языке; организовано семь вечеров самодеятельности; созданы библиотечки-передвижки для татарских рабочих, занятых на предприятиях города и области. Кружок физкультуры посещают 58

человек, драмкружок – 21, секцию безбожников – 18... Курсы ликбеза закончили всего 8 человек..." По бодрым рапортам выходило, что для другой, религиозной жизни у тех, кто, по советской терминологии, становился рабочим, просто не было времени. Занятые тяжелым трудом, когда невозможно разогнуть спину, они после работы и в выходные торопились на культурно-массовые мероприятия, приглашения на которые обычно сопровождались пояснением: "Явка обязательна".

У этой проблемы имелся, однако, и иной аспект. Включение татар в государственный контекст советского времени не было столь успешным, если бы местные власти не располагали теми, кто был их единомышленником в этнической среде, которую они стремились поднять из "тьмы религиозного невежества". Ведущий – власть и ведомый – "актив нацмен" составляли тандем, действия которого были направлены на ликвидацию религиозной жизни мусульман в городе. О результативности судили по количеству посещавших мечеть прихожан. Действительно, таких становилось все меньше и меньше. Достаточно часто ее посещали, прежде всего, пожилые люди. Можно было бы говорить о закате ислама, если бы явно или тайно не соблюдались обряды, без которых татарское население теряло смысл своего бытия. В мечети или на дому в присутствии муллы освящались вехи земного пути человека – рождение, брак, наречение имени новорожденного, смерть. Кавалерийские наскоки популяризаторов атеизма с лекциями на тему "о традициях полезных и вредных" были заведомо обречены на провал. С конца 20-х годов Ярославль, подобно магниту, притягивал к себе мигрантов из Татарии, региона с сильным влиянием ислама на мировоззрение и образ жизни людей.

Глава пятая

ПРИШЛИТЕ ЭКСКАВАТОР...

Индустриализация и коллективизация страны вызвали небывалые переплетающиеся миграционные потоки и передвижения людей. С одной стороны, два миллиона так называемых кулаков, а потом и подкулачников были высланы из родных сел в необжитые места, с другой – строительство крупнейших по тому времени заводов потребовало огромного числа рабочих рук, что позволяло закрыть биржи труда и начать интенсивную перекачку сельского населения в города.

Коллективизация деревни, по убеждению большевиков, проводилась исключительно для блага сельских жителей. Но уже через два-три года она обернулась для некоторых регионов страны настоящим голодом. Колхозный строй оказался страшнее продразверстки. Там хотя бы малость оставалась семья, была возможность что-то утаить от грабительского наскока продотрядов. В колхозах с полей и ферм все попадало в общий амбар, из которого власть забирала столько, сколько считала нужным. Комиссары из местных всегда добавляли что-то сверх плана. И часто выходило, что даже

семенное зерно вывозили "под метлу". Колхозникам же доставалось по 200–300 граммов зерновых остатков на трудодень. При таком положении дел не требовалось особых усилий, чтобы добросовестного работника, с утра до вечера не разгибавшего спины на общественной работе, довести до постоянного голода.

Уехать в город, где жизнь была сытней, стало мечтой многих. Но уже существовал запрет на выезд из села, и получить заветную справку об отпуске из колхоза легче всего было через вербовщика.

В 1929 году в Ярославле началось строительство крупнейшего в Европе резиноасбестового комбината со злой аббревиатурой – РАК. В его состав входили шинный, асбестовый, механический, подошвенный и регенераторный заводы, кордная фабрика, ТЭЦ и два сырьевых завода – сажевый и синтетического каучука. Всю эту "большую химию" разместили в трех километрах от центра города, в любимом месте отдыха горожан – Полушкиной роще. Земли эти до революции принадлежали знаменитому татарскому роду Сабанеевых.

Строителей в городе не хватало. Все эти годы шло восстановление разрушенных во время мятежа жилых домов и памятников архитектуры. В гражданскую войну наиболее квалифицированные строители были даже освобождены от призыва на фронт. Поэтому главному подрядчику строительства тресту Стальстрой было разрешено вести вербовку рабочих в трудоизбыточных районах, которыми в те годы считались республики Поволжья: Чувашская, Мордовская, Татарская и Марийская АССР. Но самой привлекательной считалась Татария. Приехать сюда можно было только с разнарядкой НКВД, в которой строго оговаривались не только число вербуемых по возрасту и полу, но и район их проживания.

За квоты в "Золотую Орду", как называли вербовщики Татарию, подрядчики чуть ли не сражались. Татары, как мужчи-

ны, так и женщины, считались работниками безотказными, сильными физически, выносливыми и, главное, непьющими.

В среде хозяйственников, выбивавших квоты на сезонных рабочих, очевидно, и родилась поговорка, обернувшаяся впоследствии в народе коротким популярным анекдотом, в котором сквозило неподдельное восхищение трудолюбием народа, способностью заменить мощный стальной механизм: "Пришлите экскаватор или двух татар с лопатами".

Прежде чем получить разнарядку на вербовку рабочих, нужно было представить доказательства о наличии жилья, рабочих мест, налаженного питания. Чаще всего работники Стальстроя обходились гарантийными письмами. Мол, ко времени приезда рабочих все необходимое будет им обеспечено. На самом деле, на первом месте было не создание нормальных условий для работы и жизни, а выполнение любой ценой производственных планов.

Переезд, особенно с семьей, всегда связан с неизвестностью и риском. При проведении вербовок, например, во Владимирской или Ивановской областях, людей приходилось уговаривать, а чаще прибегать к административным мерам. В Татарии, к удивлению контракторов, таких проблем не возникало. Предлагавших свои рабочие руки и судьбы в обмен на туманные словесные обещания было более чем достаточно.

К сожалению, почти не осталось в живых из трудоспособных переселенцев того времени. Как правило, их век оказывался короче среднестатистической продолжительности жизни, особенно у мужчин. Но у нас есть возможность взглянуть в прошлое глазами их детей, которым в ту пору было от 7 до 15 лет, возраст, когда память о событиях и их оценка особенно остры.

Что же заставляло татар сниматься с обжитых мест?

Гинатуллина Мэфруза, 1915 г. р.:

– Жили мы в Самарской области, село было татарское. В семье шесть человек, родители работали в колхозе до 1933 года. Воспоминание о тех годах можно выразить одним словом – голод. Наши соседи, которые уехали раньше, писали, что в Ярославле жить хорошо: сытно, и народ добрый. Мы уехали всей деревней. Стыдно признаться, но, пока плыли на пароходе, тоже голодали. Запасов никаких не было даже на такой крайний случай. Я пошла на шинный завод. Взяла с собой кирпич, положила его на пол перед окошечком в отделе кадров, чтобы казаться повыше. По-русски не знала ни слова. Мне было 18 лет, а на вид лет 14–15. Работу дали на погрузке гравия.

Насырова Каримя Минбеевна, 1927 г. р.:

– Мы жили тоже в Самарской области, и, как говорили родители, до революции жили хорошо. Но во время организации колхозов нашу семью записали в кулаки. На собрании отец показал свои руки: “Вот мои ладони, они уже много лет не сжимаются в кулак от мозолей. Я все нажил своим горбом и руками”. Но у нас отобрали все, и мы оказались самыми бедными в деревне. Отец очень переживал и вскоре умер. Думаю, что он не мог пережить такую несправедливость. Мать говорила, что он растаял как свеча, жизнь просто ушла из него. Осталось шесть человек детей. Но приехала из Ярославля моя тетя, увидела наши бедствия и ужаснулась. Уговорила поехать с ней. Был 1933 год, и из колхозов уже не отпускали, хотя мы в колхозе и не числились. Уехали без справки. Мать работала на шинном заводе уборщицей. Жили бедно, но не голодали. Правда, на одежду и обувь не оставалось, в школу я пошла только с девяти лет и окончила всего четыре класса.

Фахрутдинова Рафига Зариповна, 1928 г. р.:

– Мы жили в Татарии, на селе. Отец был мулла. Учился в Казани, имел диплом и работал по направлению. Когда начались массовые гонения на религию, нашу мечеть закрыли, а отца арестовали, то был 1930 год. Он так и не вернулся. Потом прислали документ о посмертной реабилитации. Нас из дома выгнали, все вещи отобрали. У матери нас было четыре девочки. Матери, как жене служителя культа, работы в колхозе не давали, и она работала поденно у тех, кто мог заплатить хотя бы продуктами. Потом судили и мать, так как не смогла заплатить налоги. Ведь хозяйство и дом отобрали, работать запретили, а налоги оставили. Суд ничего не присудил, видимо, поняли, что платить не из чего. Когда отца забирали, он сказал матери: детей вере не учи, а то на улице проговорятся и останутся круглыми сиротами. Но когда мы подросли, стала все же учить. Учила в подполье, когда картошку перебирали. Знала арабский и меня выучила. Все приговаривала: об Аллахе не надо кричать на каждом углу, пусть он будет у вас в душе. Дом наш разобрали, и колхоз построил из него ферму. Когда проходили мимо, мама все говорила – вон наш дом. А я ей всегда возражала: не наш, а скотный. В Ярославль я приехала в 1949 году, к сестре, работала на заводе силикатного кирпича. Его часто называли татарским заводом. Работа тяжелая, вредная, известь руки разъедает. Но все равно здесь было легче, чем на родине. Тут было хорошее к нам отношение.

Сабирова Асия Калиевна, 1929 г. р.:

– Жили мы в Татарии, в деревне. В семье было четверо детей, жили ужасающе бедно, хотя родители от зари до зари трудились в колхозе. Отец умер рано, надорвался на работе, к тому же постоянно недоедал. Мать говорила, что лишний кусок берег нам, детям. Родители были верующие, но открыто к вере нас не приучали. Узнала соседка, что мы в

подвале молимся, донесла в сельсовет, и нас предупредили. А другая соседка вечерами, при лампе, выучила нас арабскому. Такие разные люди. Когда мне исполнилось 18 лет, я завербовалась на Ляпинское торфопредприятие на сушку торфа. Ад, а не работа. Но это было в десять раз легче, чем у нас в колхозе.

Шарафисламова Чачак Каримовна, 1925 г. р.:

— Я родом из Башкирии. Жили в деревне, работали в колхозе. В Ярославль приехала в 1949 году, позвал брат. До этого в колхозе работали бесплатно. Принесешь в кармане пару горстей зерна, будешь сыт. С мужем работали на заводе силикатного кирпича. Работа тоже нелегкая, но мне долго казалось, что я при жизни попала в рай. Мне было с чем сравнивать.

Камалеева Разия Абдулловна, 1929 г. р.:

— Мы жили в Чистопольском районе Татарии. Родители работали в колхозе. Бедность была невыносимая. Родители все удивлялись, как они пережили голод 1932–1933 годов и сохранили детей. Это сейчас мы знаем, что даже на Украине в эти годы вымирали целыми селами и районами. И у нас было не легче, но, в отличие от украинцев, нам разрешено было уезжать. Первым в начале 30-х годов уехал отец, а в 1936 году мы бросили все, собрали вещи, сели на пароход и поехали искать отца. Что-то у них разладилось с матерью. Но через год они соединились, и жизнь у нас началась совсем другая.

Рахимова Насима Нуриевна, 1930 г. р.:

— Мы жили в Татарии. Мой дедушка по отцу был помещиком, имел землю, леса, большое хозяйство. В округе пользовался большим авторитетом за доброту и справедливость. Например, если он ловил порубщиков леса, то ему было до-

статочно пообещать, что больше воровать не будут, и он отпускал людей с миром. После революции у него все отобрали. Из-за жалких остатков хозяйства в 1929 году раскулачили, сослали на поселение, а потом взяли в тюрьму, где он и умер. Мой отец завербовался в Ярославль. В 1933 году мы с мамой переехали к нему.

Ерзин Заки Усманович, 1929 г. р.:

— Мы жили в Мордовии. Село у нас было чисто татарское. Родители мои и жены были верующими, начитанными, и уже с первого класса я соблюдал Рамадан, говел вместе со всеми. К этому времени все пять мечетей в селе были закрыты: одну разрушили, другая сгорела, остальные приспособили под склад, типографию и библиотеку. По главным праздникам зимой молились в своих домах, исподтишка, а летом на кладбище. Истинный мусульманин скорее согласится на любые лишения, лишь бы не чинили препятствий в вере.

После службы в армии вернулся домой, но жизнь стала еще беднее. Дядя пригласил меня в Ярославль в 1952 году. Поручился за меня при устройстве слесарем на кордную фабрику. Тогда было еще принято помогать младшим родственникам, брать их в семью. Он и был моим главным учителем в жизни.

Давлетшина Назия Хазиковна, 1927 г. р.:

— Мы жили в Чистопольском районе Татарии. Жили небогато, но в 1929 году дедушка по отцу попал под раскулачивание. Как он говорил, по разнарядке. Хлебнули горя. Отец везде искал работу, а в 1935 году переехал в Ярославль. Он работал на шинном заводе, мама на стройке. В 1947 году имел неосторожность вспомнить в раздевалке, как раскулачивали, и отсидел за это семь лет. Поучиться мне особо не пришлось. В 1948 году пришла на шинный, сначала в первый подготовительный, а потом в восьмой цех вулканизации.

Работала, пока не получила инвалидность. В этом цехе редко кто работал более десяти лет. Я выдержала двадцать один. Недаром цех называли в народе "Бухенвальдом".

Это всего лишь несколько штрихов о тех условиях жизни, от которых татары готовы были уехать куда угодно. От желающих не было отбоя. И вербовщики имели возможность выбирать только тех, кто им был нужен. На первых порах не брали семейных. Но татары нашли выход: вербовались только трудоспособные, а иждивенцев – детей и стариков оставляли родственникам или соседям, пересылая деньги на их содержание. Как только обосновывались в Ярославле, тут же правдами и неправдами перевозили семьи. Переезд на новое место был подчас единственным способом выжить. И если бы не ограничения на вербовку и запрет на выезд из колхозов, поволжские республики, и в первую очередь Татарию, развезли бы по всему Союзу.

Когда квоты на вербовку в Татарию не выдавали, администрация Стальстроя поощряла татар писать письма своим трудоспособным родственникам и знакомым и звать их в Ярославль. Такой подход преследовал две цели: во-первых, удавалось обойти запреты на вербовку рабочих в Татарии; во-вторых, получать работников без гарантии предоставления им жилья. А это была едва ли не самая трудная проблема в городе. Вокруг стройплощадки было построено огромное количество бараков, используемых как общежития. Получить комнату на семью в бараке считалось большой удачей. Как правило, в каждой комнате находилось по две-три семьи, отделенных одна от другой ситцевыми занавесками.

Баракы располагались на берегу Волги – от нынешнего здания ЦНТИ до Лагерного спуска. Еще два поселка – Фибролитовый и Щитовой – строились в основном для семейных. Фибролитовый поселок располагался в районе нынеш-

ней улицы Тургенева, Щитовой – между улицами Чкалова и Угличским шоссе. Это жилье мало чем отличалось от барачного. Разве что дома были двухэтажными. И число комнат на одну кухню было меньшим, чем в бараках. Называли их "клоповниками". Число крыс было неимоверным. Когда в конце 50-х годов решили снести Фибролитовый поселок, пришлось на помощь призывать пожарников. Освободившийся дом они обливали керосином снаружи и поджигали вместе с клопами и крысами.

Наиболее комфортное жилье строили на проспекте Шмидта (ныне проспект Ленина). И хотя в этих четырехэтажных домах была та же коридорная система, что и в бараках, но здесь уже были городские удобства. Селили в них передовых рабочих. Для специалистов был построен особый дом на углу проспекта Шмидта и Советской улицы. Дом как дом, но удивляло посторонних посетителей, что на кухне больших квартир была просторная ниша – место для кухарки или служанки.

Аширов Ибрагим Каюмович (1913–1999):

– Мы жили в Пензенской области. Семья была очень большая. И хотя все работали, но жили впроголодь. В 1929 году я получил письмо от старшего брата, работавшего на строительстве резиноасбестового комбината. Письмо было написано на бланке Стальстроя. Брат приглашал меня приехать к нему. Здесь тоже было нелегко, но все равно не шло ни в какие сравнения с прежними условиями моей жизни. Приехавших по частным вызовам не обеспечивали жильем. Это было проблемой того, кто писал письмо и приглашал на работу. В те годы слово семья имело совсем другое значение. Для приехавшего родственника всегда находилось место в доме. Да и мусульманская община выручала на первых порах.

Брат был бригадиром возчиков. Лошади и повозки у бри-

гадников были личные, но трест Стальстрой заключал договоры подряда только с бригадами. Первые полгода я работал землекопом, грузчиком. Когда немного освоился, брат отдал мне свою вторую лошадь, грабарку и кирку. Работать стало легче. По пути за грузом можно было передохнуть.

Самые тяжелые работы на строительстве: земляные, бетонные, погрузо-разгрузочные — выпали на долю татар. Недаром почти все участники строительства отмечали, что фундаменты и стены шинного и других заводов комбината возведены исключительно татарами. Других работ нам просто не давали, так как русского языка мы не знали, специальностей у нас не было. А для того чтобы кидать землю лопатой, не надо было знать русский язык или иметь специальность.

— Я неплохо знал русский язык, — вспоминает И. Аширов. — Но брат заставил ходить на курсы ликбеза, а потом три года учился на курсах мастеров, где получил специальность резинщика. После пуска шинного завода всю жизнь работал в цехе подготовки производства — это самый тяжелый и вредный цех на заводе. Я был скорее исключением, так как большинство татар со стройки перешли на завод подсобными рабочими, причем в наиболее трудные и вредные цехи. Инженеров и даже техников из татар в то время я не припомню. Что же касается мечети, то она еще действовала, но ходили в нее в основном старики. На религию в то время было особенно сильное давление, и молодежь, откровенно говоря, побаивалась публичных проработок на собраниях.

Самый большой урон все конфессии понесли после 1929 года, когда появился новый закон "О религиозных культах". Под видом обострения классовой борьбы Союз безбожников действовал еще более беспардонно. Волна закрытия церквей, мечетей, костелов, кирх и синагог прокатилась по всей стране. В Ярославле из 80 церквей 51 отдали учрежде-

ниям, 8 — подлежали полной разборке. Особой ненавистью у "антихристов" пользовались колокольни. И хотя колокольный звон был повсеместно запрещен, но взгляд, упавший на колокольню, невольно тянул ввысь, к Богу. Поэтому большинство колоколен подлежало сносу. Взгляд советского человека не должен отрываться от земли, от работы.

У СВБ и агитпропа разделились мнения по поводу мечети. "Антихристы" считали, что они уже навсегда отвернули мусульман от веры и мечеть надо закрыть. Но агитпроп губкома партии, по просьбе руководства Стальстроя, разрешил на неопределенное время оставить мечеть действующей в связи с наплывом татарского населения. Поэтому необходимо сначала усилить воспитательную работу, а через год-два решать и судьбу мечети.

С 1929 по 1931 год на строительство резиноасбестового комбината, по разным оценкам, приехало от восьми до десяти тысяч татар. Большинство из них были верующими. Но, помня, как ломали мечети у них на родине, как преследовали за веру, молодежь опасалась попасть под такой же произвол в Ярославле. Потому открыто в мечеть ходили только старики, "над которыми был властен только Аллах". Три года, пока шло строительство, трест Заводстрой (бывший Стальстрой) из тактических соображений отстаивал мечеть. 13 января 1930 года на совещании комиссии рабочих и красноармейских депутатов, собравшихся "по вопросу о церковных зданиях, подлежащих закрытию по ходатайству различных организаций", по настоянию его представителей мечеть была временно оставлена верующим. Тем более, что число прихожан, регулярно посещавших ее, составляло тогда 40 человек. По закону "О религиозных культах" регистрация мусульманской общины не разрешалась, если необходимая группа верующих не превышала 20 человек.

Для строительства комбината требовалось огромное количество материалов, особенно щебня и кирпича. 13 марта

1930 года начальник работ по постройке РАК просил Ярославский горсовет передать тресту несколько церквей на слом, чтобы получить 9895 кубометров кирпичного лома. Горсовет выделил на слом церковь Александра Невского, колокольню церкви Спасо-Пробойной, ограду и колокольню Владимирской церкви на Божедомке (улица Рыбинская). Это давало всего 1571 кубометр кирпичного лома, и трест Заводстрой еще неоднократно будет требовать от горсовета и губкома партии передать им на слом другие церкви.

Но возникали непредвиденные трудности. Русские рабочие наотрез отказались участвовать в разборке церквей и колоколен, ссылаясь на то, что Бог непременно покарает тех, кто посягнет на храм. В народе тогда ходили слухи, что после запрета колокольного звона и показательного сброса колоколов погибло несколько человек, а остальные участники умерли после. Тогда-то активисты из СВБ предложили использовать на этих работах татар.

— Помню, весной 1930 года, — вспоминает И. Аширов, — брат пришел с наряда расстроенный и сказал, что нашу бригаду направили ломать колокольню и ограду Владимирской церкви. Он опасался, что может начаться драка с православными. Или, что еще хуже, они могут в отместку покалечить лошадей или нападут на мечеть. В первые дни работ нам даже выделяли милиционеров. Когда мы разбирали ограду Владимирской церкви, а это, кажется, была обновленческая церковь, то прихожане очень ругали нас, называли нехристями и басурманами. Но за нас вступился старик, один из возчиков. Он сильно ругал обновленцев. Говорил, что это они раскололи церковь, пошли против истинной веры. Были и такие, кто даже благодарил нас за то, что мы взяли на себя эту работу и спасли их от большого греха. Люди понимали, что мы ломаем не по своей воле, что это приказ сверху. Потом мы ломали колокольню Спасо-Пробойной церкви. Намучались мы с ней — такой крепкой кладки встречать не прихо-

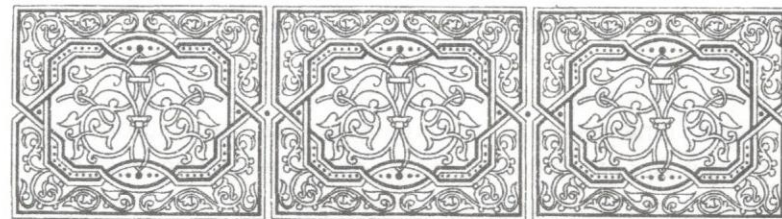
дилось. На ночь обливали водой, чтобы известь размокла. А все равно получалось одно крошево, цельного кирпича, которого не хватало на стройке, практически взять не удавалось... Что касается веры? Родители мои были верующими. Мать умерла рано, а отец воспитывал в вере. Потом я перевез его в Ярославль, он обрадовался, что здесь работает мечеть. Но радоваться пришлось недолго...

В 1931 году строительство резиноасбестового комбината шло к завершению. Дальнейшие события предугадать несложно. После бесконечных ходатайств СВБ мечеть закрыли, а здание передали горисполкому на слом. В отличие от православных храмов здание мечети оказалось легче приспособить для нужд города, и горсовет ограничился разборкой минарета. В качестве аргументов в решении о закрытии мечети использовали следующие: "близость к махорочной фабрике (забота о здоровье мусульман)", претензии к общине — "здание содержится не в надлежащем виде", а также "отсутствие в городе зданий, могущих быть использованными под культурные и складские помещения".

Но на какие средства было содержать мечеть? Налоги на доходы мечети были неимоверно высокими. Ее функционирование приравнивалось к частному предпринимательству. Соответственно и "давили" поборами как кооператив, артель или кустаря-одиночку с мотором или без мотора. Страна, вставшая на путь индустриализации, строительства заводов-гигантов, объявившая, что пятилетка будет выполнена в четыре года, уже не могла терпеть путающихся под ногами частников, церкви и мечети. По предложению СВБ первая пятилетка была объявлена безбожной. Воинствующие безбожники не хотели отставать от времени и обязались выкорчевать религию из сознания людей тоже в четыре года.

Время показало, что в понятие "безбожная пятилетка" был

вложен двойной смысл: безбожная эксплуатация народа в бесконечной череде преодоления трудностей индустриализации и коллективизации; другой смысл – в этой, пусть и нелегкой жизни советским гражданам с верующими не по пути. И когда о первой пятилетке говорят как о годах великого перелома, хочется добавить к этому, что это были и годы великого духовного перелома.

Глава шестая

ТОРФУШКИ

В ноябре 1932 года, с помпой во всесоюзном масштабе, пустили Ярославский шинный завод и другие объекты резиноасбестового комбината. Щедро наградили начальство, а тем, кто на своем горбу вывез неимоверные тяготы строительства, оставили возможность лишь гордиться свершением своих рук. Даже по современным меркам и при современной технике возвести за три года столько сложных объектов кажется невероятным. Например, завод синтетического каучука, с его мощными фундаментами под установки и оборудование, возвели всего за один год. А из механизмов на стройке были всего три трактора и одна автомашина. Объемы же земляных работ составляли десятки тысяч кубометров. И здесь главными землекопами были татары, башкиры, чуваша, а их механизмами – тачка, лопата и телега-грабарка.

Для обеспечения вновь построенных заводов электроэнергией и теплом была возведена ТЭЦ-1, к которой подключили также автомобильный и ряд других заводов. Освободились от локомотивов и текстильные предприятия. Возможности ТЭЦ-1 и потребности города были сбалансированы,

но, как всегда, "увяз хвост"...

И ЯрГРЭС, и ТЭЦ-1 работали на торфе, который доставляли в Ярославль с шести торфопредприятий, расположенных в Переславском, Большесельском, Некоузском, Рыбинском и Ярославском районах, редко выполнявших план добычи и отгрузки торфа. В котлы электростанций ежедневно шли не вагоны, а составы торфа. Работы были плохо механизированы, а ведь кроме добычи торфа его нужно было погрузить в вагоны узкоколейки, перегрузить на железнодорожной станции в вагоны широкой колеи, причем вручную, корзинами, по деревянным мосткам, доставить на электростанции, разгрузить и подать в топку котлов.

Почти пятьдесят лет, пока ЯрГРЭС и ТЭЦ-1 работали на торфе, его добыча и доставка чаще всего велись в авральном режиме. На этой технологической цепочке было занято около 30 тыс. работников, из которых 21 тыс. составляли сезонники.

Чтобы как-то скоординировать и упорядочить работы по добыче и доставке торфа, в 1933 году создали трест Ярторф, в состав которого вошли восемь торфопредприятий: Ярославское, Вареговское, Рыбинское, Мокеихо-Зыбинское, Купанское, Берендеевское, Ивановское и Батьковско-Ольховское. Поскольку сезон добычи торфа длился с апреля по октябрь, а местные жители неохотно шли на "адскую работу", трест ежегодно вербовал сезонных рабочих. Основными местами вербовки, или, как тогда уже стали называть, — оргнабора, были Орловская, Курская, Рязанская области и три поволжские республики: Марийская, Мордовская и Татарская. В качестве уполномоченных выезжали почти все инженерно-технические работники и служащие треста, так как без специального мандата ни один колхоз не имел права отпустить своего работника даже на летний сезон. А по разнарядке даже был обязан оказывать содействие в оргнаборе. Некоторые председатели колхозов использовали это как сво-

еобразное поощрение и отпускали только тех, кто не был замечен в нарушении трудовой дисциплины.

Вербовщики старались брать в основном работников из республик Поволжья. Они были безотказны в работе, трудолюбивы и нетребовательны к бытовым условиям. Из 21 тыс. сезонных работников 95 процентов составляли девушки в возрасте от 18 до 25 лет. Их называли "торфушками", что означало самую низшую ступень неквалифицированной рабочей силы. Несмотря на то что сезонных рабочих привозили уже более десяти лет, сколько-нибудь сносных условий для их жилья и быта создано не было. Имелись бараки с двухъярусными нарами, куда, как говорили работники треста, людей набивалось "под завязку". Как правило, даже сделать ремонт этого так называемого жилого фонда не успевали, не говоря уже о том, чтобы построить новые бараки.

— Мы жалели девчат, — вспоминает бывший директор Вареговского торфопредприятия Г.Р. Егоров. — Но для строительства новых бараков нам не выделяли ни средств, ни материалов. Тогда все шло на строительство заводов, во время войны и в послевоенный период все было подчинено войне и восстановлению разрушенного хозяйства. Так что о людях заботились в последнюю очередь. Мы ежегодно привозили три тысячи сезонниц, а на крупнейшее в России Мокеихо-Зыбинское торфопредприятие — более восьми тысяч. Треть сезонниц составляли татарки. При наборе они в первую очередь интересовались не условиями работы и жизни, они были согласны на любые условия; их интересовало — можно ли будет на заработанные деньги купить ситец, галоши и плюшевые куртки? Девушки ехали за приданым к будущей свадьбе.

Условия труда и быта на всех торфопредприятиях были одинаковы.

"На 1 июля 1932 года на Ляпинских торфоразработках занято 300 человек, из них 80 процентов женщины. Около 60

процентов женщин-торфянок неграмотны. Из общего числа работающих на торфопредприятии нацмены, преимущественно татары, с некоторой прослойкой мордвин. Большинство нацмен живут в поселке Черная грива, на расстоянии более 5 километров от Нижнего поселка – центрального пункта жилья, в котором живет до 2000 торфяников. За недостатком помещения для жилья в указанных поселках 200 торфяниц расквартированы по избам крестьян в деревне Мосец и Гаврилово. Культурно-бытовые и санитарные условия основной массы неудовлетворительны. Бараки переполнены, есть случаи, когда на одной койке спят по двое. В бараках нет тумбочек, под койками торфяниц хранятся инструменты, над койками в сырую погоду висит для просушки мокрая спецодежда. Во время дождя в некоторых местах проходит дождевая вода, так как крыша и стены худые. Несмотря на жаркое время, в большинстве бараков топят печи, так как многие из торфяниц не обедают в столовой, а берут продуктами из ТРК (Торфяной рабочий кооператив). Часто в бараках стирают белье, на койке, прямо на матраце, чистят рыбу. Санитарная тройка, выделенная в бараках, не работает, так как никем не инструктируется. Баня имеется только на Нижнем поселке, а в остальных местах жительства бань нет. На поселке Черная грива имеется кино и красный уголок, но, по заявлению работниц, уголок, как правило, закрыт. При этом агитационно-массовая работа, как система партийно-массовой работы среди работающих, почти отсутствует. Низовых агитаторов нет. Хуже всего в бригадах торфушек – большинство их совершенно не имеют партийно-коммунистической прослойки. Несмотря на высокий процент неграмотности и малограмотности, кружки ликбеза не работают. Как результат – слабая интенсивность труда, общий план тофодобычи систематически не выполняется”¹.

¹ ЦДНИ ЯО. Ф. 273. Оп. 68. Д. 140. Л. 1–6.

Современный читатель ни за что не догадается, из какого документа взята эта обширная цитата? Не ломайте напрасно голову. Цитата из материалов обследования “Состояние агитмассовой работы на Ляпинских торфоразработках”. Создается впечатление, что работникам горкома партии даже в голову не приходило, что лучшая агитация за социализм – это создание нормальных условий для труда и быта. Кошунственно ставить в вину торфушкам, работавшим по 12–14 часов в день и приехавшим на сезон, чтобы заработать, непосещение красного уголка и курсов ликбеза, из-за чего и слабая интенсивность труда, и систематическое невыполнение плана. Такова была партийная установка: сагитировать человека на перевыполнение плана за счет высокого сознания, а не в результате механизации труда. Видимо, к этому времени было сделано все, чтобы сознание определялось не бытием, а большевистскими лозунгами и прочим партийным пустозвонством.

При чтении документов о неприглядном быте торфушек невольно возникает вопрос: “А куда же смотрела прокуратура?”

Ровно через два года 11 и 23 апреля 1934 года заместитель городского прокурора Порфилюев прислал в горком партии акт проверки подготовки к торфосезону на том же Ляпинском торфопредприятии.

“Вербовка рабочей силы проводится безобразно слабо. К размещению рабсилы торфопредприятие не готово. Жилищные условия рабочих, особенно семейных, отвратительные. Особенно плохо в бараках нацмен, за недостаточностью их обслуживания со стороны профсоюзных организаций. Вокруг бараков непролазная грязь, уборные, помойные ямы переполнены, кругом их сплошные человеческие испражнения, отбросы пищи, мусор... Постоянными стали проблемы со снабжением и выплатой зарплаты”².

² ЦДНИ ЯО. Ф. 273. Оп. 68. Д. 186. Л. 279.

Как видим, изменения есть, но к худшему. Прокуратура по-считала, что уголовно наказуемых нарушений нет. А дело мож-но наладить только хорошей постановкой агитационной рабо-ты. Но это уже прямое дело горкома партии, который в очеред-ной раз предупредит руководство торфопредприятия "о недо-пустимости пренебрежения заботой о быте работниц" и т.д. Ру-ководство же примет к сведению, пообещает все исправить. Но, как и прежде, ничего не сделает. Потому что голову ему снесут и партийный билет отберут только за невыполнение плана. Поэтому выражение "план любой ценой" – на долгие годы станет любимым лозунгом партийных органов. Хотя цена была всем известна – здоровье работниц-торфушек.

Хамидуллина Салия Шакирзяновна, 1917 г. р.:

– Я приехала из Татарии в 1935 году. Работу найти было трудно. Пошла на Ляпинку в торфушки. После окончания се-зона уезжать обратно не хотелось, и я попросила дать лю-бую работу. Поставили на погрузку торфа. Была молодая, сильная, а переносишь за смену в корзине несколько тонн, и, как говорится, без рук, без ног. Перед войной купили с му-жем дом в Норском, и я перешла разнорабочей на фабрику "Красный перевал". Тут совсем другая жизнь пошла. Стало полегче, да и под крышей.

Зулькарнаева Зайтуне, 1930 г. р.:

– Я завербовалась на Ляпинку из Татарии в 1948 году. Отработала четыре сезона. Нам, сезонникам, давали са-мую тяжелую работу. Приходилось терпеть. Здесь нашел меня будущий муж. Он работал грузчиком на заводе сили-катного кирпича. Поженились в 1952 году, и я перешла в СМУ ТЭЦстрой, а потом освоила работу оператора на си-ликатном заводе.

Ибрагимова Фатима Зангировна:

– Я и двое братьев росли сиротами. Подруги, которые не раз ездили в Ярославль на торфоразработки, уговорили по-ехать с ними. Мол, сама устроишься и братьев перевезешь к себе. А если повезет, то и жениха найдешь. Все так и полу-чилось. Братьев пристроила на автозавод, там тоже много татар работало, и они помогли им освоиться. Сама осталась работать торфушкой, жила в поселке татарских невест. Тут меня после войны и нашел муж. Из торфушек я перешла на стройку. Отработала 25 лет каменщицей, тоже все время под открытым небом, но эта работа несравненно легче торфодо-бычи. Ту я вспоминаю с ужасом.

Почему работу на добыче торфа многие называли адс-кой? Из трех способов добычи торфа: багерный, фрезерный и гидроторф – последний считается наиболее трудным. На окраине болота, на сваях, устанавливали гидрокран, размы-вали торф гидромонитором и по трубам, иногда за несколь-ко километров, перекачивали жидкую массу на специальные поля разлива, так называемые карты. Там торф оседал, воду по специальным каналам, глубиной до двух метров, выры-тым, как правило, вручную, сбрасывали, а подсушенный оса-док нарезали специальными машинами на брикеты. Через несколько дней торфушки вручную выкладывали полусухие поленья в "змейки", после полной просушки складывали в клетки, а потом грузили на платформы узкоколейки.

– Перекладка рельсовых звеньев с одной карты на дру-гую была очень трудоемкой, – вспоминает Г.Р. Егоров. – Ни-каких механизмов для этой работы не было. Шестнадцать девушек брали на плечи восьмиметровое звено и переноси-ли его на новую карту, иногда за несколько сот метров. Не-смотря на то что каждой работнице мы выдавали специаль-ные подушки, плечи у всех были сбиты. Но самой тяжелой

работой считалось удаление всплывших пней и бревен. Девушек одевали в ватные брюки, фуфайки, поверх гидрокостюм. И в таком снаряжении они плавали по четыре часа в торфяной жиже, баграми подтаскивали пни и бревна к грейферу, который выбрасывал их на берег. Если учесть, что сезон начинался 10 апреля, то можно представить всю опасность для здоровья такой работы. Через четыре часа они шли отогреваться в специальной теплушке, и потом снова в воду еще на четыре часа. Сразу болели редко, а потом, говорили, переохлаждение сказывалось на здоровье. Только на нашем Вареговском торфопредприятии работало двести таких багорщиц. Правда, на Ляпинском торфоболоте эту работу выполняли с плотов, но у нас это не прижилось.

Вспоминает заместитель главного инженера ОАО Ярторф Э.В. Марачев:

– На работу торфушки уходили часа в три-четыре утра и работали до шести вечера. Не знаю, чем они завтракали, но с собой брали бидон воды, хлеб и соленую кильку или хамсу. Татары кильку любили очень: дешевая, с ней хорошо идет хлеб и особенно вода. Причем кильку сушили и вялили в больших количествах для дома. Экономили на всем, себя не жалели, лишь бы привезти домой побольше денег и подарков.

Уделять большое внимание сезонным рабочим, как рассуждало начальство, резона не было. Приехали, отработали 4–6 месяцев и уехали вместе со своими проблемами. Советская власть один к одному использовала дореволюционную практику русских фабрикантов, которые весной, на Пасху, увольняли рабочих, а осенью принимали уже с большим разбором. Это позволяло избавляться не только от неугодных, но и от больных. Даже если болезнь или увечье они получили на фабрике.

Ежегодный приезд большого числа сезонных работниц, казалось бы, не оказывал никакого влияния на динамику численности татарского населения в городе и области. Но это не так. Во-первых, приезжали в основном молодые девушки, невесты, чтобы заработать на приданое и выйти замуж. Немало таких невест находили женихов в Ярославле. Сначала только-только знакомились. Затем будущий муж ехал в Татарию, получал благословение родителей, справку из колхоза для невесты и возвращался назад. Свадьбу справляли в Ярославле. Во-вторых, часть работниц, особенно из больших семей, любыми средствами, соглашаясь даже на погрузку торфа, оставались в Ярославской области. При удачном раскладе в жизни перевозили братьев, сестер, родителей. Так ежегодно оставалось не менее 450–500 татарок.

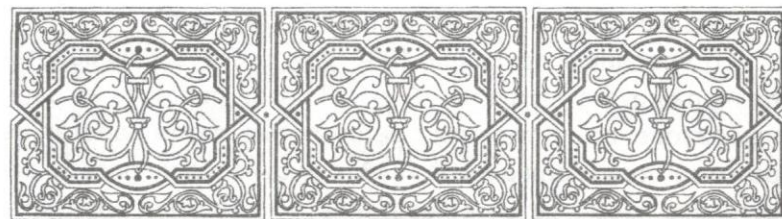
– Отработав 12–14 часов, питаюсь кое-как, – продолжает рассказ Г.Р. Егоров, – каждый вечер шли на танцы в клуб, а чаще на площадку. Песни звучали и на русском, и на татарском, и на чувашском языках. Откуда только силы брались. Женихи приезжали из города, на танцах и знакомились.

Женихов не смущало низкое социальное положение невест. Ведь это была хорошая возможность создать национальную семью, к чему стремились не только женихи, но и их родители. Большинство из них были против смешанных браков. Но за татарскими девушками охотились и русские парни. Они ценили их за своеобразную восточную красоту и особенно за верность мужу, воспитываемую в мусульманских семьях с детства. Нижний посёлок, где жили сезонницы, в Ярославле так и называли “посёлок татарских невест”.

Заканчивался сезон торфодобычи, магазины ОРСов ломились от товаров, завезенных исключительно для сезонниц. Продавали товары только по специальным талонам. Это напоминало обмен золота у туземцев на стеклянные бусы. Толь-

ко здесь вместо золота обменивалось здоровье на "ясные галоши", отрезы ситца и плюшевые жакетки.

Встречаясь с бывшими торфушками, слушая их неунывающие рассказы о былой жизни, невольно отмечаешь их незлобивость на прошлое. Может быть, такое отношение к своему прошлому и помогало им выжить в самые трудные времена.

Глава седьмая

ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Если довоенную волну уроженцев из Татарии, осевших в Ярославле, считать первым поколением горожан, то их дети, естественно, относились ко второму. Это второе поколение фактически лишилось национальной жизни. Перед войной татарская школа на Голубятной улице и татарское отделение в средней школе № 36 были закрыты, мечеть — ликвидирована, Татарский клуб и библиотека — пустовали. Татарский язык становился языком семьи, но и здесь он все чаще уступал свои позиции русскому. Второе поколение воспитывалось школой, пионерской организацией, комсомолом, партией в духе атеизма и интернационализма. Под мощным идеологическим воздействием формировались ассимиляционные процессы. Чтобы дать более или менее адекватное представление о том, что происходило в урбанизированной этнической среде, посмотрим на детей глазами их родителей. Извлечения из рассказов представителей первого поколения, записанных в сентябре — декабре 1999 года, — пусть выборочно, но яркими мазками повседневных "обычностей", — дадут картину своего времени.

Сабирзянов Вазых Сабирзянович, 1916 г. р.:

— В Ярославль приехал в 1934 году, к сестре. Она работала на разгрузке торфа на ТЭЦ-1. Я начал работать на шинном заводе, возил тележки с заготовками, потом работал на резке заготовок для шин. В 1948 году съездил на родину, захотелось посмотреть на перемены, но вернулся обратно в Ярославль и привез с собой жену Миннубанат. Она трудилась в колхозе, но после замужества ей выдали справку для получения паспорта. Перешли работать в строительный трест № 14 и до пенсии строили цехи на моторном заводе. Имеем двух сыновей: один окончил ПТУ, другой — техникум. Оба женаты на русских. Есть две внучки, а кто они по национальности, считай, как хочешь...

Насырова Каримя Минбеевна, 1927 г. р.:

— Мать работала на шинном заводе уборщицей, денег хватало только на самое необходимое. В школу я пошла девяти лет. Тогда еще в 36-й школе было татарское отделение, возглавлял его Мансуров. Мать с малых лет приучала нас к религии. В школе учителя заставляли есть и пить воду, что во время Рамадана делать нельзя. Перед войной нас с четвертого класса сразу перевели на русский язык, и татарское отделение ликвидировали. Многие просто не могли учиться, я тоже бросила школу. Всю жизнь работала на шинном заводе на пропитке корда. После войны вышла замуж за Ахмеда Насырова. Он прошел всю войну, был ранен. На заводе его помнят как одного из лучших сборщиков покрышек. Все время соревновался с Героем Социалистического Труда Ахметом Ахмеровым. Они дружили, были из одной деревни. Детей у нас было трое. Сын — вальцовщик на шинном. Одна дочь вышла замуж за татарина, другая — за русского. Отец долго уговаривал идти за татарина, грозился, что внука на руки не возьмет. Но родился внук, дед понемногу отошел и смирился, а внук больше жил у нас, чем у родителей. Сейчас у меня четыре внука, у всех браки смешанные. Говорят, что русским мужчинам нравятся татарки. Это

хорошие жены, трудолюбивые и верные. А татарским женщинам, наоборот, больше нравятся русские мужчины. У них, что ли, жизнь свободнее получается, без наших строгих канонов веры и национальных обычаев. Кто их поймет, молодых...

Гинатуллина Мэфруза, 1915 г. р.:

— Я всю жизнь работала на шинном заводе: до войны закройщицей браслетов, а после — бетонщицей и грузчиком. Куда было деться без образования. Муж был из нашей деревни, детей родилось четверо. Один работал на шинном заводе, умер. Другой на пенсии, третий — безработный. Дочь вышла замуж за русского. Все дети веруют, но в мечеть не ходят. Выросли при советской власти, что с них возьмешь. Мы еще как-то сохранили веру, а вот привить ее детям по-настоящему не удалось. Мы и не думали, что мусульманам так вот вера откроется. Мне сейчас 84 года, но регулярно хожу в мечеть, учу арабский язык. Сейчас и времени для веры много, не то что раньше. Там была только работа, работа...

Шарафисламова Чачак Каримовна, 1925 г. р.:

— Мы с мужем приехали в Ярославль в 1949 году, работать пошли на завод силикатного кирпича. Через десять лет построили свой дом. У сына и дочери браки национальные. Сын окончил технический университет и работает на заводе "Победа рабочих", дочь — фельдшером на нефтеперерабатывающем. Внуки тоже окончили университет и работают вместе с родителями. Когда мы приехали, то знали не больше десятка русских слов, но детям старались дать образование, хотя материально было нелегко. Мы решили, что хватит и того, что выпало на нашу долю, пусть хоть у детей и внуков будет другая жизнь.

Мухаметова Биби-Нур, 1914 г. р.:

— Мы с мужем завербовались в 1934 году. Основное время я работала на паровозоремонтном заводе маляром. Из троих де-

тей осталась одна дочь, к моей радости — верующая. Ходит со мной в мечеть, учит арабский язык. Работает в литейном цехе. Сын умер. Другая дочь окончила наш пединститут, работала по направлению директором школы под Новосибирском. Погибла под поездом. Двух ее сыновей перевезла к себе. Хотя особого достатка не было, но оба внука окончили институты и сейчас работают в милиции. Не курят, не пьют, но и в мечеть не ходят. В свое время к вере не приучила, да и время было такое, что за веру могли из комсомола исключить. Даже выгнать из института. Мне самой поучиться не пришлось, и я-то знаю, что значит быть неученой. Даже русский язык мы с мужем учили здесь, в Ярославле.

Киреев Габдинур Каримович, 1918 г. р.:

— В Ярославль я попал во время войны: после третьего ранения в голову почти полгода лечился в Рыбинске. После выздоровления органы НКВД взяли в охрану, где проработал три года. Женился на татарке. Она местная, из Тутаева. Родители ее жили здесь еще до революции, и, возможно, они потомки тех романовских татар, которых переселил еще Иван Грозный.

Потом приехала в Ярославль моя сестра. Прямо скажу — спасалась от голода. До войны я окончил учительский институт и работал учителем в начальной школе. По тем временам такое образование было редкостью среди татар. На два года уезжали с женой в Пенджикент, поискать лучшей доли, но не прижились и вернулись обратно. С того времени и до пенсии работал слесарем на заводе силикатного кирпича. Работа нелегкая, но там половину рабочих составляли татары, а среди своих жить поваднее. Детей было двое. Сын сильно облучился в армии и не выжил. Дочь вышла замуж за русского. Я не хаю русских, но человек должен сохранять свою нацию. А так на ней мой род, можно сказать, и закончится. Я был против этого брака, но она сказала: или за него, или ни за кого. Наверное, я виноват перед Аллахом, что не сумел убедить ее. Есть двое внуков, один пошел работать на шинный завод. Почему русские парни охотятся за татарскими не-

вестами? Видимо, потому, что они послушные, внимательные, трудолюбивые. И верные. У татар с этим строго. Хотя большая часть жизни прошла среди русских, но дочь твердо усвоила наши традиции: если изменишь, то муж может убить, в лучшем случае — выгнать из дома. И детей такой матери не отдаст.

Бикмухаметов Хайдар, 1922 г. р.:

— Из Татарии я приехал в 1936 году по вызову старшего брата. Он работал на ЯПРЗ и меня туда пристроил слесарем по ремонту паровозов. Я участвовал только в войне с Японией. Но во время войны и в тылу было очень тяжело. Паровозов не хватало, так иногда приходилось по три смены подряд не выходить из цеха. Иногда засыпал прямо в раздевалке, не было сил добраться до дома. Говорят, мало татар вышло в начальники. Это верно. Причиной всему — недостаток образования. Еще мать рассказывала: в школе их учили только считать, а писать — нет. Чтобы письма парням не писали. Дочь замужем за русским. Мы отговаривали, но не отговорили. Если любовь крепкая, то никакие уговоры не помогут. Они счастливы, и мы рады этому.

Галеев Месхуд Ахметович, 1929 г. р.:

— Мы всей семьей переехали в 1933 году, по вербовке. Мне было только четыре года. Отец работал землекопом в Союзводстрое, вел водопровод с Волги. Представьте четырехъярусную траншею глубиной восемь метров, выкопанную вручную. Все черные и трудоемкие ручные работы в основном приходились на татар. Почему? Да потому, что неграмотные, глупее всех оказались. И по-русски десятка слов не знали. Мать работала на шинном заводе, в цехе. После нашего голода тут нам все казалось раем. Хотя хлеб был по карточкам, но каждый день и очень вкусный. Жили в бараках и так тесно, как сельди в бочке. Поучиться мне пришлось всего три класса, очень плохо давался русский язык. Работать пришлось на асбестовом и шинном заводах, а после-

дни 28 лет слесарем-инструментальщиком на "Красном маяке". Дочь вышла замуж за русского. Противился, как мог. Надо бы свою нацию блюсти. А она в ответ: где же я возьму мужа по твоему нраву? И, действительно, где? У сына судьба совсем не сложилась, пошел по худой дорожке... Так и живу. Одна радость – с верой послабление вышло.

Рахимова Насима Нуриевна, 1930 г. р.:

— В Ярославль наша семья приехала в 1933 году. Отец пошел работать такелажником. Участвовал в войне, домой вернулся инвалидом второй группы. На время войны мы с мамой уехали в Татарию, там я окончила четыре класса в татарской школе. Здесь, после войны, с трудом пришлось освоить русский язык, и за год я уже догнала одноклассниц. Нас было три сестры, и родители сделали все возможное, чтобы мы учились. Газия окончила техникум, потом технологический институт. Гамира по окончании Московского института легкой промышленности работала начальником цеха на швейном комбинате. Я училась сначала в химико-механическом техникуме, потом в технологическом институте. По тому времени нашу семью можно назвать уникальной. Ведь почти все мое поколение ушло по стопам родителей на производство, причем на тяжелые и вредные работы. Замуж я вышла за русского. Мать так переживала, что поседела. Ей хотелось, чтобы внуки были татарчата. Когда моя дочь вышла замуж за русского офицера, уже не переживала. Поняла, что род прервался. Вся моя жизнь прошла среди русских, но я никогда не забывала, что принадлежу к татарскому народу. Одно время вошло в моду у представителей нацменьшинств переделывать свои имена на русские. Я этого никогда не понимала и даже в замужестве настояла на своей фамилии. С мамой мы всегда говорили только на татарском языке. Как я пришла к вере? Тяга к вере, видимо, заложена в генах. Мусульманину по законам веры положено учиться от рождения до смерти. Пошла в мечеть учить арабский язык. Когда начала более углубленно изучать ислам, многое поменялось в душе. Стала понимать, что нужно быть терпимее. Если бы

я верила в Аллаха раньше, то жизнь точно сложилась бы по-другому. Я была бы мягче. А так работа инспектором Госгортехнадзора обязывала быть жесткой. Хотя никогда не требовала сверх меры. В нашем деле одно незамеченное или прощенное упущение может обернуться бедой. Жить сейчас нелегко, но я не унываю. По исламу: если у тебя есть на два дня пища, живи и не унывай, Аллах поможет...

Замалутдинова Талия Минихарисовна:

— Мои родители приехали из Татарии в 1936 году. Всю жизнь работали на сажевом заводе, во вредном цехе. У отца половина дома была отведена под молельню, поэтому к обрядам и вере мы привыкали с детства. Всем детям родители дали неплохое образование, благодаря тому что заставили хорошо учить русский язык. Старшая сестра окончила институт, братья тоже стали хорошими специалистами, я получила профессию швеи. Смешанных браков в нашей семье не было. Об этом родители предупредили нас заранее, и никто не ослушался.

Известно, чтобы "не раствориться" в инонациональном окружении (в данной ситуации — русского большинства), этнической группе необходима некая "критическая масса" членов, достаточное количество "своих", с которыми можно было бы поддерживать повседневные связи, говорить на родном языке, находить брачных партнеров и т.п. Численность татарского меньшинства в городе и области была достаточной, чтобы такая "критическая масса" поддерживала преемственность поколений в отношении к вере, национальным традициям и обычаям. До войны на предприятиях Ярославля и области работали около 18 тыс. татар. В одном из отчетов уполномоченных по делам национальных меньшинств промелькнула другая цифра — 34 тыс. Из чего она складывалась, неясно. Но логично предположить, что с учетом иждивенцев в татарских семьях — стариков и детей — в обоих случаях речь шла о постоянно проживающих здесь гражданах татарской наци-

ональности. В связи с тем, что главные промышленные объекты сосредоточивались в Ярославле и его пригородах, татары являлись по численности третьей этнической и потенциально второй конфессиональной группой в городе.

В официальных сведениях областного статуправления фигурировали иные, во многом заниженные сведения о количественных параметрах татарского населения. На это были свои причины. По рассказам многих, после репрессий, обрушившихся на город в 1937—1938 годах, и в послевоенные годы, когда в нем активизировалась борьба с космополитизмом, немалое количество татар поменяли национальную принадлежность и переделали свои имена в паспортах по созвучию на русский лад.

Накануне проведения Всесоюзной переписи населения, 1939 в городе ходили слухи, будто татар хотят переписать, чтобы затем насильно переселить на историческую родину. Откуда появились такие слухи — неизвестно. Но подпитывали они страхи людей за свое положение, будущее детей, их успех в жизни. Перед войной тревогу вызвало то, что результаты "той переписи" почему-то не были полностью обнародованы, после нее — кампания борьбы с космополитизмом, которая, наоборот, получила широкую публичную огласку.

— Мне стыдно признаться, — рассказывала автору одна из торфушек. — Но в начале 50-х годов не одна я записалась русской. Нам казалось, что так будет спокойнее. Но года через три мне было стыдно за свою слабость. Я чувствовала себя предательницей нации. Но никто из татар такого упрека мне и другим не сделал. Фамилию мою, пожалуйста, не упоминайте.

В годы сталинских репрессий, понимая, что одного неосторожного слова достаточно, чтобы обрушить преследования на всю этническую группу, татары держались вне "повседневной политики". Помогало и то, что меньше пили, чем русские. А значит, меньше развязывали языки... Трудились на совесть, но на руководя-

щие посты не рвались. Старались не привлекать к себе внимания. Хорошо понимали, что назначение, например, на должность начальника цеха уже грозит непоправимой бедой. Такая должность, по выражению Абдурахмана Хасандинова, всю жизнь проработавшего на Ярославском электромашиностроительном заводе (ЯЭМЗ), в те времена была "почти расстрельной".

Поскольку над его головой по меньшей мере дважды сгущались тучи, связанные с назначением на ответственные посты, обратимся к воспоминаниям самого участника событий, представив их краткой биографической справкой.

Родословная А. Хасандинова восходит к концу XIX века, времени, когда его родители — казанские татары — переселились в Тутаев на постоянное жительство. Сам он родился в 1911 году. Рабочая биография началась в 1929 году, когда семнадцатилетним пареньком он пришел на концессионный завод шведской фирмы ACEA. На заводе освоил несколько специальностей. Впоследствии без отрыва от производства окончил электротехнический техникум.

В 30-е годы Абдурахман, известный на заводе уже под именем Анатолия Константиновича, работал сначала бригадиром, а затем мастером участка.

— В 1937 году, — вспоминал Анатолий Константинович Хасандинов, — аресты на заводе шли ежедневно. И, самое страшное, при непосредственном участии его директора Фролова. За малейшие упущения он вызывал в кабинет начальников цехов, отделов, главных специалистов. Вызовы сопровождались унижительными допросами. Для большей убедительности Фролов носил полувоенную форму, а во время разговора выкладывал на стол револьвер. Такие беседы, как правило, заканчивались докладной о вредительстве, человека передавали в органы НКВД, и больше его никто не видел...

...Дошло до того, что за полгода в основных цехах сменились по три-четыре начальника и их заместители. Уже не знали, кого ставить на освободившиеся должности. Я тогда работал

мастером участка. Вдруг меня вызывает директор и назначает исполняющим обязанности начальника самого большого, объединенного электромашинного цеха. У меня все оборвалось внутри. Стал отказываться, но Фролов подписал приказ и пригрозил, что за саботаж учтет, куда следует. Я понял, что долго не проработаю. Приговор, по сути дела, был вынесен самим этим назначением.

Домой пришел ни жив, ни мертв. Мама все у меня выпытала и сказала, что в моем случае поможет только Аллах. Помолись, говорит, Аллах услышит и поможет. Я комсомолец, активист — и вдруг Аллах. Я не знал ни одной молитвы, ни одного обряда. А перед сном, в каком-то смятении, совершил что-то похожее на намаз. Мне даже показалось, что за мной кто-то наблюдает и подсказывает, что и как надо делать, какие слова произносить, что он слышит и понимает меня. И, действительно, почувствовал какую-то защиту. На другой день страх вроде пропал, я работал и уже не думал об ошибках и аресте. А вечерами молился. Даже став коммунистом, я продолжал верить в Аллаха. И это мне действительно помогло. Через несколько месяцев, когда терпение заводчан иссякло, несколько коммунистов, во главе с секретарем парткома П.В. Абрамовым, арестовали Фролова прямо в проходной завода. Отобрали пропуск, партбилет, револьвер и передали директора в органы НКВД как главного саботажника производства. На такой поступок, тем более в те годы, были способны только немногие. Возможно, от ареста меня спасла и армия. В конце 1938 года меня призвали на военную службу. Участвовал в финской войне, был награжден медалью.

Во время Великой Отечественной войны А. Хасандину поручили другое, более сложное задание — обеспечение топливом своего предприятия, автозавода, хлебозаводов и военных госпиталей города. Нужно было организовать заготовку гудрона

на нефтеперерабатывающем заводе им. Менделеева и доставку его в Ярославль.

— Эта должность тоже была расстрельная, — продолжал рассказ А. Хасандин. — Топливо, как правило, шло в топки прямо с колес, и случись что-то непредвиденное в пути, не сносить бы мне головы. Работниц на погрузку набирал сам. Брал я в основном татарок. Эти будут работать, сколько надо, и не подведут. 120 работниц резали лопатами гудрон, носилками грузили на железнодорожные платформы. Одежда и обувь буквально горели от кислоты, которой был насыщен гудрон. Летом нам отвели торфоболото "Черные лужи" за Волгой. Навербовали 400 человек, и тоже в основном из Татарии. Все работы велись вручную, за сезон удавалось заготовить торфа на три месяца работы заводской электростанции. В 1944 году нам посулили дать тепло с ТЭЦ-1. Но при условии, что мы сами раздобудем трубы. Подсказали татарки-торфушки. На Рыбинском торфопредприятии мы все лето откапывали трубы из-под песка и баржами доставляли на завод. Помогали нам и сезонницы, приезжавшие из разных мест. Казалось, это были двуличные женщины, хотя лет им было не более двадцати...

После войны дали мне путевку в дом отдыха "Красный холм". Сутки спал. На вторые уже не знал, чем занять себя от безделья. Спасибо, на третий день приехал диспетчер с завода с извинениями и попросил вернуться на работу. Какие там извинения, я сам был рад. Про отдых и выходные дни мы за войну и думать отвыкли¹.

Трудно объяснима приверженность татар к одному рабочему месту. Выработав производственный стаж по так называемой горячей сетке и заслужив право на льготную пенсию, русские тут же переходили на другую работу. Татары же в большинстве оставались работать на вредных производствах и дальше. Даже получив пенсию, они редко меняли работу. Хотя изве-

¹ Интервью с А. Хасандиным записано при его жизни в 1976 г. Архив автора.

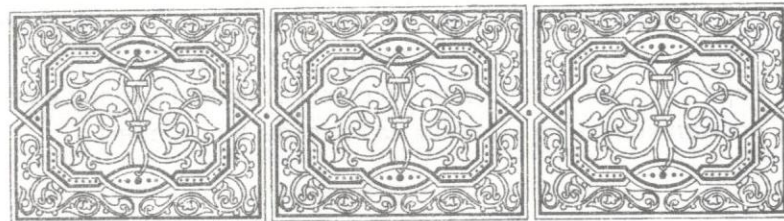
стно, что ни одно производство льготы просто так не дает. За них нужно заплатить своим здоровьем. Поэтому и век татарских мужчин чаще всего оказывался недолгим.

— Бывало, придешь к врачу, — рассказывает А.Б. Фахрутдинов. — Он спрашивает: из какого цеха? Отвечаю: цех второй. Сколько там работаете? Отвечаю: двадцать второй год. Врач сердится. Да что вас там держит? Из-за денег губите себя. У вас не история болезни, а многотомное сочинение. Отвечаю: не из-за денег. У нас не принято искать, где лучше, работаем там, где надо. Такое воспитание.

Многих работников, которых в свое время называли маяками производства, мы уже не застали. Но от встреч с немногими оставшимися в живых ветеранами шинного и других заводов тяжело на душе. Видишь больных, изработавшихся людей, живущих сегодня на мизерную пенсию. Богатства, созданные трудом и здоровьем, разделены без их участия, а иноземное слово "дивиденды" осталось для них непонятным и неосознанным.

Для них, отдавших свой труд за бесценок в молодости и обреченных на нищенское существование в старости, гордостью остаются дети. Им дали образование, помогли встать на ноги, получить специальность. Второе поколение татар представлено сегодня во всем спектре городских профессий производственной и непроизводственной сферы: рабочие, инженерно-технические и медицинские работники, преподаватели, юристы, работники сферы услуг и т.д.

А что же с верой? Сохранилась ли в цепочке поколений "критическая масса" верующих, способных возродить мусульманскую общину в других, благоприятных для этого обстоятельствах? Ответ на эти вопросы читатель найдет в следующей главе.

Глава восьмая

МОЛЕЛЬНЫЕ ДОМА

закрытием мечети в Ярославле произошло то же, что и в других городах или территориях Центральной России с компактным проживанием этнических мусульман. Гонимый и униженный ислам "переселялся" в подпольные структуры и продолжал оказывать влияние на умы людей, их образ жизни, обряды и обычаи.

Нелегально существовала религиозная жизнь мусульман и в нашем городе. Время было такое, что даже три человека, собравшиеся на кухне, могли вызвать подозрение. Татары же собирались на молитву группами от пяти до десяти и более человек. Обязательно приглашали муллу. Молитвенные собрания проводились в частных домах, по очереди. Там же совершались обрезание, свадебные и похоронные обряды. Риск, конечно, был большой. Вспоминает представительница второго поколения Замиля Ярулина:

— Мой отец Агзам Хасаншин был настоящий мулла. Работал такелажником на ТЭЦ-1. Молился дома. Постепенно стали приходить другие татары. Его тут же вызвали в управле-

ние НКВД и предупредили, чтобы муллой не служил. Иначе будешь молиться в другом месте. Это было в 1937 году. Собираться у нас перестали, но отец оставался муллой и продолжал ходить по вызовам на свадьбы и похороны.

Мы уже упоминали выше, что основная часть татар находилась на ручных, причем самых тяжелых работах: бетонных, земляных, погрузо-разгрузочных. Рабочий день всегда превышал положенные восемь часов. Ударные планы партии – “пятилетку в четыре года” и другие землекопу можно было выполнить только за счет переработки или ценой своего здоровья. Питание было плохим. Общественные и заводские столовые только организовывались, а так называемое “премблюда” (премиальное блюдо) для стахановцев и ударников не восполняло силы, затраченные на перевыполнение плана. Но энтузиазм 30-х годов так умело поддерживался всеми видами пропаганды, что люди искренне верили обещаниям прекрасной жизни в скором будущем и выкладывались без остатка. По признанию многих татар, живших и трудившихся в те годы, времени и сил после такой работы на молитву не оставалось.

Кроме того, чтобы окончательно отвратить горожан от веры, власти организовали очередное “мероприятие”. В 1938 году, к очередной годовщине Октября, в городе торжественно открыли антирелигиозный музей. Создавали его по образу Ленинградского музея религии и атеизма, расположенного в Казанском соборе. В Ярославле его разместили в церкви Ильи Пророка, которая, как писала тогда областная газета “Северный рабочий”, “представляет собой ценный антирелигиозный памятник”. Открыли в музее и экспозицию, посвященную бывшей мечети и ее деятельности. С обычными для того времени комментариями и материалами, связанными с темой ислама. Типа: “Ис-

кренне жаль, когда взрослые люди, как малые дети, верят сказкам”.

– Мы, мусульмане, в музей не ходили, – вспоминал Ибрагим Аширов. – Если бы его устроили в обыкновенном здании, может, и сходили бы ради любопытства. Но идти в православную церковь мусульманину неудобно. Не шли мы, даже когда СВБ бесплатно организовывал для нас экскурсии. Неумная была пропаганда. Бездоказательная. Одни запреты. А воинствующих безбожников мы называли шайтанами.

Впрочем, музей скоро закрыли. Из-за необыкновенной его популярности у русского населения. Наплыв пожилых людей был огромен. И заподозрили, что шли они не экспонаты смотреть, а поклониться и украдкой перекреститься перед образом Христа.

Послабление конфессиям, сделанное правительством в 1943 году, не изменило положения городских мусульман. Конечно, можно было использовать момент и попытаться вернуть мечеть. (Ведь православным возвратили некоторые церкви.) Но не решились. Для того чтобы вернуть мечеть, нужен был авторитетный ходатай. Фронтовик, желательно Герой Советского Союза или кавалер многих наград. Тогда, в 1943 году, фигуры такого масштаба не нашлось.

Другой причиной было то, что главный для мусульман день – пятница – был рабочим. Это исключало выполнение религиозных обрядов теми, кто трудился на производстве. Лишь в конце 40-х – начале 50-х годов, когда вернулись фронтовики-инвалиды да стали выходить на пенсию татары из переселенческой волны до 1929 года, пятница оказалась свободной у достаточно большой по численности группы городских мусульман. В результате количество молельных домов увеличивалось год от года. В Ярославле было организовано семь

таких домов, появились они еще в Рыбинске, поселке торфяников Варегово, в Переславском и Некоузском районах.

Фактически возникновение неофициальных религиозных групп порождало ситуацию, которая не поддавалась контролю. В Ярославле, например, читали Коран, вели намазы, совершали церемонии религиозных обрядов пятнадцать незарегистрированных имамов. Ибрагим Аширов, единственный из них, кто был еще жив в 1999 году, согласился дать автору интервью. За остальных говорили их дети и внуки. Так из мозаичных штрихов сложилась картина религиозной жизни мусульман в послевоенный период.

В 1947 году власти столкнулись с беспрецедентным событием, которое стало предметом консультаций между уполномоченным по делам религий и райисполкомом. И было из-за чего.

Глава большой семьи Ярулла Хайруллин, живший в бараке, самовольно построил дом на берегу Волги, на так называемом Лагерном спуске. Половину строения отвел под молельный дом. Прежде чем семья въехала в дом, провели "ид аль-фитр", праздник, завершающий месяц Рамадан. Народу собралось около двухсот человек. В основном старики. Но были и молодые татары, из тех, кто не был занят в утреннюю смену.

— Такой сбор молящихся не остался незамеченным властями, — вспоминает невестка Я. Хайруллина Замиля. — Свекра обязали явиться в райисполком и предупредили. Если такие сборища не прекратятся, то дом, как самовольно построенный, снесут.

Мулла Юнусов успокоил. Сказал, что рисковать больше не надо. Веру у нас никто отобрать не сможет, а дом могут и сломать. Сначала боялись, но потом молитвенные собрания возобновились.

В разное время здесь служили муллы: Хусейн, Сарингарай, Мустафа, Зия бабай, бывший полковой мулла в царской армии. После него до 1970 года, когда все жилые строения на Лагерном спуске снесли, приходил мулла Сафуан.

Другой молельный дом, возникший после войны, располагался в Кармановском поселке у Ахметшиных. Муллой здесь был Жирдис Курмаев. Жил он на железнодорожной станции Козьмодемьянск, работал путейцем. Считался человеком образованным, имел диплом имама, службу вел на арабском языке. Был не только авторитетным человеком в вопросах веры, но и хорошим специалистом в народной медицине. Особенно удачно лечил детей. Заговаривал грыжу, лечил сглаз и другие порчи, широко пользовал травяными. Считался признанным целителем не только в своем поселке, но и в Ярославле.

В 1957 году от Ахметшиных верующие перешли в новый дом к Ахмаровым. Его невестка Зинан вспоминает:

— Однажды мой свекор Мингяряй Ахмаров пришел к нам с мужем и спросил, не согласимся ли мы раз в неделю отдавать свою комнату под молельный дом? Мы недавно поженились, но о возражении не могло быть и речи. Конечно, мы согласились. Приезжали к нам со всех концов города. Один татарин каждую пятницу приезжал даже из Бурмакино. С 1976 по 1989 год службу вел мулла Шейхильислам. Когда он умер, то два года до открытия мечети верующие все равно приходили к нам на молитву. Молодых было очень мало. А старики были крепки в вере. Если чего и боялись, так это неприятностей на нашу голову. Но все обошлось. Были у нас и еще два имама: Мустафа бабай, самоучка, и настоящий мулла Хасият. Он даже по облику выделялся: высокий, красивый и очень мудрый. Его предсказания всегда сбывались.

Дом Ахмаровых и сегодня стоит на окраине города. Выделяется своей ухоженностью. Богато украшен резьбой, разноцветен. Взгляд на этом красивом доме задерживается непроизвольно. Есть в нем какая-то притягательность.

Третий молельный дом – Хариса Замалутдинова – находился в поселке лесозавода "Парижская Коммуна". И хотя дом расположен рядом с сажевым заводом в экологически неблагоприятном месте, на молитву приезжали со всего города. Еще во время строительства самую большую комнату Харис Зарипович отвел под "домашнюю мечеть".

– Отец строго придерживался мусульманских обычаев, – говорит его дочь Талия Минихарисовна. – Например, он никогда не покупал мясо на базаре, а всегда держал скот: овец, лошадей, кур. Истинный мусульманин будет есть только халляльное мясо. Отец владел правилами убоя животных в совершенстве и даже обучил всем приемам старшего сына. Мясо распределяли среди прихожан. Иногда он покупал скот в ближних к городу деревнях. Какое-то время выдерживал на своем дворе, потом резал и обеспечивал всех желающих. Молельная комната в обычные дни пустовала. Муллой был Камиль бабай. Жил он в Норском, а впоследствии уехал в Татарию.

– У нас молельный дом был три года, – вспоминает Зайтуне Зулькарнаева. – Работали мы с мужем на заводе силикатного кирпича. Почти половина рабочих были татары. Нам с мужем и четырьмя детьми выделили большую комнату в коммуналке на девять семей в доме завода. Свекор был настоящим муллой, муж тоже был верующим. Потому и стали собираться у нас. Приходило по 15–20 человек. Детей на время молитвы разводили по соседям. И, надо сказать, за все время они не сделали нам ничего плохого. А русские старики даже завидовали, что мы не боимся. И даже в такое гонимое время сохраняем свою веру. Жаль, что дочери мои повыходили замуж за русских. И внуки только по паспорту

считаются татарами. Из шести внуков только один тянется к вере, собирается учить арабский язык.

Еще с 20-х годов много татар поселились за Волгой в Среднем и Нижнем поселках. Здесь же обживались на первых порах и их земляки, приезжавшие из Татарии самостоятельно, т.е. без вербовки, на сезонные работы. В этих районах также появились молельные дома – на 2-й Новой и 5-й Новой улицах.

– Когда мы в 1958 году закладывали дом на 2-й Новой улице, – вспоминает Сайда Фахрутдинова, – отец сказал: нас в семье много, дедушек тоже много, так что давайте строить на всех. Дедушками он называл пожилых, верующих татар. И самую большую комнату, зал, отвели под молельню. Службу вел настоящий мулла Садыртын Багоутдинов. Этого необыкновенного человека все очень уважали. Симпатичный, добрый, внутренне собранный. От него исходила такая энергия, что когда он шел по улице, то даже русские замечали это. Человек-нур, человек-свет – так за глаза называли его все татары. Бывало, только соберутся на молитву, милиция стучит: что за сборище? Мама всегда находила, что ответить. Мол, на поминки собрались. Вы же слышали, что на Перекопе человека зарезали. Или еще что придумает. Интересовались домом и из других организаций. Сестра работала на мебельной фабрике. Так на нее давили там: что за секта у вас собирается? Как видите, в начале хрущевского наступления на религию добрались и до мусульман. Чтобы запустить власти, иногда собирались и у Хабибуллиных, на 8-й Новой улице. А расходились с молитвы, смешно вспомнить, по одному, по двое, в разные стороны. Как революционеры с тайных сходов.

Дом Хариса Давлятчина на 5-й Новой улице был всегда открыт для верующих. Милиция, работники райкома партии и райисполкома знали об этом. Принимали меры. Уговаривали, требовали и даже угрожали санкциями, если молитвенные собрания в его доме будут продолжаться. Но все это не действовало на него. Попытки оказать давление со стороны руководства торфопредприятия на передового канавщика тоже успеха не имели. Он молча выслушивал выговор начальства. Потом говорил: "Если я вам не нужен как работник, забирайте свою лопату и увольняйте меня за веру в Аллаха. Так и запишите в трудовую книжку, если есть такая статья".

Зная о сложностях у Давлятчина, Имамутдин Кашапов предложил собираться на молитву у него, на Шоссейной улице.

— Мои родители были верующими, — вспоминает его дочь Рушания. — Отец ничего и никого не боялся. На молитву приходило до 30 человек. Комнату готовили заранее. Для нас, детей, это было как праздник, и всю службу мы слушали, сидя на кухне или в соседней комнате.

Так в 1965 году появился еще один подменный молельный дом, у которого со временем образовался свой приход. Существовал он 16 лет. И даже после смерти И. Кашапова татары три года продолжали собираться в его доме на молитву.

Кроме С. Багоутдинова в разное время в молельных домах за Волгой службу вели Сафуан Шакиров, Ахмедсагир, Харис Давлятчин. Многие были убеждены, что назойливое внимание властей к молельным домам за Волгой привело к тому, что муллу Сафуана парализовало во время намаза. Со временем он оправился. Мечтал дожить до того времени, когда сможет вести службу в настоящей мечети.

— Наши муллы в повседневной жизни ничем не выделялись среди горожан, — вспоминает внучка С. Багоутдинова

Хомейря. — Мой дед, например, шутя сравнивал себя с Петром I. Был он хорошим плотником, принимал роды, делал обрезание. А когда получил инвалидность, то всем торфушкам шил добротные фуфайки. Что же касается веры, то здесь наши муллы были непреклонны. И никаких трений, а тем более вражды между молельными домами не было. Спросите любого мусульманина: заменял ли им молельный дом мечеть? Вам все ответят: заменял. Они четко и строго соблюдали каноны веры. И когда дедушка после войны побывал в Казани, то приехал расстроенный. По его мнению, там тогда многие отошли от религии.

Был свой молельный дом на торфопредприятии в поселке Варегово. Как вспоминает бывший директор предприятия Г.Р. Егоров, собирались на молитву в основном старики. Молодежь побаивалась. Нас это никак не волновало. Мы мало понимали в исламе. Но видели, что никакого вреда от него ни в работе, ни в идеологии нет. Наоборот, авторитет бабаев и муллы Вафина во многом удерживал молодежь от необдуманных поступков.

В молельном доме в Песочном, за Волгой, службу вел мулла Касым бабай. Был он инвалид войны, без руки, а воевать с инвалидами не осмеливалось даже райкомовское начальство.

В органах правопорядка и райкомах партии знали о молитвенных собраниях в частных домах. Но поделаться ничего не могли.

Во-первых, вся антирелигиозная пропаганда была направлена против русской православной церкви. Тут были свои спеццы. Специалистов по исламу не было. А если и были, то особого рвения они не проявляли.

Во-вторых, райкомы партии зорко следили, чтобы молитвенные собрания не посещали коммунисты. А таких

среди татар было мизерное количество. Собирались в основном беспартийные рабочие, пенсионеры, многие были фронтовиками, инвалидами, ударниками соцсоревнований. Так что списывали на их отсталость, возраст или несознательность.

В-третьих, партия и комсомол оберегали от веры молодежь. Но она и не посещала молитвенных собраний из опасения испортить себе и своей семье жизнь на многие годы. Попади такие сведения в комсомольскую организацию, реакция была бы незамедлительной: или покайся публично, или вон из комсомола. При поступлении в институт, техникум или на работу стоило в графе анкеты "партийность, член ВЛКСМ" написать "не состою", как следовал вопрос: "Почему?" Дальше шел запрос по инстанциям. Кадровики все равно докапывались до сути дела и под любым предлогом отказывали в работе или перекрывали дорогу в учебное заведение. Эта система действовала безотказно. Существовал негласный табель о наказаниях. Если становилось известно, что член партии или комсомола молился или делал обрезание младенцу, то исключали из рядов организации. За отпевание усопшего выносили выговор с занесением в учетную карточку. Могли организовать кампанию общественного ostracism. В 60-х годах, когда уставом новой жизни был объявлен "Моральный кодекс строителя коммунизма", такие случаи были нередки.

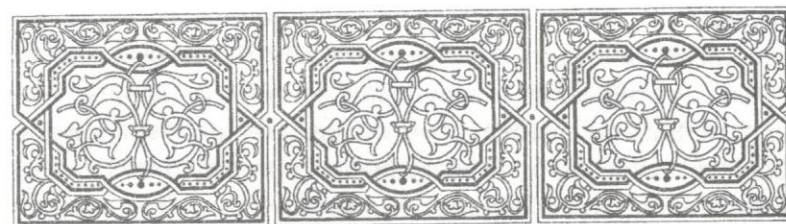
Старожилы помнят, как областные газеты набросились на слесаря одного из рыбинских заводов, не скрывавшего, что он верующий. Ему припомнили все безответственные, с точки зрения этого кодекса, проступки. Поставили в вину даже то, что, уходя со смены, не закрывал на замок свой шкаф с рабочим инструментом. Если бы все сняли замки, тогда другое дело. А один – это уже вызов коллективу.

Частыми в те годы были интервью репортеров местных СМИ с передовиками производства на предмет их отноше-

ния к радужным перспективам построения коммунистического общества. В том числе их тестировали и на религиозные предрассудки. Выбирали, разумеется, самых достойных. А так как среди таких было немало татар, случались курьезы. "Историю" одного из таких интервью вспоминают мусульмане до сих пор. Когда Ахмета Ахмерова, знаменитого в городе сборщика покрышек, Героя Социалистического Труда, публично попросили определиться в своем отношении к исламу, он ответил, что к религии относится хорошо, потому что у Аллаха и коммунистов одна задача – сделать человека добрее, честнее, правдивее.

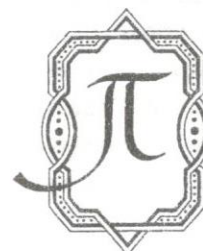
В этом высказывании нет вызова, обращенного к властям, совершавшим очередной наезд на верующих. Но присутствует нравственная позиция человека, осознанно или неосознанно связывающего свое понимание общественного долга и морали с религией предков. Уважение к ее заповедям прививалось в татарских семьях. Другими словами, эти непотопляемые атеистической пропагандой "островки" оставались социокультурной средой, в которой сохранялись и культивировались ценности ислама. Конечно, за годы советской власти они были огрублены, сводились к совершению обрядов, посещению молитвенных домов по случаю великих праздников ислама и реже – пятничных джума. Имамы на таких собраниях должны были говорить о нравственных устоях, отношении к труду, сопровождая свои высказывания реверансами в сторону власти. Иначе и не могло быть. Сервильность по отношению к ней позволяла существовать молевым домам. А они в свою очередь становились связующим звеном между поколениями городских мусульман. Среди молившихся в праздничные и пятничные дни доминировали пожилые люди, "дедушки", по выражению С. Фахрутдиновой. Но приходили и молодые татары. А для детей такие события, по воспоминаниям Рушани Кашаповой, "были праздником".

Для них, рожденных в послевоенные годы и, казалось бы, навсегда оторванных от веры укладом советской жизни, проповеди имамов, "услышанные за стеной", станут противоядием атеистической пропаганде. Сколь ни велика была ее разрушительная сила, зерно веры, брошенное в их души, даст всходы, как только прорвется плотина запретов и ограничений на религию.

Глава девятая

НА ОДНОМ МЕРИДИАНЕ С МЕККОЙ

ерестройка и демократизация общества дали толчок процессам, которые именуют сегодня "религиозным возрождением". Люди стали открыто проявлять свои религиозные чувства, посещать храмы, мечети. Законы о свободе совести 1990 года ознаменовали начало коренных изменений в отношении государства к религии. После принятия новых законодательных актов в России, включая и ее провинцию, стали положительно решаться вопросы регистрации религиозных общин, обеспечения их помещениями и имуществом. Под влиянием общественно-политических процессов, набравших силу в стране, крепла решимость ярославских мусульман вернуть мечеть, отобранную властями полвека назад.

В провинциальном, а следовательно, более консервативном, чем столицы, городе бюрократизм чиновников создавал немалые препоны в реализации этой задачи. Чтобы преодолеть их, необходим был напор энтузиастов. Нужен был и

лидер, который мог бы взять на себя хлопоты, ходить по инстанциям, приводить солидные аргументы, которые переломили бы отношение в коридорах местной исполнительной власти. Забегая вперед, отметим: один из таких аргументов, если не повлиявших, то возбудивших интерес "отцов" города к мусульманской проблеме, был необычен. Они узнали, что культовое здание, в котором располагалась школа для слабослышащих детей, т.е. бывшая мечеть, находится в городе, расположенном на одном меридиане с Меккой.

У истоков движения за возвращение мечети как центра национальной жизни татарского народа стоял Габдула Ярулин. По отзывам, это был истинный мусульманин. Он искренне переживал, что татары утрачивают свою самобытную культуру, традиции, язык. Сам ежегодно выписывал много журналов и газет на татарском языке. Постоянно интересовался в агентстве Союзпечать – сколько изданий на татарском языке получают в Ярославле. Был уверен, что рано или поздно наступит день, с которого начнется в городе возрождение национальной жизни татар. Посещая семьи и молельные дома, постоянно говорил, что не русские, а сами татары виноваты в размывании нации, что нельзя допустить такого положения, когда внуки окончательно обрусеют.

Главным "козырем" Г. Ярулина был его авторитет среди чиновников и журналистов. Работал он фотографом в заводской многотиражной газете шинного завода, его снимки регулярно публиковали все областные газеты. Г. Ярулин имел репутацию доброжелательного человека, безотказного сотрудника. Он очень надеялся на поддержку коллег-журналистов. В большой статье "Не забывать свою историю" в газете "Северный край" он напишет:

"После войны мои соотечественники вернулись к мирному труду. У нас был свой Герой Советского Союза – Шавгалеев из поселка Дунилово, был и свой Герой Социалистического Труда – Ахмеров. За послевоенные годы у нас, ярославских татар,

появилась своя интеллигенция: врачи, педагоги, журналисты, архитекторы, конструкторы, работники науки и культуры. Мы теперь не те татары, что в 30-е годы приезжали на стройку в белых носках и калошах. Сегодняшняя татарская молодежь учится в высших учебных заведениях, ходит в театры, на концерты, посещает библиотеки. Одним словом, живут, как все остальные ярославцы. Это мы приобрели.

А что мы за это время потеряли? Во-первых, родной язык, национальную культуру. К нашему великому стыду, многие из нас не могут разговаривать на родном языке. Хотя этого никто не запрещал вроде бы... Человек, не умеющий ни читать, ни писать на родном языке, духовно нищий. Но о каких бы переменах ни шла речь, вряд ли серьезно можно рассчитывать на лучшее без обновления и подъема национальной культуры... Мы поставили перед собой задачу полностью вернуть верующим здание мечети. Открыть там вечернюю школу для обучения арабской письменности и татарскому языку. Думаем открыть и клуб друзей "Туган тел" ("Родной язык"), где по вечерам могли бы за чашкой чая говорить на родном языке, читать стихи татарских поэтов"¹.

В 1989 году Г. Ярулин начал хлопоты об организации и регистрации мусульманской общины. Поскольку опыта никакого не было, обратился в Духовное управление мусульман в Уфе к муфтию Талгату Таджутдину с просьбой дать рекомендации и указать порядок действий, который следует соблюдать в таком непростом деле.

Муфтий выслал анкеты, адреса для их отправки и письмо, адресованное местным властям. В том же году все необходимые документы были подготовлены и направлены в соответствующую инстанцию. 10 августа 1989 года Советом по делам религий при Совете Министров СССР мусульманская религиозная община в Ярославле была зарегистрирована. Ее учредите-

¹ Северный край. 1992. 13 февраля.

лями стали 27 татар. Все пенсионного возраста, большинство из них — ветераны войны и труда.

По настоянию уполномоченного по делам религий М.В. Корнилова из учредительных документов было исключено требование возвращения мечети. Решение этого вопроса могло перейти в затяжную переписку Москвы с местными властями и отодвинуть на неопределенный срок ее возвращение. Но как только мусульманская община прошла регистрацию, возобновили ходатайство о возвращении мечети. Понимали, что в такое нестабильное время нужно действовать быстро и решительно. Свою просьбу о возвращении мечети верующие мотивировали тем, "что она была построена на частные пожертвования". Считая это здание "своей святыней", они "категорически отказывались от каких-либо альтернативных решений данного вопроса"².

Власти, конечно, не могли оставить эту просьбу без ответа. Юридическая регистрация общины состоялась. В таких случаях решение о передаче верующим культовых зданий автоматически спускалось на областной уровень. Приняли "соломоново решение": "выяснить, сколько в Ярославле мусульман, и если их окажется только 27, как значится в списке учредителей, то выделить им помещение площадью 20—25 квадратных метров". Пусть себе молятся.

Составленная из работников обкома партии и облисполкома комиссия посетила молельные дома. Когда свели воедино количественные показатели, оказалось, что каждую пятницу на молитву собираются около 150 мусульман.

— Когда мы узнали об этом, — вспоминает заместитель уполномоченного по делам религий В.Г. Шатов, — мы поняли, что они непременно добьются своего. Тем более, что их требования были абсолютно справедливы. Поэтому встали на их сторону. Но от нас мало что зависело. Слали письма в

различные инстанции. Иногда намеренно сгущали краски, пугая возможными несанкционированными акциями со стороны мусульман. Все это делалось из откровенного желания помочь им. Габдула Ярулин был спокойным человеком, но очень напористым. Он мог долго собирать нужные документы. Советовался, узнавал, что можно еще предпринять. Как только убеждался, что его действия могут быть подкреплены законом, требовал немедленного их исполнения. Он был настолько уверен в своем успехе, что еще до возвращения мечети верующим на фирменном бланке общества мусульманской общины печатал адрес: улица Победы, дом 20. Там находилась тогда школа для слабослышащих детей.

Действовать активно заставляла и обстановка в стране. Много делалось тогда не по закону, а стихийно. Решение, принятое сегодня, завтра могло оказаться недействительным. Беспокоило и то, что начались протесты со стороны музейных работников против передачи культовых зданий верующим. У них был свой резон. Опасались, что погибнут фрески в православных храмах. По той же причине противились возвращению икон. Как будто храмы в свое время строились не для богослужения, а для музейных работников и хозяйственных нужд. Не зная, что выйдет из всего этого, мусульмане торопились вернуть мечеть. В своих требованиях, обращенных к властям, соглашались подождать с ее возвращением только до конца учебного года в детской школе слабослышащих, т.е. до лета 1990 года.

В ответ горисполком предложил взамен мечети однокомнатную квартиру, которую предлагал переоборудовать под молельный дом. Г. Ярулин отклонил этот "подарок", резонно возразив: "Сегодня вы закроете вопрос о возвращении мечети, а завтра, по требованию соседей, отберете и эту квартиру. Мы примем эту квартиру только как жилье для будущего имама".

² ГАЯО. Ф. Р-1033. Оп. 1. Д.103. Л. 117.

Тогда было предложено деревянное строение на улице Чайковского (бывшей Любимской). Если читатель помнит, здесь до революции мусульмане собирались построить мечеть. В 1990 году в здании, предложенном мусульманам, размещался компьютерный центр. Вследствие пожара, причины которого остались невыясненными, строение сильно пострадало. Поэтому мусульмане отказались и от второго "подарка". К этому времени многие ярославские газеты выступили в поддержку возвращения мусульманам их святыни. Не возражала и православная епархия... По словам архиепископа Ярославского и Ростовского Платона, здесь, на православной земле, приверженцы ислама не могут составлять конкуренцию христианской конфессии.

В апреле 1990 года уполномоченный по делам религий М.В. Корнилов обратился к председателю облисполкома В.Ф. Горулеву с предложением перевести школу для слабослышащих детей в более приспособленное для учебы здание, а освободившееся передать мусульманам. "От иных альтернативных предложений актив и рядовые верующие этой общины категорически отказываются. В беседах отдельные из фанатично настроенных членов общины трактуют мотивы отказа в предоставлении здания бывшей мечети как ущемление их национальных чувств, неравноправное к ним отношение. Мы, мол, вместе с русскими сражались на фронте, вместе трудились, но своим вы возвращаете церкви, а нам не хотите. Подобная негативная оценка, пропитанная национальным злом, передается другим верующим, создает в данном религиозном объединении нездоровую психологическую напряженность"³.

Ярый атеист, известный в Ярославле тем, что знал наизусть почти всего В. Ленина, В.Ф. Горулев, конечно же, отказал. Без всякого обоснования причин своего решения.

³ Там же. Л. 139.

Через месяц М.В. Корнилов повторно обратился во властные структуры:

"Изучение обстановки и процессов среди верующих мусульман показывает, что отдельные из них настроены экстремистски, пытаются придать вопросу о предоставлении им культового здания национальную окраску, подстрекают единоверцев к самовольному захвату бывшей мечети. В целях исключения возможных негативных явлений на этой почве, считал бы целесообразным рекомендовать горисполкому в ближайшее время повторно рассмотреть заявление верующих мусульман и удовлетворить их просьбу"⁴.

На этот раз фактический отказ рассмотреть дело о возвращении мечети верующим сопровождался следующей мотивировкой: "Для решения вашего вопроса были проработаны многие варианты. Он оказался очень сложным. Исполком пришел к выводу о необходимости строительства нового здания школы, ввод которой может быть намечен на 1992 год. Окончательное решение примет городской Совет народных депутатов после обсуждения на совместном заседании постоянных комиссий по народному образованию, культуре, историческому наследию и религии".

Тогда мусульмане обратились за помощью и содействием в Министерство юстиции, в Президиум съезда народных депутатов, в Совет по делам религий Совета Министров СССР. На все запросы приходили вежливые ответы, с советами постараться "решить этот вопрос с городскими властями".

В июне 1990 года три делегата общины: Сафуан Шакиров, Габдула Ярулин и Ахмет Шайдулин – приняли участие в работе пятого съезда мусульман Европейской части СССР и Сибири в Уфе. Там ярославская мусульманская община и была зарегистрирована как 198 махалля. Опыт, приобретенный горожанами во время этой конференции, вскоре приго-

⁴ Там же. Л. 116.

дился. Они узнали, что были не одиноки в своих мытарствах и что только твердая и в то же время гибкая позиция может принести успех их деятельности по возвращению мечети.

Наметили план действий. Первым шагом был визит мусульманской делегации в горисполком. От имени верующих Г. Ярулин заявил, что мусульмане согласны подождать с возвращением мечети два года. Но на это время хотели бы получить временное помещение под мечеть, с условием возврата мечети после ее освобождения. В городском совете понимали, что за два года здание новой школы для слабослышащих детей не построить. Не было ни ее проекта, ни утвержденной сметы на строительство. Поэтому предложили следующий вариант: перевести школу в здание жилищного ремонтно-эксплуатационного треста, а тресту предложили административное здание бывшего авторемонтного завода. В сущности это решение затягивало передачу мечети верующим на неопределенный срок. Как сообщил зампред горисполкома, «к сожалению, в здании заводоуправления произошел сильный пожар. Сами понимаете, решение вопроса резко усложнилось. Мы будем совместно с Вами искать какие-то варианты выхода из создавшегося положения. Передайте добрые пожелания Вашим друзьям. Будьте здоровы».

Убедившись, что ни просьбы, ни уговоры, ни требования на горсовет не действуют, городские мусульмане сделали второй шаг. Собрав все свои обращения и отказы по ним, мусульмане отправили этот перечень документов в горисполком, сопроводив его словами, похожими на ультиматум. «Мы, верующие мусульмане, вынуждены обратиться в Совет Министров Татарской ССР, чтобы они поддержались возвращать церкви на территории Татарии верующим христианам. Если дело не будет решено, то мы будем вынуждены насильно захватить мечеть. Тогда нам не нужны будут ни горисполком, ни облисполком. Такой

возврат мечети ни нам, ни городским и областным руководителям не делает чести»⁵.

В ноябре 1990 года М.В. Корнилов доложил председателю облисполкома В.А. Ковалеву, что среди религиозного мусульманского общества «создалась крайне обостренная обстановка, чреватая нежелательными эксцессами и последствиями. У мусульман Ярославля создается твердое убеждение, что городские власти «водят их за нос», под разными предлогами затягивают вопрос о передаче мечети».

Почти шок у партийных руководителей вызвал и слух, распространившийся в городе. Будто бы на праздничную демонстрацию 7 ноября выйдет колонна татар из 300 человек с зелеными мусульманскими флагами и лозунгами: «Отдайте немедленно нашу мечеть».

Срочно вызванный в облисполком Г. Ярулин подтвердил: члены общины действительно намерены прибегнуть к такой мере. Но он берется отговорить их от участия в демонстрации, если власти тоже сделают шаг навстречу. А сейчас накопившееся недовольство отказами горисполкома вернуть мечеть верующим подталкивает их к открытым действиям.

«Поводом для таких настроений является то обстоятельство, что с сентября 1989 года по настоящее время неоднократные письменные и устные обращения верующих в горисполком, а также в высшие партийные и правительственные инстанции страны практически оставлены без внимания. До сих пор по ним не принято каких-либо конкретных решений. Не вселили каких-либо надежд верующим и их обращения к местным средствам массовой информации, где также настоятельно поднимался вопрос о передаче здания мечети мусульманской общине»⁶.

Решительные действия мусульман дали результат. Горисполком, наконец, выделил в здании школы для слабослы-

⁵ Архив семьи Г. Ярулина.

⁶ ГАЯО. Ф. Р-1033. Оп. 1. Д.103. Л. 140-141.

шащих детей помещение для молитвенных собраний. И дал обещание возвратить верующим все строение, как только будет найдено подходящее здание для школы. Это компромиссное решение успокоило мусульман. К чести местных СМИ надо сказать, что они не поддались соблазну обвинить их в алчном стремлении выкинуть на улицу обиженных судьбой детишек.

В период мытарств по поводу возвращения мечети умер первый имам Сафуан Шакиров. Не сбылась его мечта провести хотя бы одно молебствие в мечети. Случился первый инфаркт у Г. Ярулина. По словам его вдовы, он все принимал слишком близко к сердцу. И оно не выдержало.

В январе 1991 года в местных изданиях появилось объявление о том, что каждую пятницу в открывшейся мечети будет проводиться джума. Сообщалось, что можно пригласить из мечети муллу для совершения обрядов – рождение, наречение имени, чтение никях молодоженам. Принимались заказы на омовение и обряды погребения. Чтение Корана можно было заказать на 7-й, 40-й день и годину поминовения усопших. Насколько это было важным, говорит такой факт. Несколько пожилых татар, желая быть погребенными по исламу после смерти, переехали в Кострому, где мечеть открылась раньше, чем в Ярославле.

После смерти С. Шакирова мнение мусульман о новом имаме было единым. Им будет Ибрагим Аширов. Хотя диплома муллы у него не было, но из всех оставшихся в Ярославле имамов он был самым авторитетным муллой. Неожиданно для всех И. Аширов отказался. Ссылаясь на возраст, слабое знание арабского языка, отсутствие опыта в проведении молитв для большого числа верующих. Однако уговорили. Но согласился И. Аширов вести службу только до приезда нового, грамотного муллы.

С февраля 1991 года мусульмане начали собираться на пятничные молитвы. Соседство со школой было неудобным. Но

верующие считали вопрос о передаче мечети в принципе решенным. И не настаивали на скором переселении школы. Понимали, что это может получить негативное публичное освещение. Занялись проектом реконструкции. А работы предстояли немалые. С 1931 года в здании мечети находилась татарская школа, после войны – школа рабочей молодежи завода резинотехнических изделий, в последние годы – школа для слабослышащих детей. Здание за все время ни разу капитально не ремонтировалось. Постоянные перестройки привели к полной утрате не только интерьера, но и самого внешнего облика бывшей мечети. За годы советской власти была сделана пристройка, по объему почти равная первоначальному строению. Были и другие заботы, связанные с поисками образованного муллы.

В мае 1991 года Г. Ярулин обратился в Духовное управление мусульман в Уфе, к Т. Таджутдину, с просьбой прислать в Ярославль грамотного муллу. На просьбу откликнулись. Через год И. Аширова сменил новый имам-хатыб Зуфар Минимуллин. К этому времени счастливо разрешилась и судьба мечети. В феврале 1992 года школу для слабослышащих детей перевели в помещение бывшего народного суда Ленинского района.

В тот же период шел сбор пожертвований на реставрацию здания мечети. 200 тыс. рублей выделило Духовное управление мусульман Европейской части России и Сибири. Сделали взносы на ее реставрацию местные предприятия: нефтеперевалочная база, завод нефтяной тары, объединение "Рыбинские моторы". Жертвовали прихожане – как татары, так и переселенцы-мусульмане из бывших советских республик. Кто был небогат, тот предлагал свои рабочие руки. Каменщиков, штукатуров, маляров, плотников в татарском населении города было в избытке. Большинство из них находились на пенсии. Но некоторые из работающих пенсионеров даже бросили подработки, чтобы трудиться во имя благородного дела.

Самое святое для мусульман место – Мекка. Каждый верующий стремится хотя бы раз в жизни совершить хаджж. Не всем это удастся, но все связанное с Меккой для мусульман наполнено особым значением. В разговорах с верующими не раз приходилось слышать о том, что город наш, а следовательно, и мечеть, находятся на одном меридиане со священной Меккой. Как бы воскрешается тем самым для них историческая протяженность мира ислама по невидимому пути – меридиану – в Мекку.

– Для нас возвращение мечети стало большим праздником, – вспоминает З.У. Ерзин. – Это не было возвращением к вере. Мы и без мечети старались ее соблюдать. А тут душа освободилась от страха. Мы ведь все хорошее связываем с Аллахом. В жизни было много тяжелого, и часто приходилось просить помощи только у Него. Очень обрадовало нас, что первым имамом стал Сафуан Шакиров. Он начинал простым рабочим – возчиком на строительстве шинного завода. Но было в нем что-то особенное, что объединяло людей вокруг него. Я молился с ним во многих молельных домах. Когда он обратился к нам с просьбой помочь восстановить духовный очаг, мы всей семьей каждую пятницу несли пожертвования. Жаль, что он не дожил до открытия мечети.

Не дожидаясь окончания проекта реконструкции, начали разбирать ненужные перегородки, убирать мусор, завозить строительные материалы. Как только проект был готов, областной комитет по охране памятников уведомил, что «здание мусульманской мечети включено в списки памятников истории и культуры». А это означало одно. Разработанный проект можно считать лишь предварительным эскизом. Чтобы эскиз стал реальным проектом, необходимо привлечь к его доработке архитектора-реставратора и работы выполнять по методике, разработанной для реставрации исторических

памятников. И опять напрашивается невольное сравнение с теми дореволюционными временами, когда мусульманам ставили палки в колеса все, кому не лень было это делать.

Не располагая достаточными средствами, чтобы заказать проект реставрации здания мечети (а предстояло провести солидные исследования, так как подробных чертежей не сохранилось), Г. Ярулин приступил к поиску энтузиастов. На его удачу в институте Ярославльгражданпроект работали два татарина – главный архитектор института Рустам Гарифуллин и архитектор Рашид Юсупов. Они и провели необходимые изыскания. До сих пор не выяснено, был ли минарет у дореволюционной мечети. Не удалось отыскать ни одной ее фотографии в первоначальном виде. В документах за 1915 год есть только упоминание о начале строительства минарета. Поэтому решили строить его по схематическому чертежу инженера Г.В. Саренко, автора проекта дореволюционной мечети.

Взвесив все за и против, совет мечети постановил сохранить и пристройку советского времени. Она не нарушала архитектурной целостности здания. Что же касается денег, то решили обратиться через печать за помощью. «Это святое для мусульман место, и мы хотели бы придать мечети достойный вид. Для этого, конечно, нужны большие деньги. Мы, верующие мусульмане, обращаемся к трудовым коллективам заводов, фабрик и другим организациям города и области с просьбой о помощи. Мы будем благодарны вам, нашим русским друзьям, за это»⁷.

– Мы с женой до ухода на пенсию работали строителями, – вспоминает В. Сабирзянов. – Все мои профессии: плотника, бетонщика, штукатура, маляра – оченьгодились. На восстановлении мечети мы работали с первого дня и до

⁷ Северный край. 1992. 13 февраля.

последнего мазка кисти. Трудились так, как не работали даже за деньги. Со временем не считались, и до сих пор удивляюсь: откуда силы брались? Видимо, Аллах силы давал.

Несмотря на 84-летний возраст Вазыхзян Сабирзянов обладает исключительной памятью. Шутя имам-хатыб Рустам-хазрат называет его "голова-компьютер". Хранитель истории ярославских татар, он помог восстановить многие факты духовной жизни мусульман в 30-е годы.

— Все работы по восстановлению мечети шли при имаме Зуфаре Минимуллине, — вспоминает Р. Халиуллина. — Было ему около сорока лет, и работал он у нас четыре года. Человек был совершенно непритязательный. Одет бедно, питался, чем придется, жил в мечети. Видя все это, некоторые женщины стали приносить ему еду, стирали одежду. Его уважали за то, что во всех делах, касающихся восстановления мечети, он был на равных со всеми. Самые тяжелые работы брал на себя. Силы были необыкновенной, настоящий батыр. Как-то, уже после окончания ремонта, человек десять мужчин решили передвинуть две железобетонные сваи. Измучались, но не могли даже сдвинуть с места. Пришел Зуфар. Поставил мужчин рядом и сказал: "Это делается так". Затем по очереди взял за концы каждую сваю и переложил на другое место.

Биби-Нур Мухаметова:

— В мечеть я попала случайно. Пошла с подругами в баню шинного завода. Потом ради любопытства зашли в мечеть. Здания совсем рядом. Известно, что раньше женщины в мечеть не ходили. А тут мы узнали, что на первом ее этаже устроена молитвенная комната и для женщин. Сделали взнос на восстановление. И с того дня все свободное время помогала, чем могла. Особенно хазрату Зуфару. Был он очень бед-

ный, плохо одет, даже ботинки были разные. Заботилась о нем: еду приносила, стирала, убиралась в его комнатке при мечети. Потом он как-то сразу пропал. Никто нам ничего не объяснил, а мы все ждем его.

Галеев Масхуд:

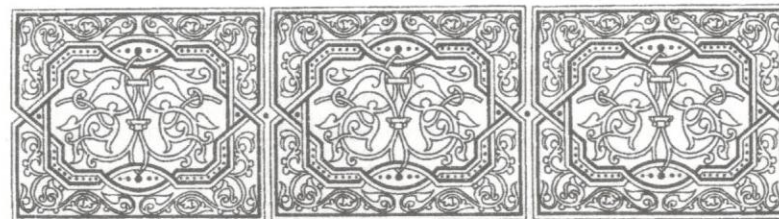
— Меня, можно сказать, мечеть вернула к жизни. Хотя родители мои были верующими, но нас, детей, к вере не приучали. Опасались, что вера повредит в жизни. В 1992 году ко мне пришло что-то вроде прояснения. Шел в мечеть как на праздник. Только праздника не вышло. Все старики от меня отворачивались. А один прямо сказал: "Ну и дух от тебя". Признаюсь, пятьдесят лет я курил. А в последние годы сильно дружил с вином. Не знаю, что произошло со мной, но за три месяца я отвык от всего дурного. Жалею, что раньше никто не подтолкнул к вере.

Ибрагимова Фатима Зангировна:

— Хотя Зуфар-хазрат жил бедно, всегда старался одарить нас каким-либо подарком. То чай, то одеколон. Последнее время, после автомобильной аварии, он ходил на костылях. На ногу аппарат Илизарова, а все равно что-то пытался делать. Ушел внезапно, говорят куда-то перевели. Надо бы двух имамов иметь. Ведь кроме службы в мечети очень много вызовов на дом.

Хотя здание мечети было отнесено к вновь выявленным памятникам архитектуры и был проект его реставрации, но выполнен он едва ли наполовину. Не удалось возвести купол мечети. Не вернули зданию первоначальные стрельчатые окна. Но от идеи сделать все так, как было раньше, не отказались. Выполнение намеченного зависит только от наличия финансовых средств.

В годы, связанные с распадом СССР, вспышками национализма, резким падением уровня жизни, миграционные потоки буквально захлестнули Россию. Работники миграционной службы области работали с двойной нагрузкой. Ярославль и районы области оказались в числе наиболее привлекательных регионов России для выходцев из республик с преобладанием мусульманского населения. Особенно быстро увеличивалось в городе число азербайджанцев, дагестанцев, таджиков, чеченцев. Одновременно росло количество прихожан мечети. Переселенцы, естественно, тянулись к своим единоверцам. Однако через год-два численность приходящих на пятничную молитву заметно сократилась. Потом многие вспоминали, что предпочитали молиться дома. В мечети чувствовалась какая-то напряженность. Действительно, причины для ее возникновения были.

Глава десятая

ЗЕМЛЯЧЕСТВО. ДИАСПОРА. ОБЩИНА

В последние годы в России значительное внимание уделяется вопросам, связанным с миграцией населения, и, как следствие этого процесса, образованию этнических диаспор практически во всех субъектах Российской Федерации. Термин "диаспора" не имеет пока однозначного определения. Применительно к российской действительности 90-х годов это понятие обычно используется как синоним национального меньшинства. Иными словами, в содержание понятия "диаспора" включились новые смыслы, принципиально отличающиеся от породившей это слово исторической ситуации. Авторитетная энциклопедия "Британика" трактует этот термин только через призму еврейской истории и относит к жизни этого народа. Позднее термином "диаспора" стали обозначать "католические общины в иноверных странах". В современных российских энциклопедиях его применяют для обозначения "этнических и религиозных групп, живущих в новом районе своего рас-

селения на положении национально-культурных меньшинств"¹.

Существуют и другие толкования, например, понимание диаспоры "как части народа (этнической общности), проживающей вне страны его (ее) происхождения"². В иных вариантах употребления этого термина диаспора становится синонимом "насиленной или добровольной миграции этнических групп за пределы своей исторической родины"³.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу точек зрения об определении содержания этого понятия, заметим все же, что круг изучаемых через него явлений и процессов чрезвычайно вырос. Поэтому вряд ли оправданно применять излишнюю жесткость в использовании этого термина как инструмента анализа в каждом конкретном случае. Свою специфику имеет процесс образования диаспор в Ярославле, типичном городе российской провинции.

Во-первых, еще в эпоху "гласности и перестройки" заявку на статус "диаспоры" сделали татары, коренные горожане, по численности самая крупная группа неславянского населения. Во-вторых, мощным фактором, под влиянием которого формировались диаспоры в 90-е годы, стали миграционные процессы из зон военных действий, экономического и социального неблагополучия. Иными словами, здесь отправной точкой, начальным этапом образования диаспоры стала ситуация беженцев и переселенцев. Обживаться и главное – соорганизоваться в новое состояние им помогли родственники и земляки, осевшие на постоянное жительство в Ярославле еще со времен "великих комсомольскихстроек" и иных всесоюзных мероприятий. Одним из сравнительно недавних "великих починов" советского руководства был призыв содействовать оттоку трудоизбыточного населения из Средней Азии в нечерноземную зону России. Так, на территории Ярославской об-

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1985. С. 388. Большой энциклопедический словарь. М., 1991. Т. 1. С. 388.

² Полоскова Т. Диаспоры в системе международных связей. М., 1998. С. 16.

³ Дятлов В. Диаспора: попытка определиться в понятиях // Диаспоры. 1999. №1. С. 9.

ласти появился в 70-е годы совхоз "Киргизстан".

Сейчас переселенцев из бывших советских республик, осевших на постоянное жительство в городе и области, относят к мигрантам первой доперестроечной волны. В сущности же они постоянные жители края. Многие прочно вросли в его хозяйственные структуры и сферы жизни, занимали высокие посты в управлении. В своих землячествах такие люди пользовались уважением и становились неформальными лидерами.

Землячества как форма объединения уроженцев национальных республик (или автономий) не имели правового статуса и, следовательно, не играли сколько-нибудь заметной роли в их судьбе и положении в советское время. Городские власти относились к таким объединениям "нацменов" снисходительно. Они не ассоциировались с национальной обособленностью, так как не выдвигали программ, не имели организационной структуры, были немногочисленными. При случае, когда требовались делегаты на очередную централизованно проводимую декаду литературы и искусства в столице (или республике), оказывались даже полезными в качестве политического аргумента, свидетельствующего о единстве и дружбе народов СССР.

В постсоветский период, в условиях нарастающей миграционной подвижности населения, землячества превращались в своего рода опору, фундамент для формирования диаспор, культурных центров, национально-культурных автономий. В реализации таких проектов активистами выступали представители прежних землячеств, не один десяток лет прожившие в Ярославле (или в России). К исходу 90-х годов статус диаспоры обрели в городском общественном сознании все национальные меньшинства. В силу сложившейся практики местные СМИ, официальные сообщения пресс-служб мэрии и губернатора именуют их "диаспорами", а культурные центры и национально-культурные автономии, зарегистрированные в Управлении юстиции области, – "отделениями диаспор". Своеобразной кульминацией, утвердившей меньшинства в

искомом статусе, стал фестиваль диаспор, шедший весной 2000 года в рамках международного празднества "Ярославские гуляния".

Реалии стремительно меняющейся жизни наделили понятие "диаспора" еще одним смыслом. Консолидация на базе религии пестрых по своему этническому составу сегментов городского населения, давно и глубоко исламизированного, как бы распространила его на приверженцев этой конфессии. В результате прилагательное от слова "мусульманин" стали применять и к термину "диаспора". Иными словами, в этом новом, конфессиональном измерении понятие "мусульманская диаспора" становится синонимом общины мусульман (махалля). В обыденных представлениях горожан мусульмане до сих пор остаются религиозным меньшинством. Попытаемся выяснить в этой связи, насколько отвечают такие представления реальности сегодняшнего дня.

Исходные данные, на основе которых официальная статистика дает оценки численности приверженцев ислама в России, включая ее провинцию, базируются на подсчетах мусульманских этносов⁴, проживающих на территории страны, области или города.

По официальным данным Госкомстата РСФСР за 1989 год, в России было 12 миллионов мусульман, в Ярославской области – около 100 тысяч, то есть примерно столько же, сколько проживает в Нижегородской, Омской, Самарской и Саратовской

⁴ Термин "мусульманские этносы" или "этнические мусульмане" в значении "приверженцы ислама" был введен в научный оборот в начале 90-х годов. "Под мусульманами мы понимаем всех, чьи предки исповедовали ислам", – пишут авторы книги "Ислам в России и Средней Азии". М., 1993. С. 5-6. При всей концептуальной "слабости" такого определения оно прочно укоренилось в последующих работах отечественных ориенталистов, исследующих процессы формирования мусульманских общин (махалля) и их роли в общественно-политической жизни современной России (Р. Ланда, А. Малашенко, В. Наумкин, Л. Сюкияйнен и др.). Как инструмент анализа и стартовая оценка при определении количественных характеристик российской уммы (общины мусульман) эти термины сегодня широко применяются государственными статистическими службами, в периодической печати, в выступлениях религиозных и общественных деятелей. Направленность настоящего исследования обусловила необходимость их использования с аналогичной целью.

областях⁵. В самом Ярославле, по сведениям областного статистического ежегодника за 1989 год, проживали 7,2 тысячи мусульман, принадлежавших к шести этносам. В их числе: татары – 5070, азербайджанцы – 1161, узбеки – 412, казахи – 256, таджики – 153, чеченцы – 102 человека⁶.

Цифры по пяти мусульманским этносам, кроме татар, можно принять за исходный пункт для выявления дальнейшей динамики их численности в городском населении. С выяснением аналогичного индикатора применительно к татарам дело обстоит сложнее.

Татары – коренное население, в силу ряда причин подвергшееся за годы советской власти более или менее жесткой ассимиляции. Поэтому цифра, приведенная в ежегоднике, фактически фиксировала количество "чистых татар", то есть в это число попали горожане, пожелавшие самоидентифицироваться по критерию национальной принадлежности. Ассимилированные и так называемые "скрытые" татары, по тем или иным обстоятельствам не афишировавшие свою этническую принадлежность, оставались вне рамок учета статистической службы. Кроме того, информация, извлеченная из архива Ярославского Дома бракосочетания, позволяет утверждать, что однопородные татарские семьи составляли примерно треть от общего количества браков, заключенных в 1989 году. Соответственно не исключалась и смена самоидентификации детей от таких смешанных браков, когда они достигали совершеннолетия. Учитывая все это, можно утверждать, что "вилка" в официальных и реальных оценках численности татарского населения в городе могла колебаться в достаточно широких пределах: от 5 до 20 тыс. человек. Если принять эти цифры за исходный рубеж, то становится понятным быстрый рост численности татар в составе го-

⁵ См. Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Госкомстат РСФСР М., 1989. С. 8-10.

⁶ Ярославская область. Статистический ежегодник. 1989. Ярославль., 1989. С. 9.

родского населения в последующее десятилетие. За это время они обрели в общественном сознании статус диаспоры, насчитывающей 70 тыс. человек. Эта оценка, промелькнувшая в газете "Золотое кольцо" за 1988 год, представляется не столь уж безосновательной, если учитывать, что весомость "татарского фактора" в населении города обеспечивалась все эти годы взаимодействием трех переплетающихся процессов: демографических, миграционных и ростом национального самосознания, то есть сменой самоидентификации ассимилированных в прошлом татар. В устных заявлениях некоторых руководителей татарской диаспоры можно услышать иную цифру ее численности, по меньшей мере, вдвое превышающую нашу оценку. Нам она представляется маловероятной.

Общая численность остальных неславянских этнических групп в составе городского населения в конце 80-х годов не превышала 2 тыс. человек. Их "укоренение" на новом месте жительства было вызвано, в сущности, одной причиной – найти работу, устроить личную жизнь, профессиональную карьеру. Многие из них приехали в конце 50-х годов на строительство Ново-Ярославского нефтеперерабатывающего завода. Его статус – Всесоюзной комсомольской стройки – привлек тысячи молодых людей и специалистов из всех республик страны, в первую очередь из трудоизбыточных.

Кроме того, для выходцев из Средней Азии и Кавказа Ярославль и область традиционно оставались территорией отхожего промысла. Ежегодно бригады сезонных строителей прибывали сюда, чтобы заключить договоры подряда на возведение животноводческих помещений, жилья, объектов соцкультбыта, дорог. Кто-то приезжал на сезон, другие оставались навсегда. Наиболее распространенными были, конечно, маятниковые миграции. Строители регулярно наведывались в одни и те же места, жили и работали здесь по несколько месяцев, обзаводились временными женами, обрастали деловыми связями. Большинство вело такой образ жизни не один год. С распадом СССР

они, как правило, вернулись на родину. Конфликтов на национальной почве практически не было. Модное сегодня словечко "русophobia" появилось в годы перестройки. А до этого встречалось в специальной литературе, и, как правило, в кавычках. Какие бы камни мы ни кидали в свое прошлое, нельзя не признать, что проповедуемый и насаждаемый интернационализм был одной из примет жизни страны. К исходу 80-х годов, когда население "одной шестой" достигло 300 миллионов человек, партия с победным восторгом заявила об окончательном решении "национального вопроса" в СССР.

Действительно, как случилось, что целый ряд народов, для которых советский паспорт служил документальным подтверждением единого гражданства, в последующее десятилетие, по образному определению известного политика Р. Абдулатипова, разбежался "по своим этническим квартирам, пещерам и норам"⁷. За несколько лет территория бывшего Советского Союза превратилась в цепь национально-этнических вулканов: Карабах, Приднестровье, Таджикистан, Абхазия, Южная Осетия, Ингушетия и Северная Осетия, наконец, Чечня и Дагестан.

Приток беженцев и переселенцев из этих зон затяжных вооруженных конфликтов, а также из других неблагоприятных в отношении условий жизни регионов постсоветского пространства стал мощным фактором, под влиянием которого в 90-е годы формировалась этноконфессиональная специфика населения Ярославля. Как внешние, так и внутриобластные миграционные процессы разворачивались в одном направлении, а именно: увеличивали приток этнических мусульман в город с "христианским имиджем". Этноконфессиональный потенциал переселенческих волн из бывших республик Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа энергично осваивал его районы и кварталы. А они в свою очередь превращались в своего рода "гостиницы" для последующей партии прибывающих из этих регионов лю-

⁷ НГ-сценарии. 2000. 12 апреля.

дей с целью трудоустройства, коммерческой деятельности, получения образования и пр.

Родственные связи и вытекающие из них духовные и экономические обязательства по отношению к членам семьи, землякам и единоверцам обеспечивали таким мигрантам возможность фактически постоянного проживания в городе. В этом смысле диапазон способов их укоренения на новом месте жительства был достаточно широк: от традиционных – воссоединение родственников до современных организационно-правовых форм – малое предприятие, кооператив, ТОО и т.д. (В 1992 году было несколько десятков предприятий, зарегистрированных этническими мусульманами на территории Ярославля и области.)

Никого особенно не интересовала реальная национальная принадлежность мигрантов. Общественным мнением они воспринимались как “кавказцы”. Отсюда и укоренившаяся практика подсчетов их численности городскими статистическими службами. Существуют разные оценки по поводу масштабов оседания в городе (или области) мигрантов данной категории. Например, Центр изучения общественного мнения, проводивший в 1992 году социологические опросы в районах с повышенной территориальной концентрацией “кавказцев”, пришел к выводу, что “можно смело увеличивать в три раза официальные сведения о количестве проживающих в них жителей из этих этнических групп”⁸. Учитывая его рекомендацию, подведем некоторые итоги. Расчеты, произведенные различными методами, позволяют сделать вывод, что количество относящихся к мусульманским этносам жителей Ярославля колеблется вокруг цифры в 100 тыс. человек. (По области их численность увеличивается вдвое.)

Ядро стремительно выросшей в 90-е годы мусульманской общины города представляют татары, численность которых, как уже отмечалось выше, составляет примерно 70 тыс. человек.

⁸ Межнациональные отношения на региональном уровне: современное состояние и пути урегулирования: Материалы научно-практической конференции (неопубл.). Ярославль, 1992.

Количество мусульман, принадлежащих к 9 другим этносам, составляет более 20 тыс. человек. Исходным показателем для выявления динамики данной группы послужили цифры ценза 1989 года – 2 тыс., а при дальнейших расчетах – данные миграционной статистики и паспортных столов с учетом коэффициента оседания в городе самостоятельных мигрантов – “кавказцев”, а также уточнений сведений об их численности данными национально-культурных обществ.

Пришлый компонент конфессии, то есть мусульманские этносы, вписавшиеся или находящиеся на разных стадиях вхождения в социальную структуру города, представляют: азербайджанцы – более 7 тыс. (в области около 17 тыс.), чеченцы и ингуши – более 5 тыс., дагестанцы – около 4 тыс., казахи, таджики, узбеки – по одной тысяче. (Заметим, что их численность, по сведениям руководителей самих диаспор, оценивается иначе. Но об этом – в соответствующих разделах данной главы.)

Центром консолидации приверженцев ислама является соборная мечеть. Не станем скрывать, что увеличение численности ее прихожан вызвало настороженность, а в иных случаях и негативные реакции православной церкви, а уж с ее “подачи” – у части общества и властей. Епархию беспокоит “излишняя ретивость” ислама (намерение мусульман построить вторую мечеть и участвовавшие случаи обращения в ислам горожан титульной нации). Подробнее мы рассмотрим эти сюжеты в последующих главах.

В обыденном сознании ярославцев, в массе своей русских, то есть реальных или потенциальных приверженцев христианской религии, раздражителем, инициирующим настороженное отношение к иноверцам, является беспокойный компонент общины – “кавказцы”. Ни для кого не секрет, что отношение к ним ассоциируется с чеченской войной и исламом как агрессивной, враждебной России силой. Эмоциональная составляющая таких антиисламских фобий весьма изменчива: от слухов, сплетен, оскорбительных выпадов в адрес инородцев и иновер-

цев — до усиливающих страхов за личную безопасность. Осенью 1999 года, после чудовищных террористических актов в Москве, Волгодонске, Буйнакске, вокруг «кавказцев» стала сгущаться атмосфера вражды и подозрительности.

Сдвиги в массовых настроениях горожан так или иначе, во многом тоже на подсознательном уровне, улавливались и по-своему интерпретировались властными структурами. Чтобы сбить накал страхов и подозрительности, царивших в губернии в период операции «Вихрь-Антитеррор», местные руководители потребовали от руководителей кавказских диаспор «гарантий безопасности» общественного поведения.

В своем обращении к населению области губернатор А. И. Лисицын прямо заявил: «Я провел ряд встреч с руководителями силовых ведомств и представителями кавказских диаспор, на которых потребовал добиться максимальной степени защищенности жителей Ярославской области. Представители кавказских диаспор должны взять на себя определенные обязательства, связанные с их проживанием на территории области. Эти обязательства, надеюсь, временные. Уверен, что меня поймут правильно»⁹.

Безусловно, все поняли правильно. Мы знаем, мол, что без ведома проживающих в области вайнахов не появится ни один чеченец, и если вы и дальше намерены проживать здесь, то договаривайтесь с террористами сами. В противном случае за любые проявления экстремизма будете отвечать вы, «кавказцы». Если не по закону, то по известному «вологодскому сценарию» — выдворение за пределы области «по просьбе народа» и при его участии. В результате обязательства были даны публично.

Все газеты Ярославля напечатали интервью с руководителями чеченской и дагестанской диаспор. Глава чеченской диаспоры Нур-Эл Хасиев на вопрос: «Гарантируете ли вы спокой-

ствие и взвешенность представителей вашей диаспоры в Ярославле?» — ответил: «...Со всей ответственностью заявляю, что ни один чеченец ярославской диаспоры не станет боевиком, не пойдет на террористические акты. Мы постоянно проводим в своих рядах профилактическую работу. Настроение людей знаем... Твердо убежден, что деяния басаевых, хаттабов и самих дагестанских экстремистов никакого отношения к религии не имеют. Ислам с оружием в руках не насаждают... Прикрываясь религиозными заклинаниями, Хаттаб и Басаев втерлись в доверие народа и вершат свое черное дело. По большому счету эти «полевые деятели» предают свой народ, сводят на нет усилия по достижению его независимости»¹⁰.

Было опасение, что начнется «малая война» между чеченцами и дагестанцами здесь, в Ярославле. Тем более, что инцидент в прошлом был. Во время войны за Нагорный Карабах в отношениях между армянами и азербайджанцами, собравшимися на стихийный митинг, вспыхнул конфликт. Тогда не дали ему развиваться присутствующие на нем представители русского населения, обвинившие тех и других, высказав мнение, что «в такое время надо защищать свою землю, а не ошиваться на рынках».

Член Совета общества «Вайнах» В. Расуханов считает, что за пределами зоны военного конфликта стычек между чеченцами и дагестанцами не будет. «Мы — братские народы, многие годы мирно соседствовали. Осуждаем силовые действия в Дагестане, намерены принять участие в акции оказания гуманитарной помощи, ведь на этих территориях проживает и чеченское население»¹¹. Боевики — другое дело. С ними надо воевать. Дагестанцы публично заявили, что около двадцати представителей их диаспоры выехали в свою республику с намерением сражаться против бандитов, хотя бы они были и чеченцами.

⁹ Северный край (Ярославль). 1999. 14 сентября.

¹⁰ Там же.

¹¹ Золотое кольцо (Ярославль). 1999. 11 сентября.

Хотя и косвенно, но подтверждено, что связь кавказских диаспор со своими национальными очагами самая тесная. Взаимодействие, причем на разных уровнях, несомненно, есть. Информированность почти полная. Поэтому случается, что в России их нередко принимают за "пятую колонну", ваххабитов. На родине, наоборот, обвиняют в отсутствии патриотизма и в прорусской ориентации. Местные диаспоры (чеченцы, дагестанцы) оказывают материальную помощь своим соотечественникам легально — продукты, одежда, стройматериалы. На вопрос о нелегальной помощи никто отвечать не станет.

Информированная "Независимая газета" неоднократно называла цифру "один миллион долларов в месяц" — такова сумма, выделяемая имеющими свой бизнес в России чеченцами для финансирования незаконных вооруженных формирований в Чечне¹². Это своеобразный откуп за неучастие в боевых действиях. Чеченская сторона оставила эту информацию без комментариев.

Все кавказские диаспоры предельно закрыты. Да, их руководители в критической ситуации могут дать гарантии, что местное население может жить спокойно. Но они никогда и никому не расскажут, как им это удастся осуществить. Они утверждают, что держат под контролем членов диаспоры, по-своему наказывают их за провинности. Однако отказываются сообщать, как наказывают нарушителей негласного устава. По слухам, у кавказцев есть свои "боевые дружины", которые следят за нарушителями, предупреждают нежелательные конфликты, которые могут отрицательно влиять на имидж диаспоры. Руководители диаспор не подтверждают, но и не отрицают все эти домыслы.

Не секрет, что кавказские диаспоры находятся под пристальным вниманием органов правопорядка. Хотя отношение к ним в Ярославле несравненно менее жесткое, чем в столицах. По заявлению начальника управления ФСБ по Ярославской обла-

сти А.Ю.Котельникова, близость столицы оказывает большое влияние на оперативную обстановку в области. "Когда в Москве начались повальная проверка документов и регистрация, то количество приезжающих в Ярославскую область резко увеличилось. У нас проживают чеченцы, азербайджанцы, армяне. К нам, спасаясь от жесткого московского прессинга, поехали их родственники и знакомые. В связи с этим изменилась у нас и оперативная обстановка. Не намерен нагнетать страсти, но в каждом конкретном случае разбираемся отдельно. Нельзя говорить, что мы разыскиваем выходцев с Северного Кавказа..."¹³

Некоторые местные СМИ не раз намекали на возможность "кавказских погромов", ссылаясь на "доверительные источники". Газета "МК в Ярославле" высказалась по этому поводу еще более откровенно: "Что касается кавказских диаспор в Ярославле, то они уже наверняка почувствовали подъем волны настроений против себя... Самый эффективный метод влияния на массовое сознание — воздействие на эмоции людей. И те, кто выступал заказчиком терактов, похоже, это прекрасно сознавали. Чувства, господствующие над здравым смыслом, могут иметь не менее, а то и более решительную силу, чем взрывы тротила и гексагена. Провинция всегда в отличие от столиц была спокойной и выдержанной. Дай Бог, чтобы народный гнев не вылился в кавказские погромы"¹⁴.

К чести ярославских чеченцев, они не поддались панике. На всплеск антикавказских настроений отреагировали, не только публично обозначив свою позицию относительно событий, происходящих на Северном Кавказе, но и выступив в защиту ислама.

В феврале 2000 года по их инициативе в Ярославле был организован "круглый стол" по проблеме межконфессионального согласия. Разговор на нем, запущенный под девизом "Ислам — это мир", начался с "больных" для мусульман вопросов:

¹² НГ-регионы. 1999. №19. 28 декабря.

¹³ Северный край (Ярославль). 1999. 18 декабря.

¹⁴ МК в Ярославле. 1999. 23 сентября.

“Почему слова “ваххабит” и “фундаменталист” звучат для россиян как ругательство? Почему религиозные мотивы используются в качестве ширмы для прикрытия военных действий?”¹⁵.

Участник дискуссии чеченский писатель и общественный деятель Сайд-Хамзат Нунуев высказал мнение, что навешивание такого ярлыка, как “фундаментализм”, стало обычным делом для тех, кто пытается клеймить всех, имеющих хоть какое-то отношение к исламу. В сущности происходит манипулирование терминами в политических интересах: “фундаментализм” подается в связке с грубым насилием, такого толка как в Чечне и Дагестане, а ислам напрямую связывают с бандитизмом. В основе же подлинного, неполитизированного ислама лежат мир, высочайшая нравственность, направляющая человека на путь истины, созидания, добра и любви. Если понимать “фундаментализм” как возврат на путь ислама, то следует признать, что этот термин не несет в себе той негативной нагрузки, которую навязывают ему политики и журналисты, выполняющие их заказ. В характере чеченцев нет агрессивности и генетической злобы. Образ “злого чеченца” в умах россиян создали журналисты ангажированных СМИ. События в Чечне – следствие ухудшения условий жизни, роста безработицы среди молодежи, падения нравственности и отсутствия веры. Всем этим воспользовались силы, “бесстыдно эксплуатирующие ислам”.

С мнением писателя согласилась Валерия Порохова, переводчик смыслов Корана на русский язык. “Коран дает единственное определение божественной сущности. Человек не может претендовать на ее познание. Не религия, но люди, “по гордыне своей” искажающие предписание веры, виновны в преступлениях, творимых под знаменем политизированного ислама”.

Использование понятия “ваххабизм” в политической терминологии не имеет ничего общего с действительным значением этого

¹⁵ Губернские вести (Ярославль). 2000. 2 февраля. Тексты выступлений приводятся по записи автора – участника “круглого стола”.

понятия в мусульманском мире, отметил в своем выступлении Андарбек Яндаров, главный редактор вайнахской газеты “Зов времени”, доктор философских наук, в прошлом профессор Грозненского университета. Со времени своего зарождения на Аравийском полуострове ваххабизм стремился к очищению ислама, следуя по такому же пути, как и движения, которые можно назвать фундаменталистскими. С философской точки зрения, это учение ориентирует своих приверженцев на образ жизни, “переходящий за земную черту”. Достигнуть такого идеала невозможно. Стремление же к нему можно понять. Нельзя запретить людям выбирать тот образ жизни, который соответствует их духовным и нравственным запросам. Другое дело, когда он насаждается силой и трансформируется в лозунги борьбы за “чистоту веры” и призывы к джихаду против неверных. В такой трактовке ваххабизм был и остается чуждым и неприемлемым для той разновидности ислама, которая традиционно исповедуется в Чечне. В этом смысле чеченский народ не является жертвой религиозной войны, которую якобы развязали ваххабиты. Причины ее кроются не в различии толкований Корана, а в чеченской и дагестанской нефти, которую делят между собой “сильные мира сего”.

На “круглый стол”, организованный ярославскими вайнахами, собрались горожане разных профессий и вероисповеданий, хотя численно преобладали представители мусульманской общины. Аудитория, в которой было немало студентов и преподавателей вузов, слушала докладчиков внимательно, но выступить в прениях не пожелал никто.

Да и сами инициаторы “круглого стола”, похоже, не ставили своей задачей организацию академической дискуссии. Скорее, они стремились озвучить вопросы, задуматься над которыми пришло самое время. В русские семьи вновь начал прибывать “груз-200”, и образ “злого ислама” может спровоцировать очередной виток межконфессиональных коллизий. Как латентный, то есть тлеющий, конфликт, они подпитываются не только войной на Северном Кавказе.

В прошлом, во всяком случае в средствах массовой информации, проблема взаимоотношений между двумя основными конфессиями города – уммой, то есть общиной приверженцев ислама, и православным большинством – не комментировалась. В ходе предвыборной кампании 1999 года тема межконфессиональных отношений фактически легализовалась на страницах местных изданий. Мусульмане сами озаботились информационной поддержкой, установив сотрудничество с редакциями ряда газет. При этом свою позицию махалля обозначила четко. Любые действия – будь то политика властей, инвективы против кавказцев или проявление нетерпимости к инородцам в предвыборных манифестах – будут рассматриваться ими как неуважение к исламу со всеми вытекающими последствиями. А политики, дистанцирующиеся от этих установок либо, наоборот, апеллирующие к ним в контексте, неприемлемом для мусульман, не получают их поддержки на предстоящих выборах как в местные органы власти, так и общероссийские.

За полгода до выборов в Думу, 99, когда проблема терроризма заслонила собой практически все, а Ярославль вследствие своей близости к столице не остался в стороне от всплеск антикавказских настроений, духовный наставник общины имам-хатыб соборной мечети Рустам-хазрат Батров по меньшей мере трижды публично озвучил ее позицию по отношению к недоброжелателям конфессии¹⁶.

В мае 1999 года он резко выступил против попыток властей поставить местные СМИ под предвыборный контроль. В частности, деятельность некоторых политических сил, пытавшихся приостановить издание популярной в регионе газеты "Золотое кольцо", имам-хатыб оценил "как эскалацию конфликта" вокруг газеты, на страницах которой "объективно освещается деятельность различных конфессий". Мусульмане города, среди кото-

рых немало ее читателей и подписчиков, обеспокоены таким развитием событий. Продолжение конфликта, предупреждал имам-хатыб, "может вынудить нас обратиться с просьбой о поддержке почитаемого издания в ведущие мусульманские организации страны"¹⁷. Летом того же года солидарность ярославских мусульман выплеснулась на страницы местной печати протестом против "профилактических мероприятий ОМОНа на городских рынках". Текст совместного предупреждения в адрес правоохранительных органов гласил, что подобные действия "могут вызвать политическую нестабильность и социальный взрыв накануне предстоящих выборов"¹⁸. Прокуратура вынуждена была начать следствие о неправомерных действиях ОМОН.

Осенью 1999 года возмущенные мусульмане единым фронтом выступили против объявившихся "защитников русского народа от инородцев", развернувших свою избирательную кампанию под лозунгом "Русский, помоги русскому"¹⁹.

Когда в ходе предвыборных кампаний озвучиваются волнующие приверженцев ислама темы – религия, духовное возрождение, отношение к нерусским и т.д., этнически дисперсный мусульманский электорат, потенциал которого в населении области оценивается в 10–12 процентов, демонстрирует сплоченность своих рядов.

Впервые "дебют" солидарности в губернии состоялся в ходе президентских выборов 1996 года. Махалля, которую не устраивала индифферентная к религии, особенно к исламу, позиция лидера коммунистов Г. Зюганова, высказалась за поддержку Б. Ельцина. Весной, в самый разгар избирательной кампании, в Ярославле, как и во многих других городах Центральной России, прошло региональное совещание Союза мусульман России (СМР) в поддержку Б. Ельцина, на котором было принято решение солидарно голосовать за его

¹⁶ Караван-Рос (Ярославль). 1999. 8 декабря.

¹⁷ Золотое кольцо (Ярославль). 1999. 8 декабря.

¹⁸ Золотое кольцо (Ярославль). 1999. 12 мая.

¹⁹ Караван-Рос (Ярославль). 1999. 14 июля.

кандидатуру. Ответом стали растиражированные СМИ слова Б. Ельцина руководителю культурно-просветительского центра "Дуслык" К.Я. Хайруллину: "Поддержите меня на выборах, а я вас коммунистам не отдам"²⁰.

В ходе избирательных кампаний в Государственную Думу голоса ярославских мусульман распределялись по принципиально иной схеме. В первой половине 90-х годов они "расщеплялись" по всему спектру партий и блоков, выдвигавших своих кандидатов в центральные органы власти, – от либеральных до коммунистических. На последних выборах в ушедшем столетии их предпочтения в выборе кандидатов в депутаты Государственной Думы формировались под влиянием мусульманских политических организаций.

Накануне выборов в Думу, 99 по инициативе руководства ярославской общественной организации "Вайнах" были созданы местные филиалы общественно-политических движений – Союза мусульман России (СМР) и Конгресса мусульман России (КМР). Татары, коренные горожане, отнеслись к этим организациям индифферентно. Не осудив, но и не поддержав инициативы единоверцев, они интегрировались в мусульманскую политическую организацию "Рефах" (Благодеяние). А это в свою очередь обязывало их к поддержке межрегионального движения "Единство", по спискам которого "Рефах" намеревался провести своих кандидатов в депутаты нижней палаты парламента. В начале декабря председатель "Дуслыка" К.Я. Хайруллин объявил, что "200-тысячное мусульманское меньшинство области поддержит на предстоящих выборах "Единство". Такую позицию, в интервью автору, он объяснил тем, что "мы поддерживаем не кого-то конкретно, а государство. Альтернативные объединения нас не интересуют, так как они построены под одного человека и не отражают суть и интересы государства".

Кавказские диаспоры выдвинули кандидатом в депутаты в

²⁰ Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

Думу, 99 А.И. Цветкова (известного в городе журналиста, дважды проходившего в областную легислатуру как независимый политик). Председатель регионального отделения КМР Х. Идилов публично объявил, что такой выбор сделала вся махалля, то есть мусульманская община области. Забегая вперед, отметим, что выборы А.И. Цветков проиграл. Татары, явно сочувствуя своим единоверцам как жертвам чеченской войны, тем не менее дистанцировались от них в своих политических предпочтениях. Председатель Ярославского религиозного объединения мусульман М.С. Гарайшин сразу же дал в газетах опровержение, что "никаких решений о поддержке г-на А.И. Цветкова совет мусульман не принимал"²¹.

В сущности предвыборная кампания в Ярославле и Ярославской области отразила общероссийскую ситуацию. Махалля, ведомая "Дуслыком", "встроилась" в "Рефах", ориентированный на союз с новой партией власти. Инициатива оправдала себя. В Государственную Думу, 99 по партийным спискам прошел депутат, благожелательно настроенный к городским мусульманам, заместитель мэра А.А. Сизов. Не исключена такая возможность и для К.Я. Хайруллина – таково условие предвыборного соглашения с "Единством". При благоприятном стечении обстоятельств энергичный лидер "Дуслыка" автоматически попадает на законодательный Олимп Российской Федерации. Тогда "Рефах" пополнит свои ряды в Думе еще одним, тринадцатым по счету выходцем из мусульманской среды²². Из кандидатов, проходивших в Думу, 99 по одномандатным округам, татарский электорат поддержал С. Загидуллина.

СМИ поспешили расценить итоги декабрьских выборов как свидетельство успешной консолидации мусульманской общины под лозунгом "Рефаха": "Сильные мусульмане в сильной России". Но единство это достаточно условно. Вне его остались

²¹ Золотое кольцо (Ярославль). 1999. 17 декабря; Ярославская неделя (Ярославль). 1999. 10 декабря.

²² НГ-религии. 2000. 23 февраля.

чеченцы, не разделяющие программной установки "Рефаха" "о нерасторжимости российских территорий". В ноябре, то есть за месяц до выборов, на политическом ландшафте страны появилась новая общественная организация "Союз народов Чечни" (СНЧ), объединившая вайнахские общины Центральной России. Иными словами, в общероссийское движение мусульман вписалась партия, которой небезразлично, как будут вершить судьбу Чечни новый парламент и президент. Совершенно очевидно, что вернуть ее в "счастливую автономию" унитарного прошлого России силой не удастся. Говорит Нур-Эл Хасиев, руководитель местного отделения "Союза народов Чечни" и сопредседатель Конгресса вайнахской диаспоры России: "... что касается происходящего на Северном Кавказе, логично предположить, что это следствие политики федеральных властей. К такому повороту событий все и шло. Вспомните, как подписывался договор о мире – хасавюртовское соглашение. Один из его пунктов – решение о статусе Чеченской республики Ичкерия откладывается на пять лет. Срок этот подходит"²³. Ясно, что для вайнахов, проживающих вне исторической родины, не приемлем конформизм, к которому тяготеет умеренно настроенная часть мусульманской общины. Поэтому если феномен "Рефаха" может быть объяснен как попытка огосударствления ислама²⁴, то "Союз народов Чечни" – как создание потенциальной оппозиции. Хорошо известно, что "расщепление" политического ислама сопровождается выделением из него течений, несущих заряд радикализма. Пример тому не только события в Чечне и соседнем с ней Дагестане. Практически во всех регионах Европейской части России, где компактно проживают мусульмане, для этого существуют предпосылки.

Трения и конфликты присутствуют и в жизни Ярославской мусульманской общины. Здесь скрытая от постороннего наблюдателя напряженность проявляется как борьба между этничес-

²³ Зов времени (Москва). 1999. №1. С. 3, 6.

²⁴ МК в Ярославле. 2000. 2 марта.

кими группами и внутри них за влияние и руководство в общине. Не первый год продолжаются сражения за лидерство в мечети между "кавказцами", пришлым компонентом общины, и татарами, коренными жителями города, занимающими в ней главенствующие позиции. Среди самих татар тоже существуют противоречия, связанные с соперничеством двух объединяющих центров – мечети и "Дуслыка". В результате одни молятся в мечети, другие – в мусульманском культурном центре. "Кавказцы" совершают намаз отдельно от тех и других. Правда, главные мусульманские праздники отмечают все же вместе в мечети.

Как свидетельствуют события последних двух лет, внутриконфессиональные процессы в городской умме разворачивались в двух направлениях: межгрупповое соперничество за статус, авторитеты и влияние и одновременно – самоорганизация мусульманского социума под лозунгом защиты единоверцев, религии и традиций ислама. Можно утверждать, что в современной общественной жизни города и области этноконфессиональный фактор является фоном для всего спектра отношений между различными группами населения и инструментом размежевания конфессий – уммы, то есть общины приверженцев ислама, и православного большинства.

Случаются, конечно, моменты, когда, "обида позабыв", православные и мусульмане вынуждены объединяться. Слишком уж активизировались в городе нетрадиционные религии, секты и общества. Таких легальных и незарегистрированных организаций в области около 50. Их агрессивность в расщеплении паствы необычайно велика, агитация индивидуальна. Последствия, как правило, трагичны.

В августе 1998 года конфессии объединились и провели месячник активных действий против тоталитарных сект. Город был заклеен листовками антисектантского направления, начал работу телефон доверия. Были и предложения от прихожан: отловить новоявленных миссионеров и выслать за пределы области. Но духовные наставники обеих конфессий отказались от "кру-

тых" мер по отношению к конкурентам, предпочли действовать убеждением. 1999 год – был потерянным. В год знаковых юбилеев, которые отмечают Православие и Ислам, совместные мероприятия по борьбе с нетрадиционными культами возобновились.

Итак, за короткий исторический срок, десятилетие 90-х годов, в общественно-религиозной жизни города фактически восстановилась "естественная среда обитания" мусульман – махалля. За эти годы она стремительно выросла, вписалась в общероссийское движение мусульман, наладила связи с внешним миром ислама (организация паломничеств, учебных миссий, участие в конференциях и пр.). Но сплоченная по отношению к внешнему, христианскому окружению, она не столь же монолитна, когда речь идет о внутриконфессиональных взаимоотношениях. И это понятно. Каждая крупная этническая группа приносила в динамично развивающееся мусульманское общество свои проблемы, противоречия, конфликты. В этой связи представляется логичным взглянуть на его сегодняшнее состояние через призму внутренней жизни мусульманских диаспор.

Татарская диаспора

О своем желании стать диаспорой татары заявили в конце 80-х годов, когда в центральной печати впервые стали появляться статьи о литовских, крымских татарах, татарах Башкортостана, Западной Сибири, Киргизии и т.д. Несомненное влияние оказали и события в Татарстане, инициировавшие всплеск патриотизма как для тех, кто жил в поволжской "крепкой автономии", так и для тех, кто находился на положении национальных меньшинств. Так, "захлебываясь демократической эйфорией", бурлящее общество давало жизнь возникавшим общественным формированиям и объединениям, в том числе национальным. Разветвленное по всем "азимутам" республик, краев и облас-

тей, входящих в состав Российской Федерации, татарское национальное движение было одним из самых мощных²⁵.

Побудительные импульсы для такого рода активности возникали из ментально-эмоциональных символов (комплекса исторической памяти), стремления к возрождению культурных и духовных традиций, желания исправить историческую несправедливость, причиненную в советские времена "своей" национальности и т.д.

В Ярославле костяк движения за возрождение национальной культуры татар, в которой "велика роль ислама, многих его традиций", составляли люди, представлявшие практически весь спектр городских профессий производственной и непроизводственной сферы.

Человеком, стоявшим у истоков возникновения этого движения, был Габдула Ярулин, журналист многотиражки шинного завода. Целью движения было создание культурно-просветительского центра "Дуслык". В неопубликованной статье для газеты "Северный край", копию которой его вдова передала автору, он писал, что видит главной задачей "Дуслыка" возрождение родного языка и культуры, включая ее религиозные аспекты и изучение арабского языка. "Мы постепенно дошли до того, что не только наши дети и внуки, но многие из старшего поколения не умеют читать и писать на родном татарском языке. Я знаю, что среди татар Ярославля есть преподаватели русского, англ-

²⁵ Татары – второй по численности после русских народ России (5,5 млн. чел.), являются одним из наиболее дисперсно расселенных этносов. Лишь 26,6% их общего числа проживает в Татарстане. Наибольшее число татар живет в городах. В этом смысле они относятся к категории высокоурбанизированных народов мира: из 5,5 млн. татар 3,6 млн. (или 66% их общей численности) – городские жители (см. Исхаков Д.М. Современный национализм татар. Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. Казань, 1997. С. 31). В 600-тысячном Ярославле татарская диаспора насчитывает примерно 70 тыс. человек. И если по индикатору абсолютной численности она заметно уступает столичной (158 тыс.), то сравнительные характеристики по относительным показателям дают иную картину. Доля татар в населении Москвы не превышает 2%, в Ярославле она составляет 10% (см. Ермаков И., Миккульский Д. Ислам в России и Средней Азии. М., 1993. С. 6-7).

лийского, немецкого, французского языков, но они не знают свой родной язык, хотя в их паспортах, в графе национальность, записано – татарин или татарка. Если мы, старшее поколение, постарались разрушить нашу культуру и язык, мы же и обязаны вернуть молодому поколению все потерянное”.

Г. Ярулин возлагал большие надежды на сотрудничество с мечетью и на поддержку ею своих усилий в создании культурного центра. Однако не только ее не получил, но и был фактически отлучен от общины разгневанным имам-хатыбом (создаешь, мол, альтернативную мечети структуру).

Между тем “Дуслык” создавался вовсе не для конкуренции с мечетью, а как бы в помощь ей. Если мечеть больше подходила пожилым людям, то “Дуслык” был больше ориентирован на молодежь.

Городские власти благосклонно отнеслись к “Дуслыку” и даже предложили на выбор несколько зданий в различных частях города. Правда, все они требовали основательного ремонта, но, как говорится, были бы стены и крыша.

Выделенное в престижном Кировском районе здание, как и мечеть, ремонтировали своими силами и на добровольные пожертвования. Часть средств выделила мэрия города. В 1993 году в первых классах открыли курсы арабского языка, а для татарского так и не смогли найти преподавателя.

Уже тяжело больной Г. Ярулин передал все дела по “Дуслыку” младшему брату Калимулле Хайруллину. Работал он врачом скорой помощи и после суточного дежурства имел “длинные выходные”. После кончины Г. Ярулина пришла и другая беда – здание подлежало сносу в связи со строительством торгового центра, и “Дуслыку” выделили другое, еще более запущенное. Мэрия, правда, возместила средства, затраченные на ремонт прежнего здания. В 1997 году переехали в новое помещение. Пока вели ремонт, налаживали отопление, более 500 томов книг – третья часть библиотеки – погибли от сырости. И хотя ремонт здания еще не закончен, в нем работают кружки художе-

ственной самодеятельности, силами которых проведено более 30 концертов для ярославцев. Обычным явлением стали мусульманские свадьбы, а на пятничный намаз верующих приходит не меньше, чем в мечеть.

– Не все татары, чеченцы, таджики – верующие, – говорит К. Хайруллин. – Многие отошли от веры, обрусели, не верят ни в Аллаха, ни в Христа, а если и верят, то в душе. Наша задача – вернуть их в лоно веры, привить им национальные обычаи.

Это признание как бы проясняет взаимоотношения между мечетью и центром “Дуслык”. Открытого соперничества нет. Вражду и раскол отвергают и те, и другие. Но верующие, как говорится, “проголосовали ногами”: идут туда, где душе спокойнее.

Несмотря на то, что К. Хайруллин строг и категоричен в оценках, прям в разговорах, авторитет его бесспорен как у верующих, так и у городских властей. Он становится все более заметной политической фигурой в Ярославле, и положение “без пяти минут депутат Государственной Думы” ко многому обязывает.

В соответствии с регистрацией в Управлении юстиции области в ноябре 1999 года возникла татарская национально-культурная автономия. Фактически “Дуслык” до этого выполнял многие ее функции, а сейчас входит в ее состав и стал одним из учредителей. Возглавил Ассоциацию Нургали Хайруллин, офицер запаса, бизнесмен. Одной из первоочередных задач “Дуслыка” считает выявление в общеобразовательных школах учеников-татар и организацию для них факультативных занятий по изучению татарского языка. Вдохновляет опыт соседнего города Иваново, где татарское население составляет всего 0,7 процента, но, тем не менее, в нем появилась татарская школа.

В планах “Дуслыка” четко просматривается долгосрочная программа. И реализация ее идет неспешно, без ажиотажа и показухи, но последовательно и неуклонно.

Особое внимание отводится контактам с Татарстаном, откуда получают газеты, журналы, книги, методическую и материальную помощь. Дуслыковцы гордятся тем, что Татар-

стан — первая из национальных республик, добившаяся подписания договора о разграничении полномочий между республикой и центром. В результате большая часть налогов остается в Татарстане. Центр сопротивлялся, как мог, но М. Шаймиев не уступил ни в чем.

С обретением Татарстаном "крепкой автономии" увеличилось его влияние в исламском мире. Все это способствовало повышению авторитета татарских диаспор в других областях и республиках. Теперь у них появилась мощная поддержка в лице М. Шаймиева. А во время Югославского конфликта Татарстан хотя и не встал на сторону косовских мусульман, но и не поддержал позицию России. Более того, во время чечено-дагестанских событий М. Шаймиев приостановил призыв в армию и отправку в зону конфликта граждан республики. Мы были свидетелями, как с возглавляемым М. Шаймиевым движением "Вся Россия" искали контакты в период парламентских выборов влиятельные партии и блоки как левого, так и правого толка. Одного обещания М. Шаймиева приехать в Ярославль на дни Татарстана было достаточно, чтобы срочно был решен вопрос о выборе места для строительства второй мечети.

Важным фактором в объединении мусульман Ярославля руководство "Дуслыка" считает подготовку к изданию регулярной газеты того же названия. Сегодня газета "Четвертое измерение" ежемесячно публикует специальную страницу центра "Дуслык".

Отношения "Дуслыка" и мечети непростые. В активе оппозиции к культурному центру накапливается достаточно солидный по своей численности сектор татарской диаспоры. По словам К. Хайруллина, в этом нет ничего противоестественного. Молиться можно и в мечети, и в культурном центре. За рубежом, в мусульманских странах, в каждом учреждении — будь то даже офисы фирм или предприятия — есть комнаты для отправления культа.

На ситуацию в мечети влияет неопределенность с имамом. Конфликт между верующими и первым имам-хатыбом З. Минимуллиным завершился назначением нового духовного настав-

ника. Духовное управление мусульман центра Европейской части России (ДУМЦЕР — ныне ДУМЕР) прислало на его место турецкого миссионера Тунджай-хазрата. Необходим был нейтральный, независимый от конфликтующих сторон человек. Кроме того, важно, чтобы имам читал молитвы на арабском языке. Среди татар арабским владеют немногие. Однако срок пребывания Тунджай-хазрата в Ярославле подходит к концу. В связи с разрушительным землетрясением Турция значительно сокращает помощь другим странам.

Почти одновременно с прибытием Тунджай-хазрата начали поиски второго имама. А когда прибыл на практику шакирд (студент) Московского высшего духовного исламского колледжа Рустам Батров и понравился не только руководству РОМ (Религиозное объединение мусульман), но и прихожанам, то сделали ставку на него. Несмотря на молодость, в нем была та основательность в вере, которая приобретаетс с детства в религиозных семьях. Проработал он два года. Жил в мечети, потом снимал жилье. Зарплату платили только первые четыре месяца, и то за счет ДУМЦЕР. Был вынужден зарабатывать самостоятельно, пока не стали платить зарплату в мечети. Человек энергичный, Рустам-хазрат во главу угла ставил решение проблем мечети как центра духовной жизни городских мусульман. Иной, светский взгляд на их решение был для него, естественно, неприемлем.

Председателем РОМ был тогда М. Н. Яфясов. Сорокалетний юрист и сугубо светский человек, он был рекомендован на этот пост своим предшественником А. Ш. Гайнутдиновым. Ранее, до избрания председателем РОМ, его несколько раз привлекали в мечеть для консультаций по различным юридическим вопросам. Профессиональные советы М. Н. Яфясова могли уладить несколько спорных дел. В вопросах же религии он был, конечно, человеком неискушенным. Иначе говоря, его положение руководителя городской махаллы было достаточно уязвимым.

Должность председателя РОМ — общественная. Чтобы за-

работать на жизнь, М.Н. Яфясов выговорил право заниматься юридической практикой прямо в мечети. Ему выделили отдельное помещение, что впоследствии многими прихожанами ему же и было поставлено в вину. Пост председателя РОМ пришлось оставить.

Перспективы у имам-хатыба Батрова, наоборот, были высокими. Но он решил уехать. Свой отъезд связывал с поступлением в университет и будущей научной работой. Возможно, одной из причин отъезда могла стать не совсем благоприятная обстановка в мечети, переломить которую в лучшую сторону ему не удалось. Тем не менее, он постоянно приезжает в Ярославль, участвует в духовной и общественной жизни мусульман. Но об этом еще речь впереди.

Новое руководство общины во главе с М.С. Гарайшиным старается выправить положение, и многое на этом пути ему удалось сделать. Татарская диаспора делегирует в Религиозное объединение мусульман шесть своих представителей, другие диаспоры – по одному.

Общественная организация чечено-ингушской культуры "Вайнах"

Чечено-ингушская диаспора в Ярославской области находится в самом сложном положении. Массированные атаки СМИ в период первой и второй чеченских войн с незаконными вооруженными формированиями создали устойчивый образ "злого чеченца", который ни в чем не изменился со времен покорения Кавказа и поголовной депортации 1944 года. Досталось и тем чеченцам, которые не один десяток лет прожили в российской провинции. Некоторые СМИ старались показать их как людей с "двойным дном", как "пятую колонну" за спиной у русских, а их объединения – как тайные общества с неясными целями.

При ближайшем знакомстве с жизнью Ярославской чечено-

ингушской диаспоры и ее руководителями понимаешь, что все обстоит скорее наоборот. Пожалуй, ни одно из объединений Ярославской области не уделяет столько внимания своему имиджу, не имеет таких продуманных и планомерно осуществляемых планов в самых разных сферах жизни и деятельности. Вайнахи не кричат на каждом углу, какие они хорошие. Они, как правило, не реагируют на обвинения и не конфликтуют по мелочам. Их открытость в общении с руководителями области и журналистами, их помощь Ичкерии и многим нуждающимся в Ярославле никогда не выглядит демонстративной. О ней чаще всего узнают постфактум и не от самих чеченцев.

Атмосфера в диаспоре, ее вес и авторитет среди коренного населения во многом зависят от руководителей. Личность руководителя имеет решающее значение в деятельности диаспоры. "Почтенным чеченским старейшинам" всего-то по сорок лет или около того. Глядя на их не по времени поседевшие головы, можно только догадываться о тех внутренних переживаниях, которые держат их в постоянном напряжении, особенно последние семь – восемь лет.

Президент общества "Вайнах" – Нур-Эл Хасиев. Родился в 1962 году, в ссылке, под Джамбулом. О депортации в Казахстан знает со слов родителей, которые в 1944 году были еще детьми. За две недели до высылки по семьям были размещены солдаты под видом учений перед отправкой на фронт в Европу. А в день эвакуации разрешили взять с собой мешок муки и два мешка одежды. Солдаты тайно предупредили, что повезут далеко и нужно брать все, что пригодится в дороге. Из семьи в 15 человек выжили только отец и его мать. Родственникам матери "повезло" – уже на месте ее брат раздобыл у казахов лопату, вырыли землянку, в ней и жили. Казахам запрещалось помогать переселенцам, но когда дети мрут один за другим, то материнские сердца на запреты не обращают внимания. Через два года одна казашка пустила их в свой дом.

Хасиевы жили возле городка Чу. Вокруг степь, солончаки,

камень. Но постепенно чеченцы обустроились, и когда разрешили переехать на родину, многие предпочли остаться в Казахстане. В Чечено-Ингушетии не обещали возврата домов и квартир. Хасиевы на переезд решились.

Родительский дом Хасиевых в Грозном был уже занят. В нем жили переселенцы из Украины и Ленинграда. И вновь им пришлось начинать с мазанки. Плетень с двух сторон обмазали глиной, пол земляной. Но это была своя земля, свои горы. А все невзгоды на своей земле переносить легче. Позже матери на Аргунском сахарном заводе дали двухкомнатную квартиру. Семья к этому времени насчитывала десять человек.

За веру тогда не притесняли, но все мечети были разрушены. Поэтому на молитву собирались по домам. Имамов не было. Их репрессировали в первую очередь. Роль муллы исполняли старшие, как правило, самоучки.

— Сейчас нередко можно услышать о Чечне и ее народе такое: мол, разъехались по всей России, все хотят прибраться к своим рукам, — говорит Нур-Эл. — Это неверно. Дети чеченцев тянутся к учебе, а получить хорошее образование в Чечне практически невозможно. Интеллигенция почти изведена. Мое поколение выросло в основном на шабашках. В Россию ехали, чтобы заработать на сносную жизнь, на строительство своего дома. Старейшины понимали, что необразованным людям не поднять свою республику, и всячески поощряли стремление к учебе. В 1980 году я не набрал на вступительных экзаменах в Московскую сельхозакадемию нужное число баллов. Представитель ярославского филиала предложил учиться здесь. Я решил, что через год переведусь в Москву. Но город и люди понравились, и я остался.

На протяжении почти двух поколений после Великой Отечественной войны молодые чеченцы, в силу своего положения, были практически лишены возможности получить высшее образование. Даже вернувшись в 60-е годы на родину, они не мог-

ли поступить в вузы из-за негласных ограничений. Да и ректорам не нужна была лишняя головная боль. В результате за 30–40 лет и без того небогатый слой чеченской интеллигенции истончился до предела.

Возвращаясь на занятые места, чеченцы обустроивались в основном на земле. Высокая рождаемость, отсутствие работы, а следовательно, и средств к существованию, вынуждали значительную часть трудоспособного населения к сезонным миграциям в Россию, в том числе и Ярославскую область, в качестве строителей. Презрительное наименование их артелей — “шабашниками” — не смущало гордых ингушей и чеченцев. Отношение в области к ним было далеко не однозначным: им завидовали, ими восхищались, их ненавидели. Ежегодно бригады строителей заключали договоры на строительство в колхозах и совхозах различных объектов. При этом им удавалось выговорить фонд зарплаты до 40 процентов стоимости объектов, “отоварить” фонды на материалы и оборудование, которые чаще всего существовали только на бумаге, достать транспорт и механизмы. Естественно, что их “предприимчивость” не обходилась без скрытой “благодарности” за оказанные услуги.

Жили они обособленно. Работали от зари до зари с одним укороченным выходным днем. Дисциплина строжайшая, качество старались держать на уровне, так как в следующем году от услуг бригады могли и отказаться. Их уважали за трудолюбие, дисциплину и порядок. В колхозах такая работа была в диковину, так как труд на производстве не кормил досыта и нужно было сберечь силы для своего приусадебного хозяйства.

Случалось, члены бригады, а то и вся артель оседали в области, строили для себя жилье, перевозили семьи и родственников. Но в колхозы и совхозы, за редким исключением, не вступали. Когда удавалось кого-то из переселенцев уговорить возглавить коллективное хозяйство, то это, как правило, гарантировало устойчивый успех производства на многие годы. К середине 80-х годов примерно три десятка руководителей районно-

го уровня (строительные организации, колхозы, торговые предприятия) были чеченцами, осевшими на жительство в Ярославской области.

Другой, хотя и не очень значительной, группой – до 100 человек в год – были студенты из Чечено-Ингушетии. И, наконец, третья, самая значительная волна переселенцев – накануне и после распада СССР. Кооперативное движение дало значительный толчок к переезду, как правило, в знакомые по сезонным работам места. Предприимчивые и энергичные чеченцы активно заполняли свободные ниши в сфере предпринимательства. К 1994 году, времени регистрации общественной организации чечено-ингушской культуры, в области проживало 2 тыс. вайнахов. В 1998 году численность диаспоры увеличилась до 5 тыс. человек.

Регулируется ли кем-то ее численность? Скорее всего, да. Хотя открыто этого никто не признает. Похоже, превышение некоего "критического числа" руководители "Вайнаха" считают нежелательным. Чтобы не создавать напряженности во взаимоотношениях с местным населением, численность диаспоры не должна бы расти слишком быстро. Но идет война, и регулировать ситуацию становится все труднее. Да и было бы безнравственным отказывать в помощи соотечественникам, приезжающим в область. Люди бегут сюда не от хорошей жизни. Многие потеряли кров, имущество, семьи. С учетом нарастающего потока беженцев из Чечни можно утверждать, что численность вайнаховской диаспоры к 2000 году возросла до 8 тыс. человек.

По признанию самих чеченцев, жить среди русских намного проще, чем было в Казахстане. А желание объединиться продиктовано стремлением не потерять свои корни. Одними из первых они начали объединяться в диаспору в Ярославской области. И не в самом Ярославле, а в районном городке Мышкине. Начинали с открытия «Кафе занимательного питания "Вайнах"». В основе идеи – культура и национальная кухня. Концерты не были похожи на ресторанные попевки. Организаторские способ-

ности Нур-Эл Хасиева были замечены. Следующие два года он работал в Ярославском обкоме комсомола, где руководил молодежным объединением "Содружество", которое взяло под свою опеку всех молодых людей из национальных республик: студентов, коллективы стройотрядов, сезонных рабочих – помогая им адаптироваться не только на социальном, но и на бытовом уровне. В свою очередь, при поддержке руководителей Грознефти в Чечне создали лагерь для русской молодежи, которая не только участвовала в уборке урожая, но и знакомилась с жизнью и обычаями вайнахов. После ликвидации комсомола создали другое объединение – "Интерконтакт". Главной задачей этой организации стали распространение национальной культуры и помощь в адаптации переселенцев-земляков к условиям жизни в инонациональной среде. По мере того как нарастал поток мигрантов в Ярославль, руководители "Интерконтакта" сознавали, что необходимо вовлекать в работу по налаживанию отношений между национальными группами населения не только актив, но и рядовых членов диаспоры. Своеобразным толчком для этого, по их признанию, были события в Осетии. Так появилось общество чечено-ингушской культуры "Вайнах".

Когда война 1994–1996 годов обострила отношение к чеченцам, "Вайнах" провел в Ярославле конференцию, участвовать в которой пригласили представителей Московской, Костромской, Ивановской чеченских диаспор (1995 г.). На ней же договорились об объединении всех чеченских диаспор в России в Конгресс (КЧД). Его учредительный съезд прошел в Ярославле. Здесь же в июне 1996 года состоялся пятый съезд Конгресса чеченских диаспор России. А осенью, как известно, были подписаны хасавюртовские соглашения. Руководители Конгресса не претендуют на свое влияние на переговоры, но признают, что появилась авторитетная общественная организация, способная изнутри влиять на ход событий вокруг Чечни.

Об авторитете чечено-ингушской диаспоры в Ярославле говорит и тот факт, что из пяти съездов Вайнахской диаспоры в России – два были проведены в Ярославле. Ваха Висаев и Нур-Эл Хасиев избраны сопредседателями Конгресса и участвовали в работе специальной комиссии по мирному урегулированию в Чечне.

Другой важной стороной деятельности общества "Вайнах" является благотворительность. В самый разгар войны в Чечне, 15 января 1995 года, на проведенной в Ярославле региональной научно-практической конференции чечено-ингушской диаспоры был создан благотворительный фонд "Грозный". А через месяц инициативная группа, возглавляемая президентом фонда Н. Халимовым, доставила в Чечню пять большегрузных автомашин с продовольствием и медикаментами. Доставка и распределение груза шли при содействии сотрудников Ярославского УВД.

В период реставрации соборной мечети "Вайнах" не только оказывал финансовую помощь, но и подарил ей новый автомобиль, пятнадцать ковров для молельного зала и помог оборудовать учебный класс.

Есть две очень похожие пословицы – русская и чеченская. У русского народа: "Хороший сосед ближе дальнего родственника". У чеченского: "Сосед дороже брата". Следуя этой пословице, руководство общества "Вайнах" оказывает помощь не только мусульманам. Трем православным храмам в Ростове и Угличе были пожертвованы деньги на их восстановление. Учащимся ярославской школы № 88 подарили компьютер. Оказана благотворительная помощь детскому Дому музыкального воспитания, Детдому-интернату, Дому ветеранов труда.

С 1996 года общество стало издавать газету "Вайнах". Добрые взаимоотношения установились с ярославскими газетами, некоторым из них была оказана спонсорская помощь.

Еще один аспект деятельности – взаимоотношения с руководством города и области, руководителями силовых ведомств – начальниками управлений ВД, ФСБ, прокуратурой. Такие кон-

такты с обеих сторон помогли избежать многих конфликтных ситуаций, возникавших из-за недостаточной информации.

После окончания первой войны на восстановление экономики Чечни были выделены миллиарды рублей. Руководство "Вайнаха" понимало, что помощь, выделенная правительством Российской Федерации разрушенному региону, скорее всего уйдет в никуда. Поэтому в его рядах родилась идея создания фонда развития экономических и культурных связей, который мог бы стать своеобразным мостом к согласию между Ярославской областью и Чечней.

Созданный в 1996 году Фонд "Ярославль – Ичкерия" брал на себя посреднические функции между местными промышленными предприятиями и Чеченской республикой в реализации совместных проектов. Идея создания Фонда была поддержана на правительственном уровне, что отразилось в подписании Генерального соглашения между ним и правительством Чеченской Республики Ичкерия, а также в поездках губернатора Ярославской области А. И. Лисицына в Ичкерию и Ингушетию, в ходе которых были подписаны протоколы о намерениях взаимовыгодного сотрудничества между сторонами.

На подготовку этих документов ушло почти два года. Реализация же перспективных совместных проектов не состоялась и по сей день.

Общественное мнение было настолько негативно настроено против Чечни, что вайнахам не удалось уговорить руководителей ярославских предприятий сотрудничать с Фондом. Все требовали предоплаты или правительственных подтверждений, в крайнем случае – гарантий губернатора области.

В результате получилось то, что предсказывал Нур-Эл Хасиев: деньги, отпущенные правительством, бесследно исчезли. Не поступили в Чечню и обещанные стройматериалы. Вторая чеченская война усилила недоверие к Фонду вообще и чеченским предпринимателям в частности. Происходит то, что председатель "Вайнаха" Нур-Эл Хасиев назвал "откровенным выдавли-

ванием" чеченцев из бизнеса. "Раньше мы могли помогать соотечественникам, сейчас, когда с трудом построенные здания нашего бизнеса начинают рушиться, делать это стало практически невозможно".

Из всех планов Фонда удалось осуществить только культурную программу. По инициативе и при поддержке Фонда в Ярославле состоялись концерты известных чеченских артистов, были организованы три выставки художников: "Непониманья одолеть границу", "Добро и зло", "К согласию через искусство". Для телевидения Чеченской республики Ичкерия были сняты фильмы "Песня сердца", "Огонь души", "Время делать", "Ярославль – Ичкерия – мост к согласию", а также фильм "Храмы Ярославля". В библиотеки города переданы книги и журналы по истории и культуре чечено-ингушского народа. В свою очередь Ярославская медицинская академия передала Грозненскому мединституту специальную литературу. Фильм "Ярославль – Ичкерия" получил губернаторскую премию, которую один раз в два года присуждают творческим коллективам области.

Заметным явлением для вайнахской диаспоры стало издание в Ярославле книг известного чеченского писателя Сайд-Хамзата Нунуева "Нахи и священная история" и "Живительный дух ислама" при спонсорской поддержке Фонда "Ярославль – Ичкерия".

Пока идет война – Фонд не работает. Но его руководители не теряют надежду, что они будут востребованы и что средства и время на организацию Фонда не были потрачены даром.

В мирный промежуток между 1996 и 1999 годами общество "Вайнах" предприняло попытку создать в Ярославле представительство Чеченской республики Ичкерия, чтобы оперативнее решать вопросы помощи своей родине. Но управление кадров Администрации президента не только не поддержало идею, но и ликвидировало подобные представительства в Твери, Волгограде и других городах. На члена общества "Вайнах" Магомеда Алсултанова направили документы, чтобы утвердить его представителем Ичкерии в Ярославле. Но этот вопрос пока оста-

ся нерешенным. Военные действия против незаконных вооруженных формирований в Чечне поставили крест на любых контактах даже с отдельными главами районных администраций в Чечне. Вновь ставка сделана на силовое решение всех проблем: ликвидируем боевиков, и жизнь наладится сама собой.

Можно ли победить Чечню? Этот вопрос все большее число россиян задают себе после еженедельных сводок о числе убитых и раненых. Наверное, можно, если постараться понять характер народа, его привычки и традиции, созданные и сохраняемые веками. Если бы в свое время были проанализированы просчеты афганской войны, то стало бы ясно, что сила духа, сила веры крепче оружия. Если бы правительство, военные перед очередной попыткой покорения Чечни обратились к ученым, то скорее всего конфликт проще было решить миром. Тем более, что даже Д. Дудаев в свое время хотел иметь самостоятельность на уровне Татарстана. Но паническая боязнь "создания прецедента" была оплачена тысячами человеческих жизней, разрушенной экономикой. Опаснее же всего то, что в памяти поколений чеченцев образ России будет сохраняться как "образ врага". Борясь с незаконными вооруженными формированиями, армия и милиция восстановили против себя народ Чечни, сделали его "самым трудным для России народом". Дошло до того, что даже солидные издания печатают статьи под заголовками типа: "А может, Сталин был прав?"

Известны отзывы А. Солженицына о чеченцах как о самой сплоченной нации в России. Их не смогли сломить в ГУЛАГе, рассеять и ассимилировать за время депортации. При всех невзгодах они оставались непокоренными и выживали именно как нация. Их традиции не всегда понятны и приемлемы для россиян, так же как непонятны для чеченцев обвинения в их адрес о помощи боевикам. У вайнахов не принято спрашивать, кто ты и зачем пришел. Раз пришел в мой дом, вот тебе стол, вот тебе кров. Даже если ты боевик. Вековые традиции крепче писаного закона, и не учитывать это нельзя.

Вполне естественно, что все события в Чечне и вокруг нее не могут не сказываться на жизни чеченских диаспор в России. Потому и вынуждены они, находясь между двух огней, вырабатывать стратегию и тактику своего общественного поведения. Благодаря усилиям чеченцев и ингушей в Ярославле их стали лучше понимать. Иногда по несколько месяцев в газетах не встретишь даже упоминания о каких-либо негативных явлениях. А некоторые, на первый взгляд обычные, факты воспринимаются с удивлением, как экзотика. Много добрых и удивленных разговоров было, например, после публикации в газете "Золотое кольцо" очерка "Дивиденды обрусевшего чеченца" — о директоре дома сирот в Первомайском районе области Мусе Ванцаеве. За десять лет Муса не только добился строительства нового корпуса, но и превратил детдом в агрошколу-интернат, создал атмосферу, в которой самые безнадежные воспитанники почувствовали себя людьми.

Удивление Мусой Ванцаевым чаще всего сопровождалось восклицаниями типа: "Надо же, чеченец, а такой умница, возит-ся с русскими детьми".

В 1998 году общество "Вайнах" совместно с азербайджанской, дагестанской и таджикской диаспорами создало отделение Конгресса мусульман России (КМР). Возглавил ярославское отделение КМР предприниматель Хамзат Идилов.

Судьба Х. Идилова в основном схожа с жизнью сверстников: родился в ссылке, в Семипалатинской области. Родителей выслали в Казахстан. Даже отца, прибывшего в двухнедельный отпуск после ранения при форсировании Днепра, взяли прямо в военкомате Урус-Мартана, куда он явился встать на временный военный учет. В дороге заболел тифом и был снят с поезда как безнадежный больной. Но выжил. В больнице спас врача от нападения психически больного человека. Врач оказалась женой начальника областного НКВД, который в благодарность помог отцу Хамзата отыскать мать с братом и сестрой.

В Грозный семья вернулась в 1963 году. Отец заболел ту-

беркулезом, был переведен на инвалидность. В 1980 году вновь вызвали в военкомат, чтобы вручить медаль, но он отказался от награды.

Хамзат Идилов прошел по многим ступеням своих сверстников: работа в сезонных бригадах строителей, монтажное управление в Краснодаре, служба в армии, работа водителем, а в 1978 году, после окончания Московского кооперативного института, работал в Любиме директором торгового объединения. Через два года его перевели председателем райпотребсоюза в один из самых отсталых районов — Мышкинский. За одиннадцать лет он наладил торговлю, жители района впервые за многие годы стали есть настоящий хлеб. До 1992 года Х. Идилов был избран депутатом областного Совета, членом Малого совета и членом комитета по промышленности и торговле.

— В Ярославскую область я попал по воле случая, — рассказывает Хамзат Идилов. — Но остался жить здесь потому, что область живет по законам, а не по прихоти руководителей. Известно, что даже при плохом законе жить легче, чем при хорошем руководителе. Потому нам и сегодня легче находить общий язык с руководством города и области, с силовиками — УВД, прокуратурой, ФСБ. Нам удалось создать очень спокойную диаспору. Совет старейшин имеет большой авторитет. Мы никому не отказываем в помощи, но и не прощаем нарушителей. Хотя наша главная забота — предупреждать нарушения. Русские иногда забывают, что у чеченцев с рождения обостренное чувство собственного достоинства. Это черта национальная. И в трагическом случае в Мышкине, видимо, не обошлось без оскорбления... Мы действуем решительно. Когда однажды чеченец совершил недостойный, с нашей точки зрения, проступок, мы предложили ему покинуть пределы области. Решение общины было для него большим ударом, он покончил с собой...

Работа отделения КМР пересекается с деятельностью общества "Вайнах". Но если у "Вайнаха" главная задача — реше-

ние ближайших конкретных дел, то Конгресс работает на опережение, на устойчивую перспективу.

"Активная культурная и общественная позиция общества "Вайнах", безусловно, способствует созданию доброжелательной атмосферы, необходимой для решения многих важных задач по стабилизации межнациональных вопросов" – так заканчивается страница в Интернете, посвященная чечено-ингушской диаспоре в Ярославле.

Азербайджанская национально-культурная автономия

По своей численности азербайджанская диаспора стоит на втором после татар месте.

Большинство сведений о состоянии экономики и демографической ситуации в Азербайджане, публикуемых в российских СМИ, крайне противоречиво. По данным переписи, число жителей в Азербайджане составляет около 8 млн. человек, что почти вдвое превышает фактическую численность. Около половины из них живут в России на положении диаспор. По утверждению президента Г. Алиева, экономика страны на подъеме. По сведениям уехавших из страны азербайджанцев – полный упадок, который не удастся преодолеть после войны за Нагорный Карабах.

Натянутыми остаются отношения между Россией и Азербайджаном. Особенно они обострились накануне и после подписания соглашения о строительстве нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан (Турция), то есть в обход России. Это в некоторой степени спровоцировало обещание президента России ввести визовый режим с Азербайджаном, под видом ограничений проникновения в Россию криминалитета. Сообщение вызвало настоящую панику как среди азербайджанских диаспор, так и со стороны Г. Алиева, который вынужден был признать, что для его страны станет непредсказуемым бедствием возвращение даже половины из 3 млн. азербайджанцев, находящихся сейчас в России. Разговоры о ви-

зовом режиме почти год держали в напряжении руководство Азербайджана. В июне 2000 года было достигнуто соглашение о том, что визовый режим пока вводиться не будет.

В азербайджанской диаспоре Ярославля не прослеживается, в отличие от ингушей и чеченцев, четкой системы в создании прочной основы для оседлой жизни. В прошлом основу землячества составляли нефтяники и нефтепереработчики, студенты вузов, рабочие. С отделением Азербайджана неконтролируемый процесс миграции способствовал наводнению российских городов, в том числе и Ярославля, торговцами и мелкими предпринимателями. Рыночная, а точнее базарная, специализация создала мощное поле напряженности вокруг диаспоры. Резкие публикации СМИ, частые конфликты, жесткие акции ОМОНа вынудили старейшин диаспоры взяться за решение "внутренних проблем" и постараться "ввести в оглобли" своих соотечественников. Еще раньше, то есть до создания автономии, в области были зарегистрированы "Общество Азербайджан" и "Фонд поддержки азербайджанской культуры". Но заметного влияния на диаспору они не оказывали. В 1998 году с созданием "национально-культурной автономии" положение постепенно стало меняться.

Цели и задачи автономии – способствовать сохранению исторического и культурного наследия азербайджанцев, их языка, традиций и образа жизни, оказывать практическую помощь в адаптации вынужденных переселенцев, быть связующим звеном между властями и диаспорой, держать в поле зрения межэтнические отношения.

Из 17 тыс. азербайджанцев около 5 тыс. проживают в Ярославле, а остальные – в Ростове, Рыбинске и других населенных пунктах области.

Руководство диаспорой осуществляет президиум в составе семи человек. Во главе стоит Сиявуш Мамедали оглы Ибрагимов. Как и Нур-Эл Хасиеву, ему 39 лет. Возглавил президиум по праву ярославского старожил.

С. Ибрагимов в 1984 году окончил Воронежский политехничес-

кий институт, по специальности инженер-электронщик. До 1996 года работал на ярославском заводе "Машприбор". После банкротства завода ушел в предприниматели. Основное направление – торговля. Но есть планы создания производства. Считает себя вполне обрусевшим, жизнь в Ярославле его вполне устраивает.

Пока руководители диаспоры не имеют полных сведений о ее социальном положении. Но признают, что главные занятия ее представителей – торговля и мелкий бизнес. Несколько человек возглавляют сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия. В органах управления областью остались в основном те азербайджанцы, которые начинали там службу еще до развала СССР. Новым кадрам доступ в управленческие структуры ограничен. Это беспокоит руководство диаспоры. В случае любых конфликтных ситуаций у них нет защиты "сверху". В целом отношение принимающего общества к азербайджанцам негативное. Причин несколько. Главная – установление диктата цен на рынках, когда вся поступающая от частника продукция перекупается по низким ценам и реализуется по крайне высоким. Это один из больших вопросов, который пока не берется урегулировать ни власти, ни силовые ведомства, ни сами азербайджанцы. Ситуация на рынках может сыграть роль детонатора в цепной реакции конфликтов между русским населением и диаспорой. В СМИ неоднократно озвучивалось, что именно диктат цен на рынках привел к резкому сокращению производства мяса в личных подсобных хозяйствах, вкупе с отказом мясокомбината принимать скот от частников и сельхозпредприятий. Видимо, как только будет перерезана пуповина, питающая власть имущих от доходов с рынков: милицию, чиновников – азербайджанцы вынуждены будут под давлением покупателей принять условия, на которых они жили и работали в доперестроечные времена, то есть производить либо привозить и продавать продукцию из Азербайджана: овощи, фрукты, цветы и пр. Сейчас они практически не занимаются этим, а отношение в России к перекупщикам всегда было негативным.

Сотрудники центра "СОЦИС", проводившие осенью 1999 года блицопрос на рынках Ярославля, выявили, что 44 процента всех опрошенных горожан не питали добрых чувств к тем, кто, по их мнению, "является подлинным хозяином местной торговли". При этом причины, провоцирующие подобные настроения, были различными: обман покупателей, недоброкачественные товары, презрение к бедным, то есть неплатежеспособным русским клиентам. Рецепты же, которые предлагали властям ярославцы в качестве меры по искоренению "беспредела на рынках", были одинаковыми, хотя и отличались по степени суровости: 37 процентов всех респондентов выступали за полное выдворение всех южан из коммерции; 20 процентов – за ограничение их присутствия в ней; 15 процентов – за введение специального налога на коммерческую деятельность для лиц "кавказской национальности"; лишь 8 процентов опрошенных заявили, что они не имеют ничего против кавказских предпринимателей (на бытовом уровне горожане воспринимают азербайджанцев как "кавказцев"); 20 процентов – не имели на этот счет определенного мнения²⁶.

За общими цифрами скрывалась одна общая деталь. Негативно оценивали "кавказский фактор" в городской экономике люди, которые крайне редко или в силу необходимости что-либо покупали у южных торговцев (две трети опрошенных). Причем наиболее резкие высказывания исходили от респондентов из возрастных групп до 17 и старше 50 лет. Пенсионеры и горожане предпенсионного возраста требовали наведения порядка в торговле, "такого, как при советской власти, когда кавказцы уважали законы"²⁷.

Подростки, которым предстоит включение в трудовую жизнь, связывали свое отрицательное отношение к ним с ухудшением или неопределенностью социальных перспектив для себя и своих семей. Иллюстрацией может быть формулировка ответа одно-

²⁶ МК в Ярославле. 1999. 7 сентября.

²⁷ Городские новости (Ярославль). 1999. 18 августа.

го из них на вопрос о причинах антипатии к нерусским бизнесменам: "Почему наши родители с утра до вечера вкалывают у станка на моторном заводе, по полгода не получают зарплату, а эти не работают или стоят на базаре, а все ездят на иномарках? Почему они жируют на чужой земле, а мы на своей голодаем?"²⁸

Поразительно, но тот же рефрен возмущения "своим положением бедного родственника в собственном доме" сопровождает письма читателей старших возрастных групп в местные газеты. Создается впечатление, что этот общественный настрой питают опасения коренных жителей, что "нерусских становится слишком много", а власти не хотят (или не умеют) упорядочить ситуацию. Есть и такие письма, авторы которых подозревают, что власти в сговоре с рыночными кланами южан. Чтобы подтолкнуть власть к решительным действиям против "распоясавшихся залетных", создаются инициативные группы, "трудами" которых павильоны мини-рынков время от времени украшают надписи типа: "Кавказцы, вам пора домой, до свидания!"²⁹

Все эти вопросы крайне болезненны для руководителей диаспоры. Они понимают взрывоопасность положения, но и повлиять на ситуацию не могут, ссылаясь на то, что в торговле "крутятся большие деньги", часть которых уходит на поддержание "статус-кво", то есть на взятки тем, от кого зависит спокойное существование бизнесмена.

Другая, не менее трудная проблема, постоянно будируемая СМИ, — обвинение азербайджанцев в торговле наркотиками. Руководство диаспоры попыталось сотрудничать с правоохранительными органами, но вскоре убедилось в бесполезности своих усилий. По словам одного из ее руководителей, он и сам опасается, что дети азербайджанцев, не имеющих отношения к "грязному бизнесу", тоже могут пристраститься к этому зелью. "Мы видим, как милиция берет торговца таким зельем с полиц-

ным. Но, впуская его в одну дверь, сотрудники РОВД тут же выпускают через другую. И все это под видом, что трудно доказать. У меня нет фактов. Но уверен, что в торговле наркотиками заинтересованы и торговцы, и милиция, и спецподразделения. Здесь тоже большие деньги, которые покрывают виновных. А массовые наезды ОМОНа, как правило, неэффективны. В них страдает много невинных".

По рассказам рядовых милиционеров, они даже не задерживают за открытую продажу наркотиков, так как на их выручку приезжают не только авторитетные соплеменники, но и высокие милицейские чины. В результате виноватыми оказываются постовые милиционеры, задержавшие торговца с поличным.

Выход из этого порочного круга еще предстоит найти. Во всяком случае, руководители диаспоры готовы к сотрудничеству. Только не знают — с кем.

Война за Нагорный Карабах отразилась на отношениях диаспоры с армянами. В первый год войны отношения между ними были напряженными. Но впоследствии обе диаспоры примирил бизнес. Как из Армении, так и из Азербайджана от войны уехало немало лиц призывного возраста. Одни объясняли это протестом против войны, другие не скрывали, что опасаются за жизнь своих семей.

Многие представители диаспоры старались не выезжать в Азербайджан, так как боялись насильственной вербовки в армию и отправки на фронт.

В последние годы руководству диаспоры, по утверждению С. Ибрагимова, удалось «поставить под контроль всех вновь прибывающих и "челноков"». Информация поступает очень быстро, что позволяет до минимума сократить число "залетных". Удалось убедить членов диаспоры, чтобы непременно объясняли приехавшим соотечественникам — что можно, что нельзя".

— Если человек совершил серьезное нарушение, — говорит Сиявуш Ибрагимов, — то по сигналу представителя проводим воспитательную работу. Иногда хватает разговора. Кодекса нака-

²⁸ Караван-Рос (Ярославль). 1999. 2 сентября.

²⁹ Городские новости (Ярославль). 1999. 18 августа.

заний нет, но в качестве крайней меры предлагаем покинуть территорию области. И проследим, чтобы уехал. Мы стараемся не позволять позорить нацию и город, в котором живем. Иногда меня спрашивают: как нарушения со стороны азербайджанцев увязываются с верой, с исламом? Мы не делим представителей диаспоры на верующих и неверующих. В душе у каждого вера есть. В мечеть ходят 1–2 процента, в основном живущие в Ярославле. Наши люди щедры и делают значительные взносы на нужды мечети. Одно неудобство – жертвуют анонимно, а в мечети стараются вести учет поименно. Для нас мечеть – святое место, и не более. Мы вне политики, и все распри в мечети для нас вдвойне неприятны. Я не сторонник строительства новой мечети. Хотя ее и решили строить как мемориальную. Но она, по-моему, еще больше разъединит мусульман.

В отличие от чеченской диаспоры азербайджанцы только-только начали наводить порядок в своей среде. Но и эти первые шаги показали, что изменение ситуации в лучшую сторону вполне возможно. С большим успехом провели “День Азербайджана” на фестивале “Ярославские гуляния”, создали свой ансамбль, даже провели соревнования по футболу, в которых участвовало пять команд.

Одним словом, спокойно или конфликтно будут входить в среду коренного населения азербайджанцы – зависит только от них самих.

Дагестанская диаспора

Дагестан для русских – одна из самых привлекательных республик. Он всегда был своеобразным эталоном межнациональных отношений. Таким “мини-СССР”, в котором на небольшой территории мирно уживаются представители 60 национальностей. Здесь была масса национальных школ, газет, книг. Уме-

ние жить в дружбе с людьми разных национальностей дагестанцы принесли и на ярославскую землю.

Сказочно повезло Дагестану, имеющему такого поэта, как Расул Гамзатов. Его книга “Мой Дагестан”, изданная в 60-е годы, долгое время, по нынешнему определению, числилась в бестселлерах. Написана афористично, в стиле русской классической литературы. С юмором о серьезном, небольшая по объему, но необычайно емкая, она буквально влюбила читателей в Дагестан, в его народ, в его поэтов и мудрецов типа Абуталиба. А удачно найденное “Абуталиб сказал...” приравнивало его к сонму древних мудрецов. Аулы Гуниб и Кубачи приобрели мировую известность не только благодаря своим искусным мастерам по металлу, но и книгам Р. Гамзатова.

В Ярославле дагестанское землячество образовалось в 60-е годы. Его первыми представителями были мастера народных промыслов: ювелиры, чеканщики по металлу. В 1974 году после трагического землетрясения Ярославская область приютила большое число дагестанцев, значительная часть которых осталась здесь на постоянное жительство. Немало выпускников ярославских вузов из Дагестана также предпочли остаться работать в Ярославле. К 1999 году численность дагестанской диаспоры выросла почти до 4 тыс. человек. Около тысячи человек ежегодно заняты доставкой и реализацией населению в основном сельскохозяйственной продукции. По данным сайта в Интернете, в состав культурного центра “Дагестан” входят представители разных профессий: строители, врачи, учителя, работники правоохранительных органов, работники сельскохозяйственных предприятий, фермеры, предприниматели. По спектру профессий и сфер деятельности дагестанцы ближе примыкают к татарам, чем к другим мусульманским этносам. Именно это во многом предопределило доброе отношение русского населения к выходцам из Дагестана, осевшим в городе на берегах Волги.

Ярославская региональная организация «Культурный центр “Дагестан”» была зарегистрирована в январе 1996 года. Устав цен-

тра в основном схож с аналогичными документами других диаспор: объединение усилий граждан по сохранению мира и дружбы между народами, консолидация граждан и юридических лиц среди народов, соединенных общей судьбой, уважение к отечеству предков, сохранение и пропаганда истории, культуры и религии, обычаев и традиций народов разных национальностей.

В создании центра и его деятельности принимали участие авторитетные члены диаспоры: М. Шахкеримов, К. Ильясов, А. Далгатов, Э. Магадов, А. Аликулиев, И. Гаджиев, Ю. Калмыков и др. В Ярославле широко известны фамилии профессора ЯрГУ Г.М. Нажмутдинова, генерального директора ООО "Эко – Недра – Плюс" Ю.П. Калмыкова, руководителя подразделения ГНПП "Недра" Я.М. Курбанова. Если в других диаспорах не принято афишировать межнациональные браки, то дагестанцы, наоборот, гордятся, что у них много интернациональных семей.

Для дагестанцев забота о родных местах священна. Все СМИ области приводили как показательный факт – выезд в первые дни чечено-дагестанского конфликта на родину добровольцев для участия в защите своей земли от боевиков, вторгшихся в Ботлихский район Дагестана. Председатель культурного центра "Дагестан" Яраги Курбанов несколько раз обращался к ярославцам с просьбой оказать помощь в восстановлении разрушенных войной сел. Горожане откликнулись. Вскоре два вагона с гуманитарной помощью были отправлены в Дагестан. Жителям сел Новолакское, Новокули, Гамиях, Чараволи и др. была оказана адресная помощь в соответствии со списками, составленными главами местных администраций.

Пока шли бои с бандитами, решившими отколоть часть Дагестана и создать на этой территории независимое исламское государство, администрация Ярославской области была всерьез озабочена возможными столкновениями дагестанцев и чеченцев на территории области. Представители дагестанской и чеченской диаспор выступили с заявлениями в печати, что враждовать не собираются.

Член совета чечено-ингушского общества "Вайнах" В. Ра-суханов:

– Чечено-ингушская диаспора озабочена происходящими событиями. Надеемся, что за пределами зоны военного конфликта не будет никаких стычек между чеченцами и дагестанцами.

Говорит председатель КЦ "Дагестан" Я. Курбанов:

– Уверен, что военный конфликт в Дагестане не перерастет во вражду между чеченцами и дагестанцами, хотя ситуация вдвойне унижительна и позорна тем, что вооруженное вторжение осуществлено со стороны соседей, которым дагестанский народ во время недавней войны в Чечне оказывал гуманитарную помощь, принимал беженцев, предоставлял свои дома для женщин, стариков и детей. И все же случившееся не имеет никакого отношения к чеченскому народу в целом, это проявление политики третьих лиц³⁰.

Для ярославцев, как и для большинства населения России, так и остаются необъясненными вопросы. Почему боевикам помогали местные жители, превращая свои дома в оборонительные сооружения? Почему боевики беспрепятственно и организовано ушли в Чечню? (Тем более, что подобный случай был в станице Первомайской.) Почему бездействовали спецслужбы? Ведь строительство укреплений, по сообщениям печати, шло почти полгода. Создается впечатление, что "третьих лиц" знают по именам. Но назвать их вслух никто не решается. Местные власти всегда опасаются пусть даже небольших стычек на территории области, так как это может создать тлеющий очаг напряженности между диаспорами с непредсказуемыми последствиями.

Как один из способов защиты от случившегося, в Дагестане был принят закон "О запрете ваххабистской и иной экстремист-

³⁰ Золотое кольцо (Ярославль). 1999. 11 сентября.

ской деятельности на территории республики Дагестан". Аналогичный закон поспешила принять Ингушетия. Парламент Татарстана готов последовать их примеру. В СМИ предлагалось принять общероссийский закон, пока подобные акты не произошли в регионах, где проживает компактное мусульманское меньшинство.

СМИ неоднократно предупреждали, что акцию "Вихрь-Анти-террор", начавшуюся после событий в Дагестане, не только спровоцировали, но и предусмотрели ваххабиты, вторгшиеся в Ботлихский район Дагестана. Что бы ни говорили о привычках кавказцев к тотальным проверкам, избиениям, требованиям "этнических отступных" — все же возможная ответная реакция, особенно со стороны дагестанцев, могла последовать. К счастью, этого не случилось. Хотя в результате жесткого прессинга в отношении "лиц кавказской национальности" в Москве — Ярославль и другие соседние города были переполнены выходцами из мусульманских республик Северного Кавказа. В Ярославле, как уже отмечалось выше, эта акция не носила столь жесткого давления. Сказывалась работа руководителей мусульманских диаспор, подтвердивших лояльность своих соотечественников. Посчитав Ярославль городом в этом отношении благополучным, МВД потребовало выслать в Москву отряд милиции в 150 человек для проверки паспортного режима. Областная Дума выступила против. Мол, каждая территория должна сама решать свои проблемы.

Глава одиннадцатая

НЕНУЖНЫЙ КОНФЛИКТ

лубокой и до сих пор не затянувшейся раной в сознании мусульман Ярославля остался конфликт в мечети, связанный с имамом Зуфаром Минимуллиным. Многие из верующих до сих пор не знают, кто прав, кто виноват. Слухи и вопросы без ответов бродят пятый год.

Автор не собирается выступать арбитром в духовных спорах, тем более давать оценки происшедшим событиям. Тут, как говорится, даже хороший совет плох. Потому читателям предстоит самим оценить приведенные факты и сделать свои выводы. Возможно, этот конфликт объяснит причину напряженности в общине мусульман, которая отрицается большинством верующих. Но она есть. Никто не отрицает, что мечеть уже не является единственным объединяющим центром. Число ее прихожан почти не увеличивается.

Было немало сомнений при включении данной главы в книгу. И все же автор решился — руководствуясь не желанием "вынести сор из избы" или поиском "жареных фактов", а чтобы дать представление об обстановке в мечети в первые годы ее существования.

Тогда фактором размежевания стало неприятие верующими позиции З. Минимуллина по отношению к человеку, который стоял у истоков восстановления соборной мечети. В сознании верующих имам воспринимается без предубеждений, считается духовным наставником и уже поэтому не может быть недостойным человеком. Верующие мусульмане беспредельно доверчивы. Таким доверчивым человеком был и Габдула Ярулин.

Еще до передачи здания мечети верующим он в мае 1991 года обратился в Уфу к муфтию Т. Таджутдину с просьбой прислать имама. В конце октября из Уфы приехал Зуфар Минимуллин.

Из неопубликованного письма Г. Ярулина в газету "Северный край": "Он представился мне: шейх-хаджи Минимуллин, имам-хатыб Зуфар-хазрат. Не более, не менее. Направления у него не было, и он ответил, что приехал только познакомиться. После осмотра мечети он уехал в Уфу, пообещав, что вернется через 12 дней вместе с женой".

Но к назначенному сроку он не приехал. Г. Ярулин два месяца слал телеграммы в поисках пропавшего имама. С одной стороны, он хотел заполучить человека в мечеть со столь высоким авторитетом, с другой — опасался, что Зуфар не тот человек, за которого себя выдает. Его немотивированная задержка с возвращением в Ярославль невольно усиливала подозрения. Наконец, он во второй раз написал письмо в ДУМ Уфы. Повторное обращение к Т. Таджутдину позволило вернуть в Ярославль задержавшегося имама.

17 января 1992 года, будучи тогда председателем Совета мечети, Г. Ярулин подписал решение Совета о вступлении в обязанности имама З. Минимуллина "в связи с назначением его Духовным управлением мусульман Европейской части СНГ и Сибири имам-хатыбом 198 Ярославской махалля, входящей тогда в состав ДУМЕС".

"Через несколько дней я спросил его о документах, — пишет далее Г. Ярулин. — Но ничего у него не было, кроме загранпас-

порта. А после нескольких встреч я понял, что З. Минимуллин приехал к нам не ради любви к ярославским мусульманам, не ради того, чтобы мусульманскую веру в Ярославле поднять на уровень Саудовской Аравии. Он всего-навсего оказался выпускником каких-то провинциальных курсов по подготовке мулл. Учился всего год. Поэтому, куда бы его ни посылали работать, везде ему отказывали из-за слабой подготовки. Мечеть тогда не была еще полностью возвращена мусульманам. Требовалось много ходатайств. Новоиспеченный имам не пожелал не только хлопотать, но даже встретиться с городскими властями".

Совсем другим человеком представляется Зуфар-хазрат верующим. Его неприязнительность к быту, скромность в одежде, участие в самых трудных и грязных работах, одаривание прихожан недорогими знаками внимания — все это создало ему авторитет близкого к народу человека. Естественно, что бытовые "обычности" переносились ими и на духовный образ имама. Три года спустя, не сговариваясь, несколько авторитетных мусульман дадут З. Минимуллину характеристику "как хорошему актеру". Его "бедственное положение", плохая одежда и даже непарные ботинки были, по их мнению, "лишь актерским приемом". Пользуясь бесконтрольностью в использовании общественных средств, он раздавал щедрые подарки тем, кого хотел расположить к себе, сделать своей опорой в общине.

Через четыре месяца Г. Ярулин потребовал от имама трудовую книжку для официального оформления. Почему-то это вызвало немотивированный гнев со стороны имам-хатыба. На вопрос о том, как же определиться с выплатой зарплаты, Зуфар разозлился еще больше. И то верно — зарплата его просто не интересовала. Все поступающие в мечеть средства он расходовал по своему усмотрению. Если учесть, что в период ее восстановления финансовая помощь поступала не только от прихожан, но и от многих организаций, предприятий и зарубежных спонсоров, то эти средства, похоже, были немалыми.

Г. Ярулин переживал. И за то, что нет общественного конт-

роля за расходом средств, и за то, что верующие в мечеть ходят нерегулярно. Даже на пятничную молитву народу ходит все меньше.

Из неопубликованного письма Г. Ярулина в "Северный край":

"Хотя звание у Минимуллина звучит громко, но звучит оно в пустом зале. По его мнению, в Ярославле нет порядочных мусульман, а общество стариков его не интересует. Да и в Ярославле он долго жить не собирается, так как в деревне в Башкирии у него есть дом, хозяйство, которые он не хочет менять на голодный Ярославль".

— Прошло всего девять месяцев, — вспоминает Замиля Ярулина, — и мы поняли, что за человек наш имам. На попытку моего мужа Г. Ярулина навести порядок в финансовых делах З. Минимуллин обозвал его сатаной, шестеркой, которая не больше, чем буфер между ним и верующими. Более того, запретил Габдуле посещать мечеть. Все письма, которые слал Габдула в Уфу, возвращались к Минимуллину, что еще более озлобляло его. Прихожан он настроил так, что если он уйдет, то мечеть закроют. Наиболее приближенных одаривал подарками. Никто не мог понять, куда пропал вагон материальной помощи из-за границы. Габдула перенес два инфаркта — очень переживал, что дело, которому он отдал столько сил, гибнет. Ушел со своей должности казначей Шайдулин, так как не мог дальше работать с нечестными прихожанами, сплотившимися вокруг имама. Вскоре Г. Ярулин умер, и Минимуллин запретил хоронить его по мусульманскому обычаю. Даже на 40-й день не позволил совершить обряд. Но Аллах наказал его...

А случилось так, что З. Минимуллин попал в автокатастрофу и долго лежал в больнице. Перенес восемь операций на ноге. Когда вышел, с аппаратом Илизарова на сломанной ноге, включился в ремонт мечети. Старался вовсю, но прихожане стали замечать, что Зуфар-хазрат пристрастился к спиртному. Мно-

гие не хотели верить, другие пытались найти оправдание. Мол, выпивает, чтобы легче переносить боль. Сами великие труженики, они не могли не оценить вклад этого человека в возрождение святыни. Поэтому не хотели признавать очевидное.

В газетах о мечети и имаме писали тогда больше с точки зрения восточной экзотики, под заголовками типа: "В гостях у шейха", "Шейх живет в Ярославле" и т.д. Совет мечети не мог исправить создавшееся положение. Не было окончательной ясности. Кто кому подчиняется? Кто кем управляет? Ни старшие активисты общины, ни приходский совет при мечети тоже не смогли нормализовать обстановку.

Исправить положение взялись женщины. По их настоянию была проведена ревизия, выявившая значительные финансовые нарушения. На собрании ревизионной комиссии представитель чеченской диаспоры Ю. Костоев сказал: "Жаль, что нарушения выявили не вы, аксакалы, а женщины. Они оказались более смелыми, чем вы. Вы видели все финансовые нарушения хазрата, но боялись ему сказать об этом прямо в глаза. Вам нужно бояться не хазрата, а Аллаха. Спасибо женщинам, которые сумели вам, аксакалы, открыть глаза"¹.

Собрание признало работу Религиозного объединения мусульман Ярославля неудовлетворительной и решило ходатайствовать перед ДУМЦЕР о немедленном освобождении З. Минимуллина от должности имама, обязав его "возвратить целевую квартиру и погасить задолженность в кассу".

З. Минимуллин отказался выполнить эти требования, несмотря на то, что ему пригрозили "духовным судом ДУМЦЕР" и даже передачей дела в следственные органы.

В январе 1996 года решено было обратиться в отдел юстиции Ярославской области, куда и передали протоколы трех собраний, акты ревизии с подписями верующих с просьбой разрешить конфликт. Письмо подписали 120 татар, 163 ингу-

¹ Из протокола заседания ревизионной комиссии 01.12.95 г. Архив автора.

ша и чеченца, 316 азербайджанцев, 75 таджиков.

Однако отдел юстиции не имел права вмешиваться в религиозные дела и посоветовал передать жалобу в ДУМЦЕР.

Как ни старались в мечети сохранить конфликт в тайне, газета "Городские новости" 20 июня 1996 года в статье "Деньги верующих бесхозны" рассказала о финансовых нарушениях в мечети и поддержала мусульман, которые "нашли в себе смелость" публично решить проблему использования жертвенных денег в противостоянии с имам-хатыбом З. Минимуллиным².

Муфтий Равиль Гайнутдин, к которому обратились верующие, ответил, что все должны решить сами прихожане. Но в Ярославль все же приехал. На собрании присутствовал скорее как наблюдатель, которому важнее было видеть, как решает сложный вопрос сама община. В конечном итоге З. Минимуллин был освобожден от должности имам-хатыба городской соборной мечети, а по решению ДУМЦЕР – утратил духовное звание. На неоднократные просьбы автора к З. Минимуллину о встрече и прояснении позиции другой стороны реакции не последовало.

В Ярославле по-прежнему действует Религиозное объединение мусульман, функционирует мечеть. Но махалля все еще не восстановила единство своих рядов. От мечети дистанцировались мусульмане других диаспор: чеченской, азербайджанской, дагестанской. Они организовали молельные комнаты при офисах, приглашают духовных лиц на дом.

Казалось бы, наученное неудачей с "назначенным имамом" РОМ будет подходить более взвешенно к новым назначениям. Но, как мы уже отмечали прежде, через два года после увольнения З. Минимуллина оставил пост председателя этой организации А. Гайнутдинов, порекомендовав на свое место М.Н. Яфясова, человека скорее светского, ориентированного на практические дела, а не на вопросы богословия. С приездом в Ярославль нового имама Рустама-хазрата Батрова вновь возникли

трудности. На естественное требование имама создать ему хотя бы элементарные бытовые условия М.Н. Яфясов предложил иное. Сначала нужно показать себя в деле, а через несколько лет решим все бытовые вопросы. Терять пришедшегося по душе верующим Рустама-хазрата не хотелось, и назревшую напряженность между лидерами общины верующие сняли, проголосовав на общем собрании за замену М.Н. Яфясова на посту председателя РОМ новым человеком. Им стал М.С. Гарайшин.

Можно построить еще одну мечеть, и еще одну, но положение от этого в общине вряд ли изменится. Наверное, потребуется немалое время, чтобы "утрастились" обиды, взаимные претензии, связанные с амбициями, предпочтениями, личной неприязнью в рядах приверженцев мусульманской религии. Впрочем, это сюжет уже другой истории. Начало для нее уже есть. Это конкретные дела ее духовных наставников и их помощников. Несколько лет действует при мечети воскресно-приходская школа (медресе). Благодаря кипучей энергии Рустама-хазрата она пользуется большой популярностью среди татар разных возрастных групп. С "бабушками" ведет занятие Тунджай-хазрат. Обучает арабскому языку, читает с ними Коран, хадисы.

Рустам-хазрат и Муса Исаев ведут занятия с молодежью и средней возрастной группой. Здесь программа обучения посложнее. Преподают основы религии, история ислама, татарский и арабский языки. Три раза в неделю занимается с верующими арабским языком Муса эфенди, не отказывает и в дополнительных уроках. Его конек – грамматика. "Страшные" породы арабских глаголов умеет объяснить так, что легко усваивают даже дети.

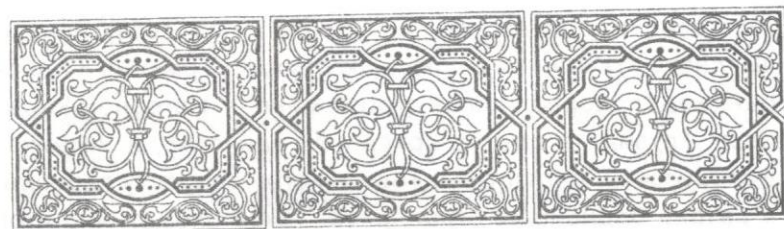
Но главную работу с младшей возрастной группой проводят женщины: Рушания Байбикова, Айсылу Батрова и Фатыма Исаева. Детям очень нравятся конкурсы, соревнования и, конечно же, подарки участникам и победителям одновременно. С учетом всех возрастных групп медресе посещают 50–60 человек.

Налаживается в мечети выпуск религиозной и богословской литературы. Недавно вышла в свет на ярославской земле книга

² Городские новости (Ярославль). 1996. 20 июня.

известного турецкого ученого Х. Баша "Ислам: секрет становления".

Немалая заслуга мечети и в том, что она помогает в организации местных махалля в Некрасовском, Переславском и Рыбинском районах области, проводит благотворительные мероприятия.

Глава двенадцатая

БЫТОВОЙ НАЦИОНАЛИЗМ

этим явлением в повседневной жизни мы сталкиваемся чуть ли не каждый день. Его можно определить как немотивированные, спонтанные вспышки неприязни или вражды к людям другой национальности или веры, в том числе и со стороны представителей титульной нации по отношению к национальным меньшинствам.

С распадом СССР все бывшие братские республики, а ныне независимые государства в первую очередь занялись не экономикой и устройством жизни, а национальным строительством. Главным стал мотив о национальной исключительности во всех сферах жизни – в экономике, литературе, кино, философии, традициях. А также тезис: наконец-то мы освободились от российского гнета и, обретя свое национальное достоинство, заживем по-человечески. Что произошло дальше, известно всем. Узбекистан и Туркмения выстояли благодаря жесткой политике своих президентов, Казахстан – за счет сырьевых ресурсов, Россия – потому, что необыкновенно богата ими, республики Прибалтики – за счет транзитных коридоров для российс-

ких товаров. Кавказские республики почти сразу начали выяснять отношения с помощью оружия: Армения и Азербайджан "подорвались на старой мине" — Нагорном Карабахе, Грузия не смогла сохранить единство, а Украина, Белоруссия, Киргизстан и Таджикистан попросту перешли в разряд беднейших стран мира. Таков схематично итог "национальной самостоятельности". СНГ также держится на зыбкой основе — за счет практически бесплатной поставки энергоносителей из России.

Не избежала соблазна проявить свою национальную исключительность и Россия. Некоторые СМИ стали убеждать граждан в исключительности русского народа, который в «ущерб себе поставил на ноги "захудалые окраины Российской империи"». При этом, не стесняясь в выражениях в адрес "неблагодарных" собратьев по "исторической общности", печатали анекдоты, задевающие национальные чувства других народов. Власти перестали вмешиваться в эти взаимные нападки, тем более что новый закон о печати позволял работать на грани фола.

Вытеснение русских из бывших республик Средней Азии, Кавказа и Прибалтики часто вызывало ответную реакцию со стороны русских, но пока только на бытовом уровне. Государственной политики в отношении оставшихся за рубежом соотечественников не было.

Более или менее уладив экономические проблемы, Россия все больше будет озадачиваться проблемами этническими и этноконфессиональными. Учрежденное Министерство по делам национальностей должно озаботиться созданием политическими и экономическими методами системы национальной безопасности (концепция национальной безопасности утверждена 10 января 2000 года) во всех сферах жизни: социальной, профессиональной, культурной и особенно религиозной. Пока же результатов от его практической деятельности никто не ощущает. Не исключено, что его просто расформируют. А между тем история напоминает, что межэт-

нические и межконфессиональные конфликты чреваты непредсказуемостью. Случались ли такие конфликты в дореволюционном Ярославле? Конечно. В том числе и спонтанно. Известно, например, что предводитель Ярославского отделения "Союза русского народа", именуемого в народе "черной сотней", врач Кацауров ненавидел всех нерусских. Татары это знали и старались не подавать повода. Тем не менее, в 1906 году без всякого повода на мусульманском кладбище черносотенцы напали на мусульман. В них бросали палки, камни, испортили несколько надмогильных памятников. Заведенное полицией дело закончилось ничем. Мусульманам объяснили, что они сами учинили драку, а господин Кацауров со товарищи только наводили порядок.

Ярославские черносотенцы были "летучим отрядом", который натаскивали, в том числе и на инородцев. В то время особо не скрывали, что "Союз русского народа" находится на содержании полиции. Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон освятил их знамя и как бы благословил на "добрые дела" по защите народа русского. А так как инородцами были в основном мусульмане и евреи, не нужно особых догадок, чтобы уловить параллели в общей направленности действий православной церкви и черносотенцев. Уже говорилось, что к этому тандему негативно отнеслась передовая интеллигенция России, обвинив церковь в потворстве реакционным силам, в том числе дружинникам из "Союза русского народа". Трусливые "защитники" русского народа побаивались революционеров, так как у них были свои боевые дружины. Потому и воевали черносотенцы в основном с инородцами.

Понимая это, старейшины городской мусульманской общины встретились в 1906 году с сотником размещенных в городе черкесов и попросили защиты. Заметим, что после первой русской революции полицейское управление каждого губернского города старалось заполучить черкесов, как наиболее жестоких в подавлении забастовок и других открытых выступлений про-

тив властей. В городе их не любили. Мещане просто боялись, а купцы за то, что кавказскую сотню приходилось содержать на "кровные" деньги.

Сотник обещал единоверцам защиту. И при первой же стычке с забастовщиками черкесы хлестали нагайками не столько рабочих, сколько черносотенцев. На выговор полицейских чинов сотник отвечал: "Аллах их разберет, — сказано разогнать, мы разогнали..."

Двадцатые годы были наиболее спокойными в отношении мусульман. Но в начале 30-х годов, когда число татар перевалило за некий "критический предел", то есть они попросту чаще попадались на глаза, ссоры и потасовки между ними и русскими возникали довольно часто. Так, на 2-й партийной конференции строителей резиноасбестового комбината секретарь комитета комсомола Поташов признал, "что случаи травли нацмен случаются все чаще, хотя видимых причин для вражды нет. Чаще всего это происходит на почве пьянства и зачинщиками ссор являются русские".

Несколько дел было передано в суд, причем почти все судебные заседания были показательными, а наказание максимально возможным. Так, одно из таких постановлений предписывало "учеников школы ФЗУ за явно шовинистические и хулиганские выходки (избиение нацмена Шайхутдинова и учеников школы Стройуч), устроивших драку с татарами на берегу Волги 13 и 17 мая 1932 года, предать суду. Организовать показательный процесс, привлекая всю общественность комбината"¹.

Секретари заводских партийных ячеек ежемесячно отчитывались о работе по укреплению интернационализма в пролетарской среде. И, надо сказать, бытовой национализм мало-помалу искоренили. А раз корни вырвали, то и почва, на которую можно было бы бросить семена межнациональной розни, давала хилые ростки. Это подтверждают коренные ярославцы-

татары, дети и внуки довоенных мигрантов, осевших в городе по тем или иным причинам. В качестве иллюстрации приведем несколько ответов на вопрос, который был сформулирован так: "Сталкивались ли Вы с проявлениями неприязни (или вражды) по отношению к себе со стороны русского населения?"

Х. Бикмухаметов:

— По рассказам других мусульман, в некоторых соседних областях татарам живется сложнее. А здесь народ терпимее, добрее. Самое невинное оскорбление от детей — иногда по-казывают полу пиджака, зажатую в кулаке — "свиное ухо". Видимо, кто-то из взрослых научил. Подрастут и поймут, что поступают нехорошо.

Г.К. Киреев:

— Раньше разладов с русскими не было. Да и преследовали за это. А сейчас ни за что ни про что могут сказать "татарская морда". Народ стал злее от трудной жизни. Но не татары же в этом виноваты.

Ч.К. Шарафисламова:

— Конфликты? Один раз пьяный нехорошо обругал меня прямо на заводе силикатного кирпича, где я работала. Тоже наш рабочий. Я думала, Аллах с ним, пьяный ведь. Но работники сказали начальству, и ему тоже досталось. Даже сняли с очереди на квартиру. Мол, ты ругал не только работницу Шарафисламову, всю татарскую нацию. Я ходила в завком, просила не наказывать так строго, сказала, что я прощаю его. Но мне ответили, что надо гордиться своей нацией и не позволять другим позорить ее.

З.У. Ерзин:

— Открытой ненависти нет, но некоторое презрение малость чувствуем. Почему к нам должны относиться хуже только за то,

¹ ЦДНИ ЯО. Ф. 1672. Оп. 2. Д. 17. Л. 41.

что мы мусульмане, читаем Коран, ходим в мечеть? Недавно в окно мечети бросили камень и записку с угрозой. Не думаю, что это против татар. Община большая, народ разный. Но боком достается и нам. Местные татары по образу жизни не отличаются от русских. Мы не завистливы, наоборот, радуемся достатку других.

Так отвечали татары – старожилы города, то есть свои, коренные ярославцы. Сложнее обстояло дело с “чужаками”, пришлыми мусульманскими этносами. Не без влияния некоторых СМИ у коренного населения стал складываться стереотип опасности исламской экспансии или, как говорят в народе, завоевания России “тихой сапой”. После 1991 года в города России переехало на постоянное жительство большое число уроженцев среднеазиатских и особенно кавказских республик. Многие признавались, что выбрали Ярославскую область как регион наиболее благоприятного к нерусским отношения.

С детства, по жизни и литературе, символом изобилия мы привыкли считать восточные базары, а прирожденным торговцем – кавказца. Рассказывали, что в бывших республиках Средней Азии было немало жителей, которые месяц могли носить на базар всего одну дыню, не заботясь о барыше, но их жизнь и душа находилась в кипении разговоров, торгового, неформального общения.

Переход к рыночной экономике был для них своего рода разрешением на инициативу в бизнесе. Через несколько лет уроженцы этих регионов стали уже доминировать на рынках российских городов. Пока русские “отмечали” и гадали, как распорядиться свалившейся свободой и “на халяву” доставшимися ваучерами, “кавказцы” заполнили все свободные рыночные ниши. И если в доперестроечное время их положение было маргинальным, то теперь они все больше выступали как хозяева положения, устанавливали свои порядки и цены. Кроме того,

как уже говорилось выше, предприимчивость “кавказцев” сопровождалась побочными криминальными явлениями.

Многим ярославцам памятни события середины 90-х годов в соседней Вологде, когда за откровенно наглое и беспардонное обращение с местными покупателями, за обвес и обсчет все “кавказцы” в одночасье были сняты со своих торговых мест и под конвоем толпы препровождены на вокзал. “Случайно в кустах” оказались два подготовленных поезда, которыми торговцы и были вывезены за территорию области.

Общественный резонанс был огромным, и не только в Вологде. В газетах и передачах центрального телевидения на словах осуждалось беззаконие “вологодских националистов”. Но между строк улавливалось нескрываемое одобрение их радикальных действий. Самой интересной оказалась развязка. “Кавказцы” прислали в Вологду делегацию и дали обещание, что, если им разрешат вернуться, то работать они будут без нарушений. И слово свое держат, так как понимают, что в противном случае может пострадать все торговое сообщество.

Более драматичный случай произошел в небольшом районном городке Ярославской области Мышкине. Ингуш Х. Костоев смертельно ранил из пистолета водителя автобуса районного отделения Сельхозхимии С. Хрусталева. Спор произошел из-за навета, в котором Х. Костоев не считал себя виновным. Оскорбления в свой адрес не стерпел и “смыл кровью”. Потом сам же отвез С. Хрусталева в больницу, а затем явился в милицию с повинной.

Казалось, все ясно. Есть погибший, есть убийца и его чисто-сердечное признание. Начали следствие. Судьбу виновного должен был решить суд.

К этому времени в Мышкине и районе проживало более двухсот ингушей, четыре чеченца и около сотни армян. Для населения маленького городка это был сильный раздражающий фактор. Годы были голодные. Положение усугублялось падением производства и массовой безработицей. Недовольство южана-

ми, которые "при попустительстве властей захватили город", живут лучше русских, да еще и убивают, зрело давно. С. Хрусталева хоронило все население города. Это была фактически антикавказская демонстрация. Беспорядки начались сразу же после похорон. Толпа начала разбивать автомашины кавказцев, а председатель дорожного кооператива А. Аванесян вынужден был отстреливаться, чтобы защитить себя и свою семью от худшего. В его квартиру ломались какие-то люди.

Стихийно возник митинг. На улице требовали выселения всех южан из города в 24 часа. В Мышкин срочно прибыли руководители области и подразделение ОМОН. Митинг продолжался четыре дня, а переговоры с сессией райсовета уже вел срочно образованный гражданский координационный комитет "Родина".

"В конце концов, сессия остановилась на решении, которое позволяет обойти рифы неконституционности и спасает честь депутатов в глазах народа: "Предложить гражданам южных национальностей (?) серьезно продумать вопрос о целесообразности проживания в районе в сегодняшней ситуации. Провести встречи руководства района и гражданского координационного комитета "Родина" с руководителями национальных групп по этому вопросу"².

Председателя райпо Х. Идилова сессия лишила "полномочий и места работы". Считалось, что Х. Костоев был "из клана" Х. Идилова.

В связи с болезнью сына Х. Идилову за несколько месяцев до конфликта посоветовали сменить климат, и он фактически уже переезжал в Грозный. В Мышкин приехал, чтобы решить вопрос о сложении с него депутатских полномочий и уволиться с работы. Его выступление на митинге, где он заступился за находившегося в больнице главу районной администрации Г.А. Замятина, и упоминание о том, что он немало сделал для снаб-

жения района продовольствием, вызвало еще большее озлобление. Кто-то крикнул: "Кровь дороже хлеба!"

Х. Идилов выехал из Мышкина. Еще 14 семей с техникой и скарбом омовцы сопровождали до границы района.

Ингушам было непонятно, почему за проступок одного человека должны отвечать все? Им ответили: "Потому что вы все одинаковые – можете убить".

Принцип коллективной ответственности в советском человеке воспитывался со школьных лет. Главный постулат педагоги А. Макаренко – "воспитание в коллективе, через коллектив и для коллектива". Сколько искалечено судеб такой "педагогикой", вряд ли кто подсчитает. В Мышкине она "сработала" на обвинение всей "кавказской" колонии.

Как реагируют мусульманские диаспоры на проявление бытового национализма? Иногда жалуются в правоохранительные органы. Азербайджанцы, например, после неоднократных массовых проверок и избиения ОМОНОм торговцев на рынке. Но чаще не ввязываются в споры и объяснения. Терпеливо ждут, когда страсти улягутся сами собой. Не оправдываются. В качестве иллюстрации приведем разговор с Х. Идиловым по поводу инцидента в Мышкине.

– Хамзат, вас обвинили на митинге в Мышкине, что вы скрываетесь от народа, от объяснений с ним?

– У меня умирал сын, и я спасал ему жизнь. Три месяца я был в больницах Ярославля, Москвы, Грозного.

– Народ это понял бы. Но вы даже не упомянули о причинах ваших частых отъездов.

– Я не мог.

– Но вы встали на защиту главы администрации Г. Замятина, который тоже был в больнице.

– Нельзя обвинять человека заочно, тем более перенесшего операцию.

– Но ваш сын тоже перенес операцию.

– Я не мог прикрываться болезнью сына. У меня перед жи-

² Золотое кольцо (Ярославль). 1992. 23 июня.

телями района было больше заслуг, но их не приняли во внимание. Толпа была заведена, и за проступок одного человека сделали ответственными всех кавказцев. Кстати, никаких кланов у нас не было.

— Вы обижены на жителей Мышкина?

— Нет, но неприятно. В который раз пришлось начинать в жизни все сначала.

Совершенно очевидно, что мы имеем дело с особым кавказским характером, особой ментальностью, с которой следует считаться. Не может постоянно идти игра "в одни ворота". Сейчас немало русских выступают в роли обвинителей, не всегда правых, а "кавказцы" — в роли обвиняемых по поводу и без повода.

Что же с Х. Костоевым? Суд, состоявшийся в соседнем Угличе, оправдал его. Ни митингов, ни извинений перед незаслуженно пострадавшими не было. Пар выпущен, душа успокоилась. До следующего конфликта. И он случился, но на этот раз фактически в пригороде областного центра.

Осенью 1999 года в индустриальном спутнике Ярославля, Тутаеве (бывшем Романове), местная администрация пребывала в растерянности, столкнувшись с массовой молодежной агрессией, направленной против кавказских переселенцев. На протяжении двух недель в городе можно было наблюдать одну и ту же картину. Где-то в начале девятого вечера на его улицах появлялась толпа подростков — от двенадцати до семнадцати лет. Сначала немногочисленная, по мере шествия через город она становилось все больше и больше. Через час ее ряды разрастались до трехсот человек. Подростки шли молча, останавливаясь около домов, где проживали южане. Поскольку за ними неотступно следовали работники милиции, никаких активных действий они не предпринимали, лозунгов не выкрикивали. Тем не менее такие шествия имели вполне конкретный смысл. Подростки добивались выселения из города всех кавказцев. "Раньше такого не было, — прокомментировал ситуацию глава мест-

ной милиции. — Мы пытались проводить с пацанами воспитательную работу. Но ничего не добились. Будем ходить, говорят, пока не выселите из Тутаева всех черных"³.

Становится очевидным, что в условиях стремительно меняющейся демографической ситуации и нарастания миграционных потоков с юга этносоциальная структура городов российской глубинки остается источником межэтнической конфликтности. При этом конфликтные ситуации способны "мутировать" и обретать конфессиональную окраску.

Причиной, вызвавшей вспышку озлобленности к "кавказцам" у тутаевских подростков, была обычная разборка на дискотеке между русскими парнями и южанами. Их сверстники в Ярославле — уже без всякого повода — объявили войну иноверцам. В начале августа 1999 года на территории соборной мечети появился листок с надписью: "Смерть мусульманам!!!", с подвешенным на виселице полумесяцем и — в правом верхнем углу, где официальные организации обычно ставят свой штамп, — изображением флага со свастикой⁴.

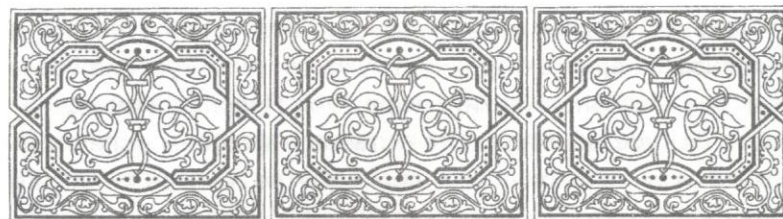
Можно было бы отнести эту хулиганскую выходку в разряд пустых угроз, если бы не одно обстоятельство. Дважды, запущенные чьей-то рукой, камни разбивали окна второго этажа мечети, где находится кабинет муллы. Настораживает и другое. Обзор местной прессы за истекшие два года свидетельствует: "мусульманский ренессанс" в городе на Волге вызвал негативные реакции у прихожан православной церкви.

На уровне обыденного сознания эта проблема волнует как "экспансия иноверцев", вынашивающих планы создания в городе на Волге "оплота ваххабизма". Есть еще один бытовой аспект оценки возрожденческого потенциала ислама, также рождающий смутное беспокойство. Не поменяет ли город свой православный имидж на мусульманский? И газетные заголовки

³ Караван-Рос (Ярославль). 1999. 2 октября.

⁴ Золотое кольцо (Ярославль). 1999. 4 августа.

об этом все чаще напоминают. Раньше Ярославль был православным городом, а теперь, случается, пишут "христианско-мусульманский". Есть и политические силы, использующие подобные настроения, поддерживающие и стимулирующие их, пытающиеся преобразовать их в разного рода практические действия. Ведь кто-то стоит за "подростковыми шалостями". К счастью, пока застрельщики борьбы с "мусульманским игом" находятся на политической периферии общественной жизни. Хорошо известно, что, когда запалом для межконфессиональных противоречий являются межэтнические конфликты, последствия бывают непредсказуемыми.

Глава тринадцатая

МЕМОРИАЛЬНАЯ МЕЧЕТЬ

ряд ли предполагали ярославские мусульмане, какой протест вызовет их решение о строительстве мемориальной мечети в память о мусульманах, погибших в годы Великой Отечественной войны.

По словам бывшего председателя РОМ М.Н. Яфясова, идея строительства родилась в 1996 году. Вокруг нее консолидировалась инициативная группа мусульман. Заручившись поддержкой у властей города, идею озвучили в прессе. Вначале никакой реакции со стороны будущих противников строительства мемориальной мечети не было. Вопрос о финансировании решали так. Надеялись, что помогут ДУМЦЕР и благотворительные организации из мусульманских стран дальнего зарубежья. Впрочем, эти надежды так и не оправдались.

Инициатором строительства был А.Ш. Гайнутдинов. Он и решил строить мечеть на деньги своей семьи. Многие крупные предприниматели-мусульмане хотели принять участие в финансировании, но Анас Шейхаметович отказался от помощи.

Проект будущей мечети разработала группа турецких и ярославских архитекторов под руководством Рустама Гарифуллина – главного архитектора ОАО Ярославльгражданпроект. Здание должно соответствовать канонам исламской архитектуры. Стекланный купол в центре, четыре купола по углам и обязательный минарет. В ночное время купол предполагали подсвечивать изнутри. Это придавало бы изящность и воздушную легкость мемориальному сооружению. Молельный зал был рассчитан всего на 50 человек. Под куполом мечети предполагалось разместить классы по изучению арабского языка, основ религии. Собирались увековечить фамилии ярославских мусульман, погибших в годы войны.

Построить мечеть за один год взялась турецко-немецкая фирма "Антиба". Дело было за отводом участка. Письмо муфтия Равиля Гайнутдина более полугода лежало в мэрии города. Но ни архитекторы, ни ответственные чиновники из многих вариантов размещения мечети не могли остановиться ни на одном.

Догадливые читатели, конечно, вспомнят историю с отводом участка для строительства первой мечети в начале века. Верно, все повторилось, как говорится, один к одному. Разве что фамилии начальников и духовных лиц были другие.

Мусульмане не участвовали в спорах о выборе участка. Где отведут – там и построим. Но все решилось неожиданно быстро. На проходившие в городе дни Татарстана согласился приехать М. Шаймиев. И, хотя по неизвестной причине визит не состоялся, 24 апреля 1998 года на Московском проспекте был торжественно заложен первый камень в основание мемориальной мечети.

Через месяц в православных храмах Ярославля уже читывалось обращение архиепископа Ярославского и Ростовского Михея и викарного епископа Анатолия к православным верующим. "Отцы церкви возмущены не столько фактом строительства мечети, сколько тем, какое место избра-

ли для ее установки. Мечеть, поставленная на Московском проспекте, придаст городу мусульманскую символику. Въезжающих в него людей будут приветствовать не христианские кресты традиционно православного города, а мусульманский полумесяц. Возмущен был архиепископ Михей и тем фактом, что, разрешая мусульманам строить культовое здание, его мнения даже не спросили"¹. Мусульмане недоумевали, почему они должны интересоваться мнением православной епархии. По закону все религии равны, отделены от государства, и вмешиваться в дела друг друга конфессии не имеют права.

– Я тоже был против отвода именно этого участка, – говорит советник губернатора по делам религий Б.Н. Кузнецов. – Я предлагал строить возле Музея боевой славы. Ведь мечеть мемориальная. Но, оказывается, по канонам мечеть нельзя строить возле православного кладбища. Я предупреждал работников мэрии и главного архитектора А.Р. Бобовича, что проблемы возникнут. Время беспокойное, и за каждым действием необходимо предусматривать последствия. Такая же неувязка случилась и с закладкой армянской церкви. Все согласования провели. Но землеустроители поленились заглянуть в архивы. И оказалось, что отвели участок на территории музея-заповедника "Карабиха".

Синхронно аналогичная ситуация возникла в Санкт-Петербурге, о котором рассказало российское телевидение. Здесь мусульманская община "Аль-Фатх" решила построить мечеть в новом микрорайоне. Возмущенные жители готовы были пойти на крайние меры. Их аргументы: не хотим жить в квартирах с видом на мечеть; мечеть ваххабистская; если дать волю мусульманам, то они перетянут на свою сторону население рабочими местами, высокой зарплатой, а потом возьмутся и за наши души.

¹ Караван-Рос (Ярославль). 1998. № 19. С. 3.

Противники строительства мечети на Московском проспекте в Ярославле прибегали к схожим аргументам. "Уверения местных чиновников, что деньги (на строительство) придут из Москвы, необидительны. Столичные столоначальники любят обещать, а потом все виды финансирования спускать на местные власти. Однако, как стало известно редакции, именно люди из бывшего федерального правительства настаивали на строительстве мечети на центральной магистрали города – Московском проспекте. Причем недалеко от места, известного ярославцам, как "Тугова гора", где в 1257 году проходили жестокие битвы воинов Батыя с русичами. Последнее, видимо, и подвигло православных начать сбор подписей против строительства мечети, на что благословил мирян и правящий архиерей Ярославский и Ростовский владыка Михей"².

Вопрос об исторической памяти и исторической ответственности чаще всего поднимают ревнители идеи православной государственности. Благо, что эти "аргументы" можно применять как "за", так и "против". Используя комплекс исторической памяти, можно дойти до того, что во искупление прежних грехов нынешнему Татарстану придется лет двести быть под игом и платить ясаk.

15 сентября 1998 года на встрече Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II с председателем Совета муфтиев России Равилем Гайнутдином был затронут вопрос о противодействии строительству мечети в Ярославле. "Патриарх Московский и Всея Руси поддержал идею строительства и реставрации мечетей в местах компактного проживания мусульман, в частности, мемориальной мечети в Ярославле, возведению которой чинились препятствия со стороны архиепископа Ярославского и Ростовского Михея. Он назвал позицию главы Ярославской епархии не соответствующей позиции Русской православной церкви"³.

² Северный край (Ярославль). 1998. 9 мая.

³ Ислам минбаре (Москва). 1998. 9 сентябрч.

Казалось, конфликт был исчерпан. Но через год все началось сначала. Известный в области борец за экологию, депутат Государственной Думы А. Грешневиков, ссылаясь на письма избирателей, сделал запрос в Министерство культуры о правомочности строительства мечети на отведенном участке и, не дожидаясь ответа, изложил суть запроса в заметке "Камень в основание мечети может стать камнем преткновения". В ней, в частности, сообщалось:

"Заместитель министра культуры В. Хорошилов, ссылаясь на официальное заключение департамента культуры и туризма Ярославской области, отмечает, что место действительно выбрано неудачно, в зоне древнего тракта, связывающего Москву и Ярославль, у подножия Поклонной горы, на которой расположен Крестобогородицкий храм (памятник архитектуры местного значения), где по сей день хранится одна из особо чтимых святынь – Животворящий крест 1654 г."⁴.

Для непосвященных в топографию Ярославля скажем: Крестобогородицкий храм от участка, отведенного для строительства мечети, находится на расстоянии двух километров, Тугова гора – одного километра. Распространяется ли "историческая память" на такие расстояния, ответить не согласился никто.

В ответном личном письме А.Ш. Гайнутдинов разъяснил депутату А. Грешневику, что с точки зрения закона и морали никаких нарушений со стороны мусульман нет. Это письмо было передано в редакцию газеты "Северный край", но не опубликовано, хотя и откомментировано за безликой подписью "отдел писем".

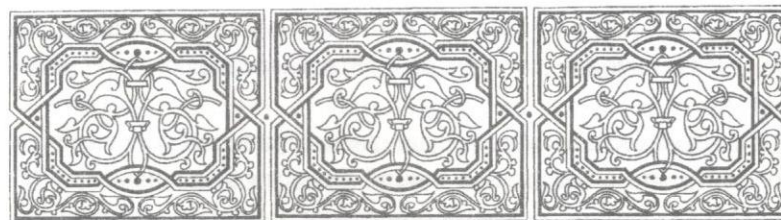
Не вступая в открытую полемику между собой, редакции ярославских газет разделились в своем отношении к строительству мемориальной мечети. Если "Северный край" и "Каваран-Рос" выступили на стороне Русской православной цер-

⁴ Северный край (Ярославль). 1999. 29 мая.

кви, то "Городские новости", "Золотое кольцо" и "Юность" приняли сторону мусульман.

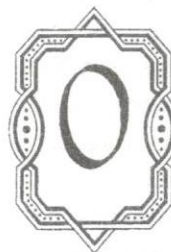
Так и не началось еще строительство мемориальной мечети. Стихли пока и дискуссии по этому поводу в местной прессе.

Из последних событий главным стало награждение в июне 2000 года А. Грешневику "Орденом Даниила Московского третьей степени", который лично вручил ему патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.

Глава четырнадцатая

ПОБЕДИТ ЛИ ИСЛАМ В ЯРОСЛАВЛЕ?

ткуда, вдруг, такой вопрос? И правомерно ли его ставить в отношении города и области, в которой доминантой в населении остаются этнические русские, в большей или меньшей степени прихожане православной церкви?

Забегая вперед, отметим, что такую постановку вопроса мы позаимствовали из областной газеты "Юность". Актуальность же его обусловлена появившимися в последнее время публикациями в российских СМИ, в том числе и региональных, включая и ярославские.

Посмотрим сначала на демографическую ситуацию в городе. С 1990 по 1999 год население Ярославля сократилось с 630 до 620 тысяч человек. Сравнительные же характеристики по относительным показателям впечатляют еще больше. Похоже, что проблема естественной убыли населения в данный период обрела форму действующего "конвейера". В 1990 году смертность в расчете на каждую тысячу горожан впервые превысила уровень рождаемости. В 1996–1997 годах она уже вдвое опережала рождаемость. Кроме того, показатели рождаемости все эти годы были ниже детской смертности. В 1990–1997 годах из каждой тысячи

младенцев от 11 до 14 умирало, не прожив и года, тогда как общий коэффициент естественного прироста колебался в пределах 7–11¹.

Принимая во внимание мусульманские традиции, логично предположить, что в возрастной “нише” городского населения до 15 лет (111,9 тыс.) опережающая рождаемость среди этнических мусульман в большей степени компенсировала детскую смертность, чем коэффициент рождаемости среди русского населения. Конечно, это предположение – скорее оценка, отражающая тенденцию в изменении этноконфессиональных пропорций в возрастной группе, удельный вес которой в городском населении составляет сегодня 17,9 процента. Но устойчивость отмеченной выше тенденции подтверждают (хотя бы косвенно) наблюдения демографов и социологов по центральным областям России. Фиксируя в них общее падение рождаемости, они признают, что, несмотря на некоторое снижение ее роста среди мусульман в середине 90-х годов, она по-прежнему опережала рождаемость среди русских, то есть той части населения, которую с большей или меньшей долей условности причисляют к православной конфессии².

Эта демографическая в своей основе тенденция имеет и вполне конкретный экономический аспект. Создаются предпосылки для последующих изменений в этноконфессиональном составе населения, которое в демографической статистике вычленяется как “трудоспособное” или “самодостаточное”.

В 1997 году, по данным областного статуправления, численность экономически активных горожан составляла 368,1 тыс., или 58,9 процента от общего населения Ярославля. В обозримом будущем включение в трудовую жизнь пополнения из естественных ресурсов подрастающего поколения, очевидно, усилит социальные позиции мусульман в секторе городской экономики. Учитывая, что в 90-е годы весомым его резервом стал “пришлый компонент” –

¹ Ярославская область. Статистический ежегодник. 1998. Ярославль, 1998. С. 12–13.

² См. Малащенко А. Исламское возрождение в России. М., 1998. С. 204.

мигранты из мусульманских регионов, можно утверждать, что в самодостаточном населении города ситуация складывается отнюдь не в пользу этнических русских. При прочих равных условиях для всех жителей Ярославля они в большей степени пропорции “выпадают” из экономически активного населения. Соответственно возрастает и вероятность сокращения их численности в возрастной группе от 16 до 59 лет. Иными словами, при абсолютном преобладании в общем населении города в обозримом историческом времени представители титульной нации, то есть этнические русские, будут терять свои позиции в “нише” трудоспособного возраста. А через два-три десятилетия их численность среди экономически активных горожан будет вполне сопоставимой с численностью этнических мусульман.

В долгосрочной перспективе эта тенденция отнюдь не однозначна по своим последствиям. Значительная часть русских уже сегодня раздражена “укоренением” этнических мусульман в производственной и особенно – в непроизводственной сферах городской экономики.

Сейчас у русских, можно сказать, идет накопление причин для опасений по поводу противодействия “разбавлению нации”. В этом смысле социологи и демографы обеспокоены не столько “нашествием” ислама, сколько деградацией нации, ее перерождением. Русские губят себя сами. Спиваясь, мужчины все больше превращаются в существа, от которых не приходится ждать здорового потомства. В народе по-своему реагируют на это. Среди ярославцев, например, весьма расхожей становится такая присказка-загадка: “В деревню приезжает чеченец, работает фермером от зари до зари, не пьет. Спрашивается: в чью сторону будут смотреть потенциальные невесты или женщины, мечтающие иметь здорового ребенка?”

Одним из позитивных последствий татаро-монгольского ига некоторые историки считают вливание свежей крови в русскую нацию, чего хватило на несколько веков. И позднее, в XVIII–XIX веках в среде российского дворянства породниться с татарскими

родами Урусовых, Юсуповых, Сабанеевых и др. считалось за честь. Правда, это были уже крещенные татары, но от этого они не переставали быть татарами. В 30–70 годах XX века смешанные браки были распространенным явлением. И сегодня в городе они далеко не редкость. Азербайджанцы в своем сайте в Интернете даже с гордостью сообщили о них как о некоем образце. Поэтому видеть только одну какую-то тенденцию вряд ли оправданно. Жизнь, как правило, не укладывается в схему. Жизнь всегда сложнее и многообразнее.

И все-таки. Интерес в городе к исламу в самых различных возрастных группах русского населения присутствует. Очевидно, это связано с тем, что религия, возвращаясь в массовое сознание, стимулирует интерес не только к "своей", но и к "чужой" вере. Местные СМИ сегодня часто пишут и об исламе, по центральному радио каждую пятницу можно слышать утренний "Голос ислама".

Для многих ислам – это восточная экзотика. Как восточные сказки, наполненные таинственной притягательностью восточные базары, особая архитектура, музыка. И, главное, неспешный ход жизни, о котором ностальгически вспоминает большинство людей. Издерганные несвойственным душе ритмом жизни, они начинают подсознательно тянуться к тем вечным истинам и неспешному образу жизни, свойственным, как им представляется, Востоку. Сказанное касается и молодежи.

Что бы мы ни говорили о ней, а духовная опора для молодых сегодня, может быть, важнее, чем для взрослых. У нее вдруг стала безмерной сфера общения и сузилась до минимума сфера одиночества, когда человеку необходимо побыть с собой наедине, соразмерить свою жизнь с вечными истинами. Нарушение этого баланса нередко приносит дискомфорт в жизнь человека, а порой приводит и к психическим отклонениям.

Православная церковь в который уже раз не сделала поправку на время и обстоятельства, чем не преминули воспользоваться представители различных сект и новых вероучений.

Что же касается ислама, то местные СМИ не раз уже сообщали

ли о переходе в мусульманскую религию молодежи из русских семей.

Анкетирование, проведенное социологической службой газеты "Юность", показало, что из каждой сотни молодых, грамотных, квалифицированных ярославцев, занятых бизнесом, физическим трудом или являющихся студентами, – 37 в большей или меньшей степени интересуются мусульманской религией, а треть из них хотели бы принять ислам. Поменять вероисповедание желали в основном студенты. Причем потенциальными адептами ислама были юноши и девушки из обеспеченных семей. И, наоборот, при всем чисто познавательном отношении к нему, молодые люди, относившие себя к материально низкообеспеченным слоям городского населения, оставались приверженцами православной веры³.

За все 90-е годы местные СМИ не сообщили ни одного случая о намерении мусульманина перейти в христианскую веру. Поэтому понятны опасения православных священников. Ислам становится все более привлекательной религией для городской молодежи, нежели христианство. Но верно и другое. За исключением элитарной, с точки зрения имущественного ценза, группы студентов, большинство – две трети респондентов – даже не задумывались о смене вероисповедания. Сравнение данных анкетирования с публикациями в печати более позднего времени позволяет утверждать, что в среде молодежи из русских семей повышается роль православия⁴.

Интерес к исламу в Ярославле был вызван не только фактом возвращения мечети, но и публикациями по поводу перипетий, связанных с ее передачей верующим. Сами же приверженцы мусульманской религии не предпринимали активных шагов к "экспансии" своей веры в ряды русского населения. Тем не менее, в публикациях местных газет, как мы уже отмечали, нередко мелькают сообщения о переходе горожан из христианской веры в иную, в том числе и мусульманскую.

³ Юность (Ярославль). 1995. №3. С. 3.

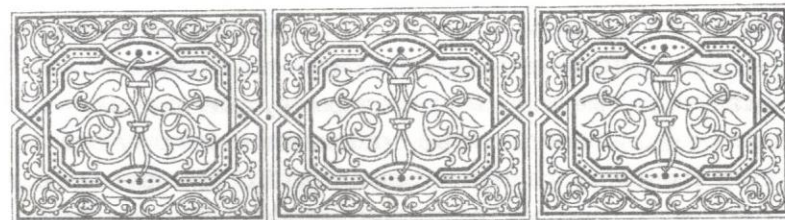
⁴ Золотое кольцо (Ярославль). 1998. 28 августа.

Когда мы спросили имама Рустама-хазрата, бывают ли случаи обращения русских в мусульманскую веру, он ответил как о чем-то обыденном: "В среднем два человека в месяц принимают ислам". Ни одна из попыток встретиться с новообращенными мусульманами не завершилась успехом. В мечети их имена не называют. Те, о ком стало известно автору "по сарафанной почте", от разговора уклонились. Можно лишь догадываться, что лишней оглаской люди не хотят осложнять себе дальнейшую жизнь. Особенно после выхода фильма В. Хотиненко "Мусульманин", в основе которого — реальный факт. Но фильм сделан надуманно и ходульно. Окружающие не принимают человека, сменившего веру, и он погибает. Конечно, выявление закономерностей не является главной задачей искусства, этим занимается наука. Но за кулисами случая, о котором рассказывает фильм, возникает невольный интерес к этой загадочной восточной религии. Тем более, что даже такое солидное издание, как "Независимая газета", предполагает, что лет этак через 40–50 президентом России, возможно, будет мусульманин. Правда, подавался этот прогноз как очередное пугало. Мол, ничего хорошего в этом нет. Уж он-то постарается сделать ислам государственной религией...

Разумеется, не исключено, что мусульмане и составят в будущем большинство населения в России. Но произойдет это естественным путем. По мнению академика И.В. Бестужева-Лады, современную демографическую ситуацию в России можно сравнить "со средневековыми эпидемиями чумы или холеры. Вырождение идет со скоростью одного миллиона в год. Мои коллеги могут вычислить год, когда последний Иван женится на Марье, родят последнюю Дарью. А ей надо будет выходить замуж за Ахмета. Других вариантов не будет. Это мучительный процесс формирования совершенно другого этноса"⁵.

И все же, победит ли ислам в Ярославле? Внимательный читатель сделает вывод из всего прочитанного сам. Ислам не ставит перед собой такую задачу. За него ее поставили русские. И они же должны решать, победит он или не победит.

⁵ МК в Ярославле. 2000. 1–8 июня.

Глава пятнадцатая

ЗНАМЕНИТЫЕ МУСУЛЬМАНЕ ЯРОСЛАВЛЯ

Каждый город, каждая республика, страна, нация гордятся своими знаменитыми земляками. Даже сам факт рождения этих людей возвышает территорию или народ, мол, только на нашей благодатной земле, в среде нашего народа могла появиться такая знаменитость. Иногда земляков "делят" со скандалами и многолетними публичными тяжбами. Так, Узбекистан и Таджикистан претендуют на первородство Авиценны. Чуваши всерьез пробовали доказать, что В. Ленин имеет отношение к их земле, так как родился в Симбирске всего через три месяца после переезда из Чебоксар. Долгий спор вели из-за Н. Хрущева украинское село Ксаверовка и курское Калиновка. Споры больше возникали из-за меркантильных соображений. Так, первая женщина-космонавт В. Терешкова в течение нескольких лет помогала Ярославлю "выбивать" фонды на дефицитные материалы.

В мусульманской среде знаменитый человек — особая гордость. Это, как правило, не только известное имя, но и авторитетный

защитник и помощник во многих делах. В последние годы начался дележ авторитетов между мусульманами и православными. Многие писатели, ученые, композиторы, которых русские издавна считают своей национальной гордостью, оказывается, имеют мусульманские корни. В качестве "третьего судьи" берут Л.Н. Гумилева, видевшего Россию наследницей Тюркского каганата VI–VIII веков и Монгольской державы XIII–XV веков, который выделил среди русских дворян около трехсот фамилий, имеющих тюркские корни. Это Аксаковы, композиторы – Алябьев, Рахманинов, Танеев, философы – Бердяев, Булгаков, Чаадаев, писатели – Бунин, Гоголь, Державин, Карамзин, Тютчев, главы известных родов – Шереметевы, Урусовы, Юсуповы, Сабаневы, Кропоткины и др.

Один из древнейших родов ярославской земли – Сабаневы.

Сабаневы. Эта фамилия известна во всей России. По исследованиям ярославского краеведа Б. Недорезова, корни родословной Сабаневых уходят ко временам Василия Темного. Сын касимовского мурзы Сабан Адея – Рыбчак – считается родоначальником рода Сабаневых. Впоследствии мурза Рыбчак был переселен в Романов, а его потомок Кутлу Мамет Сабанев (в крещении Федор Ишкеевич) в 1675 году получил дворянство и был пожалован поместьями в Ярославле: в Кузьминской пустоши за Волгой и в Полушкиной роще. Впоследствии часть владений Сабаневых в Полушкиной роще выкупило шведское акционерное общество АСЕА для строительства завода электрических машин. В начале тридцатых годов XX века на землях дворян Сабаневых построили завод синтетического каучука и частично шинный.

В истории Ярославля и России род Сабаневых оставил заметный след. Иван Васильевич Сабанев – известный военачальник, сподвижник А.В. Суворова и участник войны 1812 года. Из других имен известен химик, профессор Московского университета Александр Павлович Сабанев. Леонида Павловича Сабанева – зоолога, ихтиолога, знатока охотничьей фауны знают и ценят рыбаки и охотники. Его книги "Собаки охотничьи, комнат-

ные, сторожевые" и "Жизнь и ловля пресноводных рыб" пользуются большой популярностью и издаются огромными тиражами.

Известный ярославский краевед Николай Павлович Сабанев – тоже потомок этого рода. В 60-х годах прошлого века он исследовал около 20 курганов на берегах Сити, где в марте 1238 года произошла битва русских с татарами. Им было обнаружено немало археологических находок. Н.П. Сабанев обратил внимание и на местных жителей – сицкарей. Он считал, что в их "гремучем темпераменте" немало татарской крови. И то верно: отличает сицкарей необыкновенная приветливость и гостеприимность. Горе тому гостю, который откажется от угощения. За "неуважение" могут и поколотить.

Николай Павлович Сабанев был основателем Ярославского естественно-исторического общества. Руководил им его брат Владимир Павлович, известный энтомолог, селекционер плодовых деревьев.

Трудно сложилась судьба у его сына Николая Владимировича, последнего из ярославской ветви рода Сабаневых. Он умер в 1974 году. Кто близко знал Николая Владимировича, ценили его как блестящего краеведа, знавшего историю почти каждого здания в Ярославле. Его устные рассказы поражали точнейшими деталями. Было ему в то время 87 лет. Многие советовали ему написать книгу, но он не хотел лишний раз привлекать к себе внимание. Были на то свои причины.

В 1918 году во время белогвардейского мятежа офицер, дворянин Н.В. Сабанев оказался "на той стороне". Был охранником на "барже смерти", где погибли десятки арестованных белогвардейцами пленников. На суде выжившие узники баржи выделили благородное к ним отношение со стороны Н.В. Сабанева. Но это обстоятельство не приняли во внимание, и его приговорили к расстрелу. Жена добилась приема у М.И. Калинина, и расстрел заменили тюрьмой.

Печать "белогвардейца" висела на нем всю жизнь. Вместе с женой они жили в подвале деревянного дома, при лампадке. В

городе Н.В. Сабанеева знали как "динозавра, который не желает почему-то проводить электричество". Более 20 лет он был первым в очереди на получение жилья и однокомнатную квартиру получил за три недели до смерти. И то лишь потому, что на этом месте начинали строить здание горкома партии. Собранные им богатейшие коллекции икон, редких книг и документов он завещал музею, библиотеке, архиву. Все коллекции бесследно исчезли. Он был последним из Сабанеевых и проконтролировать передачу собранного было некому.

Но не забыли Сабанеевых. В начале 2000 года межведомственная комиссия по наименованию улиц, подыскивая названия для поселка, построенного на землях, принадлежавших когда-то этому древнему роду — Сабанеевым, наименовала две улицы их именами: Сабанеевская и Малая Сабанеевская. В дополнение к ним появились еще и шесть Сабанеевских переулков.

Галимзян Шагвалеев. Особо гордятся ярославские мусульмане этим своим земляком. Галимзян Шагвалеев стал Героем Советского Союза. Это высокое звание он получил за форсирование Дуная. Под шквальным огнем противника командир понтонного расчета Г. Шагвалеев первым вступил на другой берег и в коротком бою сумел закрепиться на небольшом плацдарме, обеспечив высадку всего десанта. Даже получив ранение, Г. Шагвалеев сумел сделать десять рейсов и переправил около двух батальонов пехоты и четыре орудия. Происходило это в декабре 1944 года, а 24 марта 1945 года Галимзяну Шагвалееву присвоили звание Героя Советского Союза.

Семья Шагвалеевых приехала из Татарии в 1931 году и поселилась на Вареговском торфопредприятии. Галимзян до войны работал торфяником.

— Это был на редкость трудолюбивый и скромный человек, — вспоминает бывший директор Вареговского торфопредприятия Г.Р. Егоров. — После войны фронтовикам старались подобрать работу полегче, а тут Герой Советского Союза. Но Галимзян

сразу отверг все предлагаемые "синекуры". Постепенно мы все же продвигали его — сначала техником-десятьником, а потом и мастером участка по добыче торфа. Был он депутатом местного Совета и звание свое использовал лишь в крайних случаях, когда нужно было кому-то оказать помощь.

Был представлен к званию Героя Социалистического Труда и другой торфяник — машинист пневмокомбайна Мокеихо-Зыбинского торфопредприятия Хайдар Мингазов. Но где-то на долгом пути прохождения наградных документов посчитали его показатели недостаточно высокими и ограничились орденом Ленина.

Ахмет Ахмеров. Долгие годы это был самый известный из рабочих Ярославля. Он прославился как сборщик автопокрышек, которому не было равных на шинном заводе. На завод он пришел в 1938 году. Войну прошел с первого до последнего дня — до победы над Японией. Два ордена: Красной Звезды, Славы III степени и три медали — так были оценены боевые заслуги Ахмета Ибатуловича. За трудовые успехи наград было еще больше. В 1974 году ему присвоили звание Героя Социалистического Труда. Все, кто с ним работал, говорят о нем как о самом надежном и безотказном человеке. И хотя звания тогда давали больше по разрядке, ни один человек не усомнился в справедливости присвоения высокой награды Ахмету Ибатуловичу. Не изменилась его жизнь и после присвоения высокого звания. Он так же работал в трех сменах. Нередко после ночной смены шел на встречи в школы, на всевозможные юбилейные заседания. Его считали двужильным человеком, которому, как говорили, нет износа. Он никогда и никому не жаловался. О его болезни узнали слишком поздно, когда надежды на благополучный исход практически не оставалось.

Он не был верующим человеком, но, когда журналисты спросили его об отношении к религии, публично ответил, что у партии и Аллаха одна задача — сделать человека добрее. А. Ахмеров

был коммунистом. Однако никто не посмел за такое высказывание сделать ему выговор. Авторитет этого человека, заработанный нелегким трудом, был велик и бесспорен.

Амир Мазитов. Этого добродушного, приветливого человека до сих пор тепло вспоминают в Ярославле, особенно художники. Воспитанник одного из первых послевоенных выпусков Московского художественного института им. И. Сурикова, он около тридцати лет жил и работал в Ярославле. В 70-х годах был председателем Ярославского отделения Союза художников РСФСР. В то время в Союзе была спокойная творческая обстановка. Умел А. Мазитов создать атмосферу доброжелательности в творческом коллективе.

В стране он был известен как автор картины "Чайка" — о В. Терешковой. Он получил также премию Ленинского Комсомола за картину "Барабанщик". Долго не выставял ее художник. В глазах юного барабанщика, изображенного на его картине, отражался не хрестоматийный героизм молодого поколения гражданской войны, а весь ее ужас. Но комсомольские вожди увидели в картине только патриотический мотив и премировали. В 80-х годах А. Мазитов переехал на родину, в Казань.

Юсуф Мусабеков. В 1966 году доктор химических наук, профессор Ярославского технологического института Ю. Мусабеков был избран членом-корреспондентом Международной академии истории и философии. Студенты и коллеги ценили его в первую очередь как ученого-химика, а международное признание он получил как популяризатор науки. Его книгу "Занимательные истории из жизни ученых" встретили неоднозначно. Читатели, как говорится, "на ура", ученые — прохладно. Многие их коллеги выглядели подчас ненаучными чудаками. Но именно эта сторона их жизни, бытовые детали и забавные случаи, рассказанные с юмором о "сухих ученых", делали их живыми людьми. Это потом появились сборники "Физики шутят", но первооткрывателем жанра был Ю. Мусабеков.

Уроженец Азербайджана, владевший многими европейскими и восточными языками, знаток теории шахмат, автор более трехсот научных публикаций, статей в Большой советской энциклопедии, любимец студентов, которые боялись пропустить его лекции, так как эти потери были невозполнимы, — таким помнят Юсуфа Сулеймановича Мусабекова.

Есть еще одно знаменитое изобретение, связанное с его именем: в начале войны он предложил технологию "сухого горячего", которым до сего времени пользуются путешественники и туристы. А тогда, на фронте, кружка горячего чая спасала солдат от озноба и простуды.

Архитекторы. Уроженец Марийской АССР, выпускник МАРХИ Ирек Хайруллин с 1970 года работал в институте Ярославльгражданпроект главным архитектором, а позднее и главным инженером. Победитель многих всероссийских и всесоюзных конкурсов на лучшие проекты, он всю жизнь мечтал о свободе, индивидуальном проектировании и осуществлении этих проектов хотя бы для таких городов, как Ярославль. В годы перестройки создал свою творческую мастерскую. Но, к сожалению, рано умер. Из его последних проектов стоит назвать выставочный зал на ул. Свободы и здание банка "Возрождение".

Нынешний главный архитектор ОАО Ярославльгражданпроект Р. В. Гарифуллин, выпускник Казанского архитектурного института, с 1983 года живет и трудится в Ярославле и привязался к этому городу так, как умеют привязываться только архитекторы: со знанием, душой и любовью.

Здания по его проектам находятся в Северном жилом районе города, на Московском проспекте. Готовы к осуществлению проекты застройки части улицы Чайковского и микрорайона из коттеджей по технологии французской фирмы "Феникс".

Его участие в проекте реставрации мечети, проект минарета — особо чтимы мусульманами города.

Таир Мирзоев. Несколько лет назад на рынок продовольствен-

ных товаров стала пробиваться продукция фирмы "Атрус" из Ростова-Ярославского. Энергичный и предприимчивый Таир Мехбала оглы Мирзоев, имевший за плечами знаменитый институт им. Г. Плеханова, в 1993 году "подобрал" обанкротившееся макаронное производство. Развивая дело, выкупил местный хлебозавод, потом на балансе появился мясокомбинат. И, наконец, швейное предприятие, изделия которого уходят в основном в столицу. Продукция "Атруса" стала теперь известна и популярна не только в Ярославской области.

Муса Ванцаев. В конце 1999 года газета "Золотое кольцо" опубликовала очерк "Дивиденды обрусевшего чеченца" о Мусе Ванцаеве, директоре детского дома в селе Багряники Первомайского района. Десятки конференций не могли бы сделать того, что вызвала эта публикация. В то непростое для чеченцев время такой рассказ о выпускнике Ярославского пединститута, который уже десять лет возится с русскими сиротами, стоил многого. В его детдом свозили тех, от кого отказывались в "нормальных" приютах. Как писала газета, "не будем с научной строгостью повторять поставленный им диагноз, но медицинские показания таковы, что их не принимает ни одно дающее хоть какое-нибудь образование заведение. Муса Синяевич считает, что особых сложностей с этой ребятней нет, к ней надо только очень уважительно относиться и постоянно внушать, что в Багряниках собралась одна большая и дружная семья. Сейчас в агрошколе-интернате более 130 учеников"¹. Все они получают различные специальности в своем подсобном хозяйстве, где имеются 600 гектаров земли, 120 коров, своя пекарня, колбасный цех. Кроме крепкой профессии, каждый воспитанник получает немало и от внешнего общения: ребята ездят на экскурсии по многим местам России, были в Швеции и США.

А в чем дивиденды? Помочь человеку встать на ноги, вернуть обществу когда-то им отвергнутых, воспитать хорошими, добрыми людьми и полезными специалистами. Так считает чеченец Муса Ванцаев.

¹ Золотое кольцо (Ярославль). 1999. 24 декабря.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почти четыре века назад ислам пустил корни на ярославской земле. С этой точки зрения термин "возрождение" в приложении к нему достаточно условен. Речь идет о восстановлении исламом утраченных за годы советской власти позиций. При этом он не только становится основой этнокультурной идентификации и солидарности, но и обретает мировоззренческую сущность. Это последнее обстоятельство имеет огромное значение, так как под его воздействием меняются взгляды и представления мусульман, их видение себя и своего места в истории города, региона, России и, наконец, исламской цивилизации. Меты таких перемен фиксируют слова имам-хатыба городской соборной мечети, обращенные к читателям этой книги и завершающие ее.

Именем Аллаха, Всемилоостивого и Милосердного

Прошло 1400 лет по лунному мусульманскому календарю со дня проникновения арабов в Дербент, дня, ознаменовавшего собой начало распространения Ислама на территории России. В 922 году, более чем за полвека до Крещения Руси, волжские булгары, предки современных татар, встретили посольство багдадского халифа для официального принятия мусульманской веры. В настоящее время более 30 коренных народов Российской Федерации принадлежат к этой конфессии.

Веками следуя заветам своей религии, они преданно служили земле своих предков, органично красочными самоцветами вплетаясь в многоликую мозаику российской действительности. В самобытной индивидуальности каждого народа, многонациональности и поликонфессиональности общества есть промысел Божий. "А если бы пожелал Аллах, то он сделал бы вас одной религиозной общиной", – говорится в одном из аятов Священного Корана (Коран, Сура 5, аят 48 (53)). Но "Мы сделали вас народами и племенами, дабы вы познали друг друга", – подытоживается в другом (Коран, Сура 40, аят 13).

Мир, согласие и культурно-нравственный диалог представителей различных религий и народов – основа стабильности в любом обществе. Взаимоуважение, а не игнорирование друг друга – вот ключ к всеобщему благоденствию и процветанию. Но, к сожалению, эти идеи не стали всеобщим достоянием в нашем обществе. Не секрет, что отечественная история составлялась и переписывалась в угоду различным идеологиям, всегда далеким от освещения роли и значения в ней мусульманской компоненты. Непререкаемые авторитеты либо умалчивали о ней, либо интерпретировали события в заданном тоне. И по сей день немало таких исследователей, кто игнорирует меняющиеся реалии, традиционно считает Россию исключительно православным государством, в котором мусульмане не более чем чужестранцы, инородцы в лоне "святой земли русской".

Подобные трактовки чрезвычайно опасны для нашей многонациональной и поликонфессиональной Отчизны. Научная, непредвзятая объективность могла бы все расставить по своим местам, избавить наше общество от устоявшихся предрассудков, наметить пути решения сложных этноконфессиональных проблем. Как бы подсказывая нам путь, выдающийся мусульманский мыслитель средневековья Абу Хамид аль-Газали писал: "Традициям человек может следовать лишь при том условии, если подражание авторитетам у него носит бессознательный характер. Но стоит ему осознать это, как предмет его подражания, подобно стеклу,

дает трещину и рассыпается на мелкие осколки. Трещины заделывать невозможно, собрать и соединить между собой осколки нельзя. Значит, остается только переплавить все это в огне и вместо прежнего предмета создать другой, совершенно новый"¹.

Путь к созданию нового гармоничного общества во многом преграждает вакуум незнания, порождающий напряженность, страх, а порой и апокалипсические видения скорого торжества Ислама над Православием. Мы уверены, что книга, рассказывающая о мусульманах Ярославля, существенно заполнит эту пустоту. А значит, в этом городе, а за ним по цепочке и в других городах вспыхнет животворный огонек, согревающий человеческие сердца. Разгоревшись в пламень, он сплавит воедино разбросанные осколки поруганной России. И пусть в ней, как в заново отлитом сосуде, пребудет лишь одно: миролюбие и созидание.

Рустам-хазрат Батров,
имам-хатыб Ярославской
соборной мечети

¹ Газали. Избавляющий от заблуждения // Аверроэс. Опровержение опровержения / Пер. с арабского А.В. Сагадеева. СПб., 1999. С. 535.

Библиография

Источники (неопубликованные)

- Государственный Архив Ярославской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 2248. Л. 2, 3, 12, 20–23.
- Государственный Архив Ярославской области. Ф. 79. Оп. 13. Д. 1158. Л. 1, 2, 5, 10, 11.
- Государственный Архив Ярославской области. Ф. 230. Оп. 3. Д. 3195. Л. 5, 6.
- Государственный Архив Ярославской области. Ф. 509. Оп. 1. Д. 1125. Л. 1–7, 9, 11–12, 22, 24.
- Государственный Архив Ярославской области. Ф. Р-1033. Оп. 1. Д. 103. Л. 116, 117, 139–141.
- Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 1. Оп. 27. Д. 1641. Л. 9–10, 48–50, 151.
- Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 273. Оп. 68. Д. 140. Л. 1–6.
- Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 273. Оп. 68. Д. 186. Л. 279.
- Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 1612. Оп. 2. Д. 17. Л. 47.
- Архив автора.

Источники (опубликованные)

- Календарь Ярославской губернии на 1880 г. Ярославль, 1880.
- Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. // Госкомстат РСФСР. М., 1999.
- Социальное положение и уровень жизни населения Ярославской области: Статистический сборник. Ярославский областной комитет государственной статистики. Ярославль, 1999.
- Ярославская область. Статистические ежегодники за 1970 – 1999 гг. Ярославский областной комитет государственной статистики. Ярославль.

Справочные издания

- В помощь пропагандисту-антирелигиознику. Ярославль, 1940.
- Ислам в законодательстве России. 1551–1929. Уфа, 1989.
- Ислам: Краткий справочник. М., 1983.
- Межнациональные отношения на региональном уровне: современное состояние и пути урегулирования // Материалы научно-практической конференции. Ярославль, 1992 (неопубл.).
- Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Эфрон. СПб., 1914.
- Религия, свобода совести, государственно-церковные отношения в России: Справочник. М., 1996.
- Татары и Татарстан: Справочник. Казань, 1997.
- Хрестоматия по исламу. М., 1994.
- Ярославское естественно-историческое и краеведческое общество // Ярославский край. Сб-ки I, II. Ярославль, 1928, 1929.
- Ярославль: Путеводитель. Ярославль, 1971.

ЛИТЕРАТУРА

- Алов А.А., Владимиров Н.Г., Овсиенко Ф.Г. Мировые религии. М., 1999.
- Балтанова Г.Р. Ислам в СССР: анализ зарубежных концепций. Казань, 1991.
- Вагабов М. Ислам и семья. М., 1980.
- Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) // Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Газиз Г. История татар. М., 1994.
- Гэллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.
- Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998.
- Гурлянд И.Я. Романовские мурзы и их служилые татары. Тверь, 1904.
- Емельянова Н. Мусульмане Кабарды. М., 1999.
- Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. М., 1991.

Ермаков И., Микульский Д. Ислам в России и Средней Азии. М., 1993.

Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996.

Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1996.

Игнатенко А.А. Халифы без халифата. Исламские неправительственные организации на Ближнем Востоке: история, идеология, деятельность. М., 1998.

Ислам и общество. М., 1975.

Ислам и исламизм. М., 1999.

Ислам и мусульмане в России. М., 1999.

Керимов Г.М. Шариат. Закон жизни мусульман. М., 1999.

Козлов С.А., Анкудинова А.М. Очерки истории Ярославского края с древнейших времен до конца XV века. Ярославль, 1997.

Косач Г.Г. Город на стыке двух континентов. Оренбургское татарское меньшинство и государство. М., 1998.

Крымские татары: проблемы репатриации. М., 1997.

Ланда Р.Г. Ислам в современной России. М., 1995.

Ляхов В.А., Анкудинова А.М. За землю Русскую. Ярославль, 1980.

Малашенко А.В. В поисках альтернативы. М., 1996.

Малашенко А.В. Мусульманский мир СНГ. М., 1996.

Малашенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998.

Международный опыт урегулирования этнополитических конфликтов. Казань, 1996.

Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991.

Мейерович М.Г. Так начинался Ярославль. Ярославль, 1984.

Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974.

Религия и государство в современной России. М., 1997.

Религия и национализм. М., 2000.

Саидбаев Т.С. Ислам и общество. М., 1984.

Северо-Восточная Русь в борьбе с монголо-татарскими захватчиками. Ярославль, 1981.

Сенюткин С.Б., Идрисов У.Ю., Сенюткина О.Н., Гусева Ю.Н. История исламских общин Нижегородской области. Нижний Новгород, 1998.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15-ти кн. М., 1960. Т 5, гл. 3; т. 6, гл. 3; т. 7, гл. 4.

Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997.

Татарская нация: прошлое, настоящее, будущее. Казань, 1997.

Теляковский Н.Н. Старина и святыни города Романова. Ярославль, 1913.

Черновская В.В. Национально-этнические проблемы независимой Индии. Ярославль, 1993.

Чечня и Россия: общества и государства. Вып. 3. М., 1999.

ПЕРИОДИКА

Азия и Африка сегодня. Москва.

Безбожник. Москва.

Безбожник у станка. Москва.

Вестник Евразии. Москва.

Вестник Европы. Санкт-Петербург.

Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. Москва.

Городские новости. Ярославль.

Губернские вести. Ярославль.

Диаспоры. Москва.

Епархиальные ведомости. Ярославль.

Зов времени. Москва.

Золотое кольцо. Ярославль.

Ислам минбаре. Москва.

Караван-Рос. Ярославль.

Московский комсомолец в Ярославле. Ярославль.

Наука и религия. Москва.

Независимая газета. Москва.

НГ-религии. Москва.

Панорама-Форум. Казань.

Северный край. Ярославль.

Юность. Ярославль.

Ярославская неделя. Ярославль.

Ярославская старина. Вып. 1, 2, 3. Ярославль.

Оглавление

Введение	3
Глава первая. "Исторический каприз" Ивана Грозного	9
Глава вторая. Община	27
Глава третья. Долгие хлопоты о мечети	37
Глава четвертая. Антихристы из СвБ	51
Глава пятая. Пришлите экскаватор	63
Глава шестая. Торфушки	77
Глава седьмая. Второе поколение	87
Глава восьмая. Молельные дома	99
Глава девятая. На одном меридиане с Меккой	111
Глава десятая. Землячество. Диаспора. Община	127
Глава одиннадцатая. Ненужный конфликт	177
Глава двенадцатая. Бытовой национализм	185
Глава тринадцатая. Мемориальная мечеть	197
Глава четырнадцатая. Победит ли ислам в Ярослав- ле?	203
Глава пятнадцатая. Знаменитые мусульмане Ярос- лавля	209
Заключение	217
Библиография	220

Сдано в набор 18.7.2000. Подписано в печать 18.10.2000.

Гарнитура Ариел. Формат 60/90 1/16.

Заказ № 264. Тираж 1000 экз.

«ДИА-пресс» ЛР N 065158 от 6.05.97 ГКРФ по печати.

Ярославль-ГСП, Полушкина роща, 11.

